

БИОГРАФИЯ ПИСАТЕЛЯ

Б. Ф. ЕГОРОВ

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ДОБРОЛЮБОВ

БИОГРАФИЯ ПИСАТЕЛЯ

Б.Ф. ЕГОРОВ

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДОБРΟЛЮБОВ

Книга для учащихся

МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1986

ББК 83.3Р1
Е30

Рецензенты:

доктор филологических наук *С. А. Рейсер*,
учитель средней школы № 11 Москвы *Л. Л. Приборкина*

Егоров Б. Ф.

Е30 Николай Александрович Добролюбов: Кн. для учащихся.—М.: Просвещение, 1986.—159 с., ил., 4 л. ил. — (Биогр. писателя).

В книге биография Н. А. Добролюбова рассматривается в неразрывном единстве с его литературной деятельностью.

Подробно освещены принципы «реальной критики», научная методология анализа художественного произведения.

Деятельность Н. А. Добролюбова рассмотрена в широком контексте культуры эпохи, научных идей середины XIX века.

Е **4306020000—373** **271—86**
103(03)—86

ББК 83.3Р1
8Р1

В этой книге, дорогой читатель, пойдет речь об удивительном человеке. В 21 год он окончил педагогический институт и был приглашен в редакцию некрасовского журнала «Современник», а 25-летним ушел из жизни, замученный чахоткой и нравственными переживаниями, т. е. судьбой ему было отпущено всего 4 года напряженной журнальной работы. Но за этот малый отрезок времени Добролюбов стал властителем дум русской интеллигенции, особенно — молодежи. Его статьи читались и перечитывались, наиболее яркие места выписывались, выучивались наизусть.

В XIX веке грамотные юноши и девушки, как правило, заводили альбомы, куда они сами или их товарищи вписывали наиболее полюбоившиеся произведения. В первой половине века в альбомах господствовали стихи: переписывались творения Жуковского, Пушкина, Баратынского, Лермонтова, Кольцова... А в 1860-х годах картина изменилась: проза вытеснила поэзию, да и проза была специфической. У автора этой книги хранится альбом провинциальной девушки тех лет, в котором поэзия представлена стихотворениями Рылеева, Лермонтова, Некрасова, а основную часть альбома занимают громадные выписки из критических статей Белинского, Добролюбова, Писарева. Какую нужно было иметь этим статьям притягательную силу, чтобы распространиться по всей России, дойти до глухих уголков, вытеснить в девичьем альбоме лирику и другие художественные жанры, т. е. фактически занять место искусства, лирики, поэзии!..

Добролюбов воистину был одним из ведущих деятелей своей эпохи, которую уже современники наименовали «шестидесятыми годами», а участников общественного движения — «шестидесятниками». В каждый исторический период появляются люди, наиболее глубоко, наиболее всесторонне характеризующие своими мировоззрением, психологией, поведением сущность эпохи.

Когда общественное движение становится относительно массовым, то его участники получают эпохальное наименование: декабрист, шестидесятник, семидесятник... Социально-психологический тип шестидесятника стал формироваться хронологически еще в середине пятидесятых годов, после смерти в 1855 году Николая I и в связи с

общественным подъемом, с началом подготовки к крестьянской реформе 1861 года (отмена крепостничества). Поэтому когда употребляются термины «шестидесятник», «шестидесятые годы», то имеется в виду не буквально отрезок от 1860 до 1869 года, а период от середины пятидесятих годов до конца шестидесятых.

В публицистике и литературной критике шестидесятые годы наиболее ярко представлены именами Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и Д. И. Писарева. Чернышевский пришел в журналистику в 1853 году, Добролюбов — в 1856-м, Писарев — в 1859-м. Чернышевский, стоявший вместе с Некрасовым во главе ведущего журнала той поры, «Современника», и руководивший его литературно-критическим отделом, сразу же обратил внимание на выдающийся талант Добролюбова, оканчивавшего в 1857 году педагогический институт, и смело порекомендовал молодому коллеге руководство литературной критикой. Четыре года Добролюбов был ведущим критиком и рецензентом в ведущем журнале эпохи. Но не только критиком и рецензентом. Добролюбов оказался замечательным публицистом, философом, историком, литературоведом. Статьи его из этих гуманитарных областей тоже были не менее новаторские и злободневные, чем его критические труды, и тоже возбуждали умы современников, звали к творческой деятельности, открывали перспективы...

Вскоре Добролюбов стал и равноправным с Некрасовым, И. И. Панаевым, Чернышевским членом редакции «Современника», одним из руководителей журнала. Помимо текущей редакторской работы (составление очередных томов, подбор творческих кадров, беседы с сотрудниками, цензурные хлопоты и т. д.), Добролюбов организовал при содействии Некрасова особое сатирическое приложение к «Современнику» — «Свисток» и явился основным его автором, сочиняя в стихах и прозе пародии, сатиру, фельетоны. Добролюбов также был хорошим лирическим поэтом, писал оригинальные стихотворения, из которых лишь некоторые увидели свет при его жизни, и активно переводил с других языков (наиболее известны его переводы стихотворений Г. Гейне). Публиковал Добролюбов и повести («Донос», «Делец»), живые очерки провинциальных нравов.

Организаторская деятельность Добролюбова раскрылась и реализовалась лишь частично. Наиболее полно

и плодотворно — в качестве журнального редактора, и совсем мало — в общественной области. Будучи студентом, он создал подпольный кружок с явными революционными тенденциями, но далеко не все планы были осуществлены, кружок фактически распался по окончании его участниками института из-за отъезда многих членов в провинцию. Затем Добролюбов стоял у истоков революционных организаций шестидесятых годов, но болезнь и ранняя смерть помешали ему принять в них более деятельное участие.

Поразительное разнообразие творческих устремлений Добролюбова и их результативность в большинстве сфер, конечно, свидетельство его незаурядного природного таланта. Но во многом это и проявление эпохи шестидесятых годов. Добролюбова нужно было бы сравнить, сопоставить чуть ли не с десятком деятелей в разных гуманитарных областях: литературный критик, публицист, ученый, писатель, поэт, редактор, педагог, революционер... Универсальность, энциклопедическое разнообразие видов деятельности — одна из самых характерных черт шестидесятников. А другие черты современная молодежь хорошо знает по художественным произведениям, отобразившим характеры таких людей: это герои романа Чернышевского «Что делать?», это Базаров из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети».

Как и большинство художественно одаренных натур, Добролюбов был эмоциональным человеком, он мог яростно напасть на студента-одноклассника, проявившего воззрения помещика-крепостника, и с позором выгнать его из общежития; мог ликующе-радостно приветствовать в рецензии выход в свет сочинений Белинского. Однако в памяти почти всех знавших Добролюбова он запечатлелся суровым, сдержанным, немногословным. И это не было позой или маской, это была другая сторона его натуры. Для революционных демократов-шестидесятников была чрезвычайно характерна вера в силу разума. Эта черта сближала их со всеми просветителями¹,

¹ Следует отличать общее понятие «просветитель» (сторонник и защитник всеобщего просвещения) от более узкого, четкого понятия, ставшего философско-общественным термином; «просветитель» в этом смысле — представитель антифеодального движения, борец с самодержавно-феодальным гнетом, ратовавший за гражданское равенство и политические свободы, веривший в могучую силу разума, просвещения, науки. Просветителями были Вольтер, Руссо, Лессинг, Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Писарев.

она усиливала разумные, рационалистические начала в человеке. Некрасов не преувеличивал, когда писал в стихотворении «Памяти Добролюбова», что тот «умел рассудку страсти подчинять». Разум должен был развивать, по мнению просветителей, благородные, добрые свойства, с помощью разума люди легко могли понять нелепость социального или любого другого неравенства, нелепость политического угнетения, сознательно объединиться в борьбе со всеми несправедливостями и глупостями существующего строя и организовать новое, демократическое общество, воплощающее лозунги свободы, равенства и братства. Громадная роль, которая отводилась просветителями разуму, естественно, возвышала и значение науки, так как наука была конкретной реализацией разума, реализацией в различных сферах: от теоретической философии до практической политической экономии, до хозяйственных областей и т. д.

Известный русский поэт А. Н. Плещеев, участник революционно-демократического движения середины XIX века, еще в 1846 году написал стихотворение, ставшее своеобразным гимном радикальной молодежи. Оно начиналось так:

Вперед! без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!

Смелей! дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед.
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет...

Это стихотворение стало особенно популярным в шестидесятых годах. Его почти все знали наизусть, его часто цитировали, а когда на молодежных вечерах оказывался Плещеев, то все требовали от него исполнения «Вперед! без страха и сомненья...», и хотя текст был всем известен, авторское чтение производило фурор, успех был неслыханный.

Здесь замечательно, именно в типично просветительском духе, соединение революционно-демократического призыва на борьбу со злом с громадным уважением к науке: общественно-политическая радикальная деятельность мыслилась «под знаменем науки». Так оно и было в действительности: и Чернышевский, и Добролюбов

стремились научно обосновать свои социально-политические и литературно-эстетические идеалы, создать целостные концепции в области социологии, философии, политической экономии, истории, эстетики, литературоведения.

Предлагаемая юному читателю книга создавалась при постоянном учете, что движение шестидесятников «Вперед!» осуществлялось «под знаменем науки». Поэтому значительное место в книге занимает и состояние русской науки в XIX веке, и анализ научных знаний и устремлений Добролюбова, а также главы, посвященные его социально-политическим, историческим, литературоведческим воззрениям. Биографические факты и события в совокупности с творческим наследием Добролюбова характеризуют социально-психологические черты шестидесятника и в то же время своеобразие Добролюбова как человека, деятеля, литератора, ученого... Создать неповторимый образ Николая Александровича Добролюбова, хотя бы в самых общих чертах, — такова задача, которую ставил перед собой автор этой книги.

У ИСТОКОВ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В условиях самодержавного строя науке существовать было очень трудно. С одной стороны, правительство не могло не быть заинтересованным в развитии промышленности, сельского хозяйства, медицины, в освоении диких окраинных земель, особенно Сибири и Дальнего Востока, иными словами — в развитии естественно-научных знаний (математика, астрономия, физика, химия, биология, география и т. п.). Немалую роль играли наука и культура быстро развивающихся западноевропейских стран, боязнь сильно отстать от них в научно-техническом и военном отношении.

Для той поры было наиболее характерно появление гениальных ученых, которые в своей области совершали замечательные открытия, опережавшие уровень науки в более развитых капиталистических странах. Достаточно назвать математиков Н. И. Лобачевского и М. В. Остроградского, астронома В. Я. Струве, физиков Б. С. Якоби и Э. Х. Ленца, химика Н. Н. Зинина, хирурга Н. И. Пирогова, чтобы было ясно, до каких вершин поднимались русские ученые.

Наиболее массовое развитие в первой половине и в середине XIX века получили в России географические науки, прежде всего в связи с экспедициями Ф. Ф. Беллинсгаузена, М. П. Лазарева, И. Ф. Крузенштерна, Ю. Ф. Лисянского, В. М. Головнина, Ф. П. Литке, Г. И. Невельского и др.

В целом же из-за социально-политической закосности страны развитие науки тормозилось на всех уровнях.

Если большие трудности испытывали точные и естественные науки, то что же говорить об общественных! Уже в тридцатых годах правительственные круги стали понимать опасность прогрессивных философских учений. Замечательный биолог и медик И. Е. Дядьковский, профессор Московского университета и медико-хирургической академии, кумир студенческой молодежи, пытался проповедовать в своих лекциях откровенно материалистические воззрения, но это стало известно коллегам и начальству, он был обвинен в пропаганде атеизма и изг-

нан в 1834 году из университета. Неоднократно подвергался гонениям другой профессор Московского университета зоолог К. Ф. Рулье: запрещались его труды, реакционеры печатно выступали против его материалистических и эволюционистских идей.

18 декабря 1843 года министр народного просвещения граф С. С. Уваров обратился в цензурные комитеты страны с письмом, где требовал усилить внимание «цензоров на статьи в некоторых изданиях философского и исторического содержания, в которых нередко в форме отвлеченного умствования и языка философского предлагаются ложные и неблагонамеренные учения, которые могут совратить умы». Здесь явно имелись в виду статьи соратников Белинского в «Отечественных записках»: радикальная философская статья А. И. Герцена «Дилетантизм в науке» и обзор В. П. Боткина «Германская литература», в котором излагалась брошюра Ф. Энгельса «Шеллинг и откровение».

В 1850 году по указанию Николая I кафедры философии были упразднены в русских высших учебных заведениях, а преподавание философских основ было поручено священникам. Но даже критическое изложение «чужих» философских систем стало восприниматься как преступление. Правительственные круги были взбудоражены, когда узнали, что православный и верноподданически настроенный профессор Одесского Ришельевского лицея Михневич подробно анализировал философские воззрения Шеллинга¹. Николай I одобрил возмущение, протокольно выраженное в заседании 13 февраля 1851 года «комитета 2 апреля» (специально созданный царем комитет по надзору за печатью и просвещением).

То же самое происходило и в сферах других гуманитарных наук.

Однако в гуманитарной области встречались честные и талантливые ученые, такие, как институтский учитель Н. А. Добролюбова профессор И. И. Срезневский, а иногда и в условиях самодержавного строя создавалась благоприятная среда, которая порождала *плеяду* самостоятельно мыслящих и прогрессивных ученых. Подобная обстановка на короткое время от середины тридцатых до середины сороковых годов сложилась в Москов-

¹ Шеллинг Фридрих Вильгельм Иозеф (1775—1854) — немецкий философ-идеалист.

ском университете. В 1835 году попечителем Московского учебного округа и тем самым «хозяином» университета был назначен видный вельможа граф С. Г. Строганов. Благодаря своей относительной независимости от петербургских властей и от министра С. С. Уварова и по гордому желанию сделать «свой» университет лучшим в стране, Строганов смог отбирать среди талантливой научной молодежи действительно достойных преподавателей, обеспечивать их штатными местами, средствами для публикации трудов. Таким образом, в течение нескольких лет во главе ведущих гуманитарных кафедр Московского университета стали замечательные молодые ученые и педагоги: Т. Н. Грановский (всеобщая история), П. Г. Редкин (энциклопедия права), Д. Л. Крюков (римская словесность). Они ошеломляли студентов новыми идеями и фактами, знакомили с новейшими методологическими учениями, особенно с гегельянством¹. В Московском университете создался творческий микроклимат, в котором выросло следующее поколение русских ученых, студентов, выпускников конца тридцатых — начала сороковых годов: историк и искусствовед П. Н. Кудрявцев, прямой ученик и последователь Грановского; юрист К. Д. Кавелин, историк С. М. Соловьев и др.

Но, увы, обстановка в университете все ухудшалась: консервативная группа профессоров во главе с Погодиным и Шевыревым ненавидела Грановского и его окружение, люто завидовала успеху у молодежи, на Грановского сыпались доносы по обвинению в безбожии и в неуважении к монархическому строю. А когда группа либеральных профессоров (Грановский, Редкин, Кавелин) подала в 1847 году графу Строганову ультиматум: удалить из университета взяточника, декана юридического факультета Н. И. Крылова (в противном случае они грозили подать в отставку), и Строганов хотел замять дело, несколько месяцев уклоняясь от решения; консервативная группа приложила усиленные старания и дело кончилось тем, что половинчатый Строганов оказался

¹ *Гегельянство* — учение крупнейшего немецкого философа-идеалиста Гегеля Георга Вильгельма Фридриха (1770—1831), углубившего и развившего принципы историзма и диалектики, изучавшего объективные закономерности жизни; его идеи были революционизированы прогрессивными последователями, «левыми гегельянцами», к которым принадлежали и молодые К. Маркс и Ф. Энгельс.

неугодным правительству и сам ушел в отставку, попечителем стал бывший заместитель Строганова Д. П. Голохвастов, махрово реакционный деятель, ненавидевший либеральных профессоров, поэтому он тотчас же взял сторону Крылова и с удовольствием принял прошения об отставке: не разрешили уволиться только Грановскому (он был обязан отслужить в Московском университете заграничную командировку). Сразу же научный и нравственный климат в университете ухудшился неимоверно, реакция восторжествовала.

В методологическом отношении русская гуманитарная наука переживала в середине XIX века своеобразный кризис. Самым значительным ее достижением было относительно широкое освоение историзма¹, т. е. подхода к анализируемому явлению как к продукту определенных исторических условий, как к следствию соответствующих культурно-общественных причин.

Даже консервативные русские литературоведы и историки (Греч, Шевырев, Ю. Самарин) использовали метод историзма в своих работах. В трудах прогрессивных ученых, группировавшихся в основном в кругу Белинского — Герцена (Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, А. Д. Галахов, К. Д. Кавелин), историзм оказывался ведущим научным принципом. Вершиной, наивысшим достижением русской гуманитарной науки первой половины XIX века было творческое наследие Белинского. На основе историзма ему впервые удалось показать закономерности в развитии русской литературы XVIII—XIX веков, определить сущность новейшей русской литературы, начиная с Пушкина, как «поэзию жизни действительной» (ученики Белинского — П. Н. Кудрявцев, И. С. Тургенев — еще при жизни учителя называли этот метод реализмом; Добролюбов и Писарев окончательно описали и определили этот метод). Белинский стремился диалектически соединить в своем исследовательском методе (который мы тоже с полным основанием можем назвать реалистическим) теоретико-эстетический анализ с динамикой истории, историчный анализ со своим страстно проповедуемым мировоззрением революционного демократа.

¹ Чтобы не путать «историзм» с «историей», мы в дальнейшем будем для «историзма» в форме определения-прилагательного пользоваться словом «историчный».

При всей хаотичности и зыбкости оценок, которыми одаривала наука того времени произведения русской литературы XVIII—начала XIX века, Белинский смог наметить магистральные пути развития отечественного искусства слова, особо выделяя «пафос жизни действительной», т. е. элементы реализма, а также гуманизм и сатирическую направленность, т. е. прогрессивное общественно-художественное мировоззрение писателей, что связывало литературу прошлого с самым дорогим для Белинского в его современности — творчеством Гоголя и «натуральной школой». Белинский осмеливался проводить магистрали и дальше, прогнозировать дальнейшее развитие литературы и творчества отдельных писателей (например, предсказал Гончарову путь к роману «Обломов»).

В целом именно от Белинского, от его методологии был прямой путь к трудам Чернышевского и Добролюбова, ибо академическая наука, академическое литературоведение мало что могли дать шестидесятникам. Тогдашние столпы академической науки¹ — С. П. Шевырев, И. И. Давыдов, А. В. Никитенко — или ничего уже не писали и не печатали, или же эклектически² и эпигонски³ повторяли давно уже добытое. Молодые ученые академического склада — Ф. И. Буслаев, А. Н. Пыпин, М. И. Сухомлинов, будущие светила русской науки, при Чернышевском и Добролюбове публиковали лишь первые свои работы, основные их труды относятся к последующим десятилетиям.

* * *

Практический многовековой опыт и новейшие специальные исследования показывают, что главнейшими качествами ученого (как, впрочем, и любого творческого деятеля в других сферах) являются трудолюбие и талант.

Трудолюбие в целом определяется и стимулируется социально-историческими условиями. Русское дворянст-

¹ Термин «академическая» применительно к науке XIX века означает достаточно обстоятельное, но отвлеченное, далекое от практики, от современности изучение каких-либо явлений: такой метод господствовал в тогдашней Академии наук.

² *Эклектика* (греч.) — отсутствие единства, сочетание разных, иногда противоположных методов, идей, форм и т. д.

³ *Эпигон* (греч.) — нетворческий, рабский подражатель.

во, владея крепостными душами, освобождалось от повседневных материальных забот; ничтожный процент дворянского класса создавал при этом основы национальной культуры, а остальная масса тяготела к «обломовщине». Разночинцы, т. е. выходцы из духовенства, купечества, мещанства, не имели родовых имений и крепостных, они социально-исторически были несравненно более трудолюбивы, чем дворяне, тем более, что в массовом дворянском сознании XVIII — первой половины XIX вв. существовало настоящее пренебрежение к ученым и учителям как к представителям «обслуживающих» профессий, и в научной и учебной сферах с эпохи Петра I преобладали разночинцы по происхождению.

Пренебрежение со стороны дворянской массы лишь развивало у разночинцев трудолюбие, целеустремленность, волевые качества, своеобразную антиаристократическую классовую гордость: эти свойства становились типическими, они оказались ведущими чертами характера у Чернышевского и людей его окружения, получили великолепное отображение в художественной литературе, ибо к ним принадлежат герои Н. Г. Помяловского, Н. Г. Чернышевского и особенно тургеневский Базаров. Добролюбов, принадлежа к этому социальному типу по рождению и по воспитанию, тоже отличался и трудолюбием, и волевой целеустремленностью. Но нужно отметить и его исключительные свойства труженика. Работоспособность Добролюбова поразительна: он и в детстве прочитывал в течение года несколько сотен томов книг и журналов, успевая регистрировать их в своих библиографических списках, да еще сопровождая краткими или даже развернутыми аннотациями, и в зрелые годы, будучи ведущим критиком в журнале «Современник», мог чуть ли не по 16 часов в сутки работать: читать, писать статьи и рецензии, исправлять чужие статьи, объясняться с цензорами, переделывать запрещенное и т. д. В некоторые напряженные месяцы («Современник» выходил ежемесячно, да еще иногда, по инициативе Добролюбова, к нему прилагалось сатирическое приложение «Свисток») Добролюбов писал и опубликовывал в одном номере до девяти печатных листов текстов различных жанров, т. е. около 150 страниц журнального набора. О чрезвычайном трудолюбии свидетельствуют и студенческие научные работы Добролюбова.

Чернышевский писал в некрологе «Н. А. Добролю-

бов»: «Он работал чрезвычайно много, но не по каким-нибудь внешним побуждениям, а по непреодолимой страсти к деятельности (...) не труд убивал его, — он работал беспримерно легко, — его убивала гражданская скорбь»¹. Двоюродный брат Чернышевского А. Н. Пыпин, активный сотрудник «Современника», также отмечал исключительную работоспособность Добролюбова; он рассказал в своих воспоминаниях о следующем эпизоде. В декабре 1859 года в Петербурге в зале «Пассажа» состоялся диспут на экономические и коммерческие темы, о котором Чернышевскому очень хотелось поместить отклик в «Современнике». Но очередной номер уже сдавался в набор завтра или послезавтра, и Чернышевский решил отложить очерк до следующей книжки журнала, однако оказалось, что Добролюбов в ночь после диспута уже написал о нем большую статью «Любопытный пассаж в истории русской словесности» — более чем на печатный лист (20 страниц журнального текста!), и отзыв через несколько дней был перед читателями «Современника».

Несомненно, Добролюбов обладал и выдающимися способностями ученого гуманитарного профиля: умением сопоставлять большой круг явлений, систематизировать материал, четко его осмысливать, выводя из совокупности фактов общую концепцию. Отметим еще и аккуратность Добролюбова-ученого: все у него было разнесено по тетрадкам и рубрикам, систематизировано, аннотировано. Друзья и коллеги отмечали и бытовую аккуратность и даже педантизм критика (см., например, подробный рассказ М. А. Антоновича о приходно-расходной записной книжке Добролюбова. — Восп., с. 243).

Ведущие институтские профессора, особенно И. И. Срезневский,² сразу же обратили внимание на научные способности студента, привлекли его к академическим трудам. И, конечно же, Добролюбов, как и Чернышевский, мог бы стать крупным ученым в области литературоведения или лингвистики. Но ни Чернышев-

¹ Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников/Вступ. статья В. В. Жданова. Подготовка текста, вступ. заметки и коммент. С. А. Рейсера. М., 1961, с. 382. Все дальнейшие ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: Восп., с. 382.

² Срезневский Измаил Иванович (1812—1880) — выдающийся русский специалист в области славянских языков, фольклора, этнографии, академик, профессор Петербургского университета.

ский, ни Добролюбов не избрали этот путь, как не избрали и преподавательской карьеры. Еще Белинский, отмечая, что в России для самостоятельно мыслящих и творческих людей есть две возможности — университетская кафедра и журнал, все-таки отдавал предпочтение журналу. Он писал В. П. Боткину 31 октября 1840 года: «Теперь у нас великую пользу может приносить, для настоящего и еще больше для будущего, кафедра, но журнал большую, ибо (для) нашего общества, прежде науки, нужна человечность, гуманическое образование»¹

Чернышевский избрал «Современник» Некрасова, Добролюбов пришел к Некрасову и Чернышевскому и т. д. Борьба с враждебным лагерем, с царской цензурой велась совместно всем редакционным активом, поэтому не было ощущения страшного одиночества.

Но главное преимущество журнала заключалось в его массовости. Профессор даже при полных аудиториях мог рассчитывать на несколько десятков слушателей, а тиражи ведущих журналов тогда исчислялись тысячами экземпляров, что давало уже десятки и сотни тысяч потенциальных читателей. Профессор пропагандировал свои знания и идеи в кругу столичной студенческой молодежи данной специальности, а журналист становился известен чуть ли не всей читающей России.

Поэтому-то Чернышевский и Добролюбов предпочли журнал кафедре. Возможно, что в их натурах заключалась и естественная потребность в популяризаторстве своих идей, в публицистичности, в литературно-образном, живом оформлении мыслей (недаром ведь они были склонны и к чисто художественному творчеству!), и тем самым журнальная статья была для них и душевно предпочтительнее устной лекции или печатного курса лекций по какой-либо дисциплине, не говоря уже о научной монографии. Но, с другой стороны, обоим было органически присуще и научное начало. Систематические ученые занятия в детстве, а затем хорошая научная школа, которую они получили у Срезневского, не были лишними, не пропали втуне. Чернышевский продолжал профессиональную научную деятельность (например, в экономической области) и будучи журналистом. Добролюбов же, с одной стороны, в несколько переработанном для журнала виде публиковал свои прежние исследова-

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956., т. II, с. 566.

ния студенческих лет, с другой — использовал свои научные материалы для публицистики и литературной критики, с третьей — применял основы научного метода (четкость и строгость анализа, поиск объективной истины и т. д.) во всей своей творческой деятельности. Как качества поэта обязательно проявятся и в его литературно-критических статьях, так и у человека, прошедшего основательную научную подготовку, его публицистические или критические статьи будут иметь соответствующие черты. Добролюбов был и поэтом, и ученым, и его публицистика и литературная критика замечательно отражают оба этих его свойства.

Наверное, Добролюбов был даже более, чем Чернышевский, художником слова: он ведь с юных лет был поэтом, эмоциональным, страстным человеком. Поэтому и статьи его эмоциональны, лиричны, личностны, интимны. По глубокому замечанию Чернышевского: «Его статьи — как будто эпилоги к биографическим и автобиографическим рассказам» (Восп., с. 158).

Но не менее существен и научный фундамент добролюбовских статей. Мало среди них найдется таких, которые нельзя было бы использовать для изучения его научных воззрений, для реконструкции системы его взглядов и научной методологии.

Революционные демократы не только свои статьи, всю свою жизнь отдавали служению Родине, народу, забывая часто вообще о своей личной жизни...

Добролюбов в статье о романе «Накануне» («Когда же придет настоящий день?»), полемизируя с идеей Тургенева о том, как важно заковывать себя моральными цепями долга и сознательно быть «номером вторым» (т. е. не стремиться к обязательному первенству), противопоставлял как идеал образ Инсарова: «Будет ли он Тимофеем Николаичем или Иваном Ивановичем — до этого ему решительно нет дела; придется ли быть номером первым или вторым — он об этом и не думает. (...) Любовь к свободе родины у Инсарова не в рассудке, не в сердце, не в воображении: она у него во всем организме, и что бы ни вошло в него, все претворяется силою этого чувства, подчиняется ему, сливается с ним»¹.

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т. М.—Л., 1961, т. 6, с. 116—117. Все дальнейшие ссылки на это издание даются в тексте, с указанием в скобках тома и страниц.

Добролюбов был и сам подобен Инсарову: он страстно желал скорейших радикальных социально-политических преобразований в стране, и для осуществления своих идеалов он работал почти по 16 часов в сутки, он организовывал революционно-демократическое движение в России, не думая о том, вождь ли он или рядовой член, поэт или ученый, критик или публицист... Он торопился сам, торопил ближних, *торопил историю* (Чернышевский точно выразился в своем некрологе: «...он торопил, торопил время». — Восп., с. 382), и несомненно он способствовал ускорению исторического процесса (как Чернышевский отметил: «Он чувствовал, что его труды могут ускорить ход нашего развития». — Там же). Страстная жажда перемен, активная включенность в социально-политические события, полная самоотдача обществу усиливали в характере и воззрениях Добролюбова такие черты, как нормативность, непримиримость к враждебным явлениям, аскетизм... *Усиливали и укрупняли*. Тем самым укрупнялась личность, она приобретала «шекспировские» качества великого человека... Но такая возвышенность не стирает конкретных черт Николая Александровича Добролюбова как живого человека. Сестра критика, Е. А. Стеклова, в письме к Чернышевскому от 23 мая 1889 года описывала, как Добролюбов, этот якобы сухой, сдержанный, всегда владеющий собой человек, в первый же день приезда в 1861 году в Нижний Новгород отправился с сестрами на кладбище: «Там бросился он на могилы отца и матери и заплакал, просто громко зарыдал, как ребенок» (Восп., с. 336).

В научной сфере занятий Добролюбова мы найдем и отражение великих идей его эпохи и его собственных замечательных мыслей, и страстный поиск истины, и прорывы пристрастий и даже заблуждений. Иначе и не может быть, если перед нами богато одаренный душой и мыслями деятель, если перед нами живая, яркая личность поэта, литератора, ученого.

В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

Друзья и соратники

Детские и юношеские годы Николая Александровича Добролюбова протекали в Нижнем Новгороде. Он родился в 1836 году в семье образованного священника;

в 1847 году поступил в духовное училище, а с 1848 года учился в местной семинарии. В 1853 году, не окончив это духовное заведение, отправился в Петербург.

Нижний Новгород в конце 1840-х годов внешне представлял собой средний губернский город царской России. Количество жителей немного превышало 30 000 (по сведениям «Энциклопедического словаря» А. Старчевского — 30 710 человек в 1849 году, по сведениям «Памятной книжки Нижегородской губернии на 1855 год» — 30 781 человек в 1854 году).

Но город находился в выгодном географическом положении: в нем пересекались сухопутные тракты с великим волжским путем. Поэтому таким громадным успехом пользовалась Нижегородская ярмарка. На ярмарку приезжали купцы из Кяхты, Ташкента, Персии. Торговый оборот ярмарки рос с каждым годом (с 57 млн. руб. серебром в 1849 году до 65 млн. в 1852 году; в конце 50-х годов сумма перевалила за 100 млн. руб.). В дни наиболее интенсивной торговли (в августе) в Нижний стекались тысячи приезжих.

Быстро развивалась и культурная жизнь города. В середине прошлого столетия в Нижнем Новгороде жили известные писатели В. И. Даль¹ и П. И. Мельников²; вокруг них группировалась местная интеллигенция. Много сделал для развития музыкальной культуры города А. Д. Улыбышев, в кружке которого получил начальное музыкальное образование М. А. Балакирев.

В хозяйственно-экономическом отношении Нижний Новгород в те годы во многом походил на другие губернские города средней полосы России.

Промышленность в Нижегородской губернии была слабо развита: 94 процента населения составляли крестьяне, из которых около 70 процентов было крепостных. Жизнь их была типичной для феодальной России: скудные клочки земли, примитивное ведение хозяйства, барщина и оброки... Крестьяне испытывали острый недостаток даже в самом важном продукте питания — в

¹ *Даль Владимир Иванович* (1801—1872) — русский писатель (рассказы и очерки в русле «натуральной школы»), фольклорист и лексикограф, создатель «Толкового словаря живого великорусского языка» в 4-х томах.

² *Мельников* (псевдоним — Андрей Печерский) *Павел Иванович* (1818—1883) — русский писатель (в романах «В лесах» и «На горах» изобразил быт старообрядцев Заволжья).

хлебе. По официальным данным «Нижегородских губернских ведомостей», для удовлетворения потребности жителей губернии на зиму 1850/51 года урожая 1850 года недоставало на 670 000 четвертей зерна (в переводе на весовые метрические единицы это означает около 86 000 тонн!). Любопытны «советы», которые дает редакция газеты: «...недостаток этот может замениться картофелем, огородными овощами и лесными плодами, а также заработками и отлучкой иных крестьян из жительство по своим промыслам и помощью самих помещиков. Вследствие чего губернское начальство не предвидит никакой особой надобности к принятию каких-либо мер для обеспечения продовольствием жителей до нового урожая».

Многие крестьяне шли на побочные заработки, обычно в бурлаки. Но развитие пароходства на Волге обесценило бурлацкий труд (одно из противоречий капитализма: развитие техники ведет к обнищанию масс!) и лишило крестьян важной статьи дохода. Если крестьяне не в состоянии были обеспечить семью, то в этих условиях исправно платить подати они и подавно не могли. Недоимки росли с каждым годом. Соответственно росло недовольство, росло количество активных выступлений крестьян.

В 1848 году взбунтовались против помещика крестьяне села Спасского Васильского уезда, за что организатор возмущения А. Киреев был отдан под суд и жестоко наказан. В течение двух лет (1849—1850) несколько раз оказывали неповиновение помещику крестьяне села Осинки Васильского уезда.

В 1850—1851 годах дважды бунтовали против помещицы и требовали свободы крестьяне села Виняева и деревни Голяткиной.

В 1850 году волновались крестьяне помещиков Каратаевых. Это волнение приняло настолько широкие размеры, что на место происшествия срочно выехал флигель-адъютант граф Адлерберг, который лишь арестами и наказаниями «навел порядок».

Однако репрессивные меры лишь способствовали росту крестьянских волнений. Так, в селе Спасском, где помещик, по-видимому, особенно зверствовал, крестьяне в 1853 году составили жалобу, которую подали царю. Инициатор этого дела — крестьянин Богданов был арестован (за «утруждение государя императора неоснова-

тельною жалобою»¹) и заключен в арестантскую комнату в доме станового пристава. Это послужило поводом к восстанию крестьян всей Спасской волости. Они окружили дом, тяжело ранили станового и сотских, разбили окна и выломали рамы, освободили Богданова и дали ему возможность скрыться.

Подобные примеры были далеко не единичными.

Обо всем этом не мог не знать Добролюбов, а многое он и сам видел, живя на Волге. Родные Добролюбова жили в глуши Нижегородской губернии, и он мог от них слышать рассказы о народной жизни, а может быть, бывая у них в гостях, и сам непосредственно наблюдал быт деревни, видел настроение крестьян, их отношение к крепостному праву и помещикам.

Наконец, большинство его однокашников по семинарии были деревенскими жителями. В дневнике 1855 года он сам записал, что провел «первые годы жизни в ближайшем соприкосновении с простым и средним классом общества» (8, 463—464).

Все это помогло Добролюбову глубоко вникнуть в жизнь трудового народа и понять ее.

«Ближайшее соприкосновение» с народом наталкивало Добролюбова на изучение его жизни, его интересов, его устного творчества¹. Позднее, в студенческие годы, Добролюбов призывал своих однокурсников следить за жизнью и развитием народа, «*послушать*, как он (народ. — Б. Е.) рассуждает, как понимает дела (...)». Чем более подслушаем мы таких откровенных рассуждений, рассказов, отдельных мыслей и впечатлений, тем яснее нам будет истинный дух народа, тем понятнее будут его стремления, его чувства, тем полнее и осязательнее представится нам картина народной жизни» (1, 109—110).

Несомненно, Добролюбов опирался здесь и на свой собственный опыт изучения народной жизни.

В этом отношении кое-что дала ему и семинария.

¹ В Нижегородской губернии собирали фольклорный материал многие русские писатели. В селе Болдино А. С. Пушкин нашел богатый фольклорный источник. Долго собирал народное творчество Нижегородской губернии П. И. Мельников-Печерский. В. Г. Короленко использовал свое пребывание в Нижнем для изучения народного быта и творчества. Наконец, М. Горький своими богатыми познаниями в области устного народного творчества обязан во многом Нижегородской губернии.

Семинарии и духовные училища России представляли в целом довольно унылую картину. Схоластическое содержание большинства предметов, зубрежка до отупения, низкий образовательный уровень многих преподавателей, невысокий нравственный уровень мало способствовали научному и моральному развитию учащихся. В косной, рутинной, безнравственной атмосфере живые, пытливые, творческие души легко могли сломаться. Н. Г. Помяловский с потрясающей откровенностью показал такую обстановку учения в «Очерках бурсы». Подобные изломанные характеры даже в зрелом возрасте продолжали вкладывать свои способности лишь в озорство.

И. П. Павлов¹ создал в своих мемуарах колоритный образ дяди Ивана Дмитрича, сельского священника, а потом пономаря, непрерывно озоровавшего (мог, например, спрятать во время отпевания крышку от гроба); на него никакие епитимьи и разжалования не действовали.

Был, правда, и другой способ противостояния мертвой рутине бурсы: углубление в книги, в чтение, в науку светского, а не религиозного содержания. Таким путем шел несколько лет тому назад саратовский семинарист Чернышевский, им же пошел в Нижнем Новгороде и Добролюбов. Обоим несомненно повезло: они жили в хороших домашних условиях, при хороших отцовских библиотеках и при соседстве еще более значительных дворянских библиотек, которыми можно было пользоваться. Например, отец Добролюбова сдавал внаем большой дом (рядом с флигелем, где жила семья хозяйина) сперва деятелю музыкальной культуры А. Д. Улыбышеву, а затем В. А. Трубецкому, крупному чиновнику.

Добролюбову оказали помощь и некоторые семинарские учителя. На общем посредственном фоне бурсацкого обучения выделялись, например, уроки преподавателя естествознания Л. И. Сахарова. Это был человек, страстно любивший свой предмет и умевший увлечь учеников.

В учебном дневнике Добролюбова имя Л. И. Сахарова упоминается неоднократно в период с октября 1849 по июнь 1852 года, т. е., по всей вероятности, он был учителем Добролюбова в 1849/50, 1850/51, 1851/52 учебных годах. (См.: Егоров Б. Ф. Н. А. Добролюбов — собиратель и исследователь народного творчества Ниже-

¹ Павлов Иван Петрович (1849—1936) — выдающийся русский ученый, академик, один из создателей современной науки физиологии.

городской губернии. Горький, 1956, с. 10. Далее все факты и цитаты, относящиеся к фольклористической работе юноши и не имеющие ссылки на Собрание сочинений Добролюбова, приводятся по данной книге; они извлечены из двух ленинградских архивов Добролюбова, хранящихся в рукописных отделах Института русской литературы АН СССР (ИРЛИ) и Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ.).

Добролюбов делился со своим учителем заветными планами, часто брал у него книги. В списках прочитанных Добролюбовым сочинений за 1851—1853 годы зарегистрировано 14 книг Л. Сахарова. Нет ничего невероятного в сообщении В. И. Глориантова, одного из соучеников Добролюбова, о том, что последний, приехав в Нижний в 1857 году, просил Сахарова сообщать «ему все известные и особо выдающиеся по характеру своему административные распоряжения, так как он, Н. А., ведет переписку с Искандером (Герцен)» (Восп., с. 41). К сожалению, нет никаких других документов, подтверждающих этот факт. Л. И. Сахаров сообщал также Добролюбову фольклорные материалы. Из всех нижегородских знакомых Л. И. Сахаров, по-видимому, был для него одним из самых близких.

Заметное влияние на формирование взглядов Добролюбова имел семинарист Ф. А. Васильков. Незадолго до окончания института, в 1857 году, Добролюбов писал: «Я не должен оставлять этого человека, как он меня не оставлял три года тому назад. Я помню, как умно и искусно говорил он со мной, перед моим отъездом в Петербург, внушая мне любовь к правде, а не к авторитету, не пугая прямым нападением на то, что я принимал тогда за несомненное... Наши разговоры кончились ничем, но дело было сделано: внутренняя работа пошла во мне живее прежнего» (8, 534—535; запись от 17/I 1857 г.).

Некоторое время Добролюбов дружил с одноклассником В. В. Лаврским, сыном семинарского преподавателя, живым и остроумным мальчиком, положительно влиявшим на спокойного и стеснительного товарища. Добролюбов пользовался библиотекой отца Лаврского. С одноклассником Добролюбова также связывал обоюдный интерес к фольклору. Лаврский сообщил ему несколько произведений народного творчества.

Большое влияние на Добролюбова оказало знакомст-

во с А. Д. Улыбышевым. В годы подъема декабристского движения А. Д. Улыбышев был одним из видных членов «Зеленой лампы», автором наиболее известных публицистических и философских работ, созданных в этом обществе, «Письмо к другу в Германию» и «Сон». Непосредственного участия в декабристских организациях он не принимал, поэтому в 1826 году был оставлен на свободе. Занимая видные государственные посты, Улыбышев мог сделать большую карьеру (ему предлагали место посланника в Персии), но в 1830 году он неожиданно вышел в отставку и поселился в Нижегородской губернии. Все остальные годы своей жизни (он умер в 1858 г.) Улыбышев провел в сельской усадьбе и в Нижнем Новгороде. Здесь он, находясь в явной оппозиции к местным властям, организовал нечто вроде культурного центра губернии. Улыбышев явился инициатором создания крупного музыкального общества, имевшего очень большое значение для развития музыкальной культуры в Нижегородской губернии. Сам Улыбышев был хорошим скрипачом, а также теоретиком музыки: ему принадлежит получившая всемирную известность монография о Моцарте.

Добролюбов с большим интересом относился к этому человеку. Улыбышевы, как свидетельствует сестра Добролюбова, Антонина Александровна, долгое время снимали дом отца Добролюбова, и племянница Улыбышева Дунечка была подругой детских лет Николая Александровича. Добролюбов имел доступ к богатой библиотеке Улыбышева. (По воспоминаниям П. Мельникова-Печерского: «...он много читал, доставая книги сначала у известного знатока музыки, автора биографий Моцарта и Бетховена, покойного Улыбышева, а потом у кн. Трубецкого, живших на квартире в доме его отца и всегда радушно принимавших в своем кругу покойного Николая Александровича, бывшего еще мальчиком». — Восп., с. 35.)

Несколько лет спустя Добролюбов стал даже родственником Улыбышева (двоюродный брат Добролюбова женился на племяннице Улыбышева).

Несомненно, А. Д. Улыбышев оказывал большое влияние на мальчика и приобщал его к большой гуманитарной культуре.

Собиранье фольклора. Первые записи пословиц и загадок

Большое значение для развития взглядов Добролюбова имели книги. Сохранились почти все списки прочитанных книг, составленные самим Добролюбовым в 1849—1853 годах, красноречиво говорящие о его занятиях. В год Добролюбов прочитывал более 400 книг! По сообщению Ф. Кудринского¹, «Добролюбов приносил в класс «Современник» и знакомил с ним семинаристов».

В списке среди прочих книг встречаются и труды о народе и о его творчестве: семитомный «Быт русского народа» А. Терещенко, «Сказания русского народа» Сахарова, статья Снегирева о пословицах и др. Замечания Добролюбова об этих книгах свидетельствуют о вдумчивом изучении им материалов.

Интерес Добролюбова к народу не ограничивался изучением печатных источников. Он с ранних лет был хорошо знаком с народным бытом и творчеством.

Его бабушка Мария Федоровна (мать отца), которая хотя и не жила в Нижнем, но часто туда приезжала, была хорошей сказочницей (см. в воспоминаниях Антонины Александровны Добролюбовой: «Помню — что мы — дети — очень любили ее посещения, так как она рассказывала нам всегда сказки»). Вероятно, свою бабушку имел в виду Добролюбов, когда в письме к товарищу он вспоминал о детстве: «Сказывали мне страшные сказки про полканов и Ягу-бабу» (9, 11). Эти строки могут быть отнесены также к няне сестер Добролюбова, Наталье Осиповне, о которой сохранилось неоконченное стихотворение писателя:

Стал я слушать со вниманьем,
Как моей сестрице маленькой
Нянька сказывала сказочки —
Сказки дивные, старинные,
Все про храбрых, сильных витязей,
Про дела их молодецкие
И про битвы богатырские,
Про сражения с Полканами,
С колдунами, с исполинами,
И про прочие их подвиги,
Все — достойные бессмертия...

¹ Кудринский Федор Андреевич (1867—?) — русский историк, этнограф, преподаватель Нижегородской духовной семинарии.

Уже будучи студентом, Добролюбов писал своим сестрам: «Вот что вы сделайте: у вас няня большая мастерица сказки сказывать и песни петь. Так вы заставьте ее рассказать вам что-нибудь новенькое, хорошенькое, да и запишите. Потом и перешлите мне сюда» (9, 95).

С раннего детства Добролюбов не только слушал, но и записывал произведения народного творчества. В его бумагах сохранился листок, на котором находится список пословиц (152 номера) и черновик стихотворения с датой: «1849. На пасхе». Судя по почерку, список также можно датировать 1849 годом. Это — самая ранняя из всех дошедших до нас записей произведений устного народного творчества, сделанных Добролюбовым. Список носит следы дальнейшей обработки: каждая поговорка перечеркнута, т. е. Добролюбов, по-видимому, переносил их в другой, скорее всего в беловой список и попутно вычеркивал в черновике. Можно с уверенностью сказать, что в основном пословицы взяты Добролюбовым непосредственно из уст народа, в них нет той искусственности, той «книжности», чем грешили многие печатные сборники пословиц 30—40-х годов. Некоторые из пословиц списка Добролюбова ярко характеризуют народную меткость в определении существенных черт крепостной России:

Нужда пляшет, нужда скачет, нужда песенки поет.
Кто любит попу, тот ласкает и попову собаку.

В последующие годы Добролюбов продолжает собирать пословицы. Черновой список, относящийся примерно к 1852 году, содержит в себе уже более 200 русских пословиц¹. Перед отъездом в Петербург у Добролюбова было собрано около 1500 пословиц. Имеются два беловых списка этих пословиц. Первый, самый крупный, содержит 1295 номеров (на последней странице списка Н. Г. Чернышевский, изучавший впоследствии все рукописные материалы Добролюбова, впервые произвел подсчет пословиц, получив в итоге 1301). В этом списке содержится много пословиц, отражающих тяжелую, беспросветную жизнь крепостного крестьянина:

¹ Большинство последующих списков пословиц Добролюбова опубликовано М. Я. Мельц в сб.: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков. М.—Л., 1961.

Недосол — на столе, а пересол — на спине.
Не бойся истца, а бойся судьи.
Худо овцам, где волк воевода.

В ряде пословиц отражается вера народа в силу художественного слова, в правдивость устной поэзии:

Из песни слова не выкинешь.
Сказка — складка, а песня — быть.

Отмечается значение пословицы:

На пословицу суда нет.
От пословицы не укроешься.
Без притчи век не проживешь.

Особо подчеркивается значимость, вескость общенародного слова, мнения («Глас народа — глас божий»).

Значительная часть пословиц списка Добролюбова посвящена проблемам народной морали. Устная поэзия отразила тягу народа к правде:

Где правда, там и счастье.
В ком честь, в том и правда.

Народ верил в дружбу, в радость человеческого общения:

Гора с горой не сойдется, а человек с человеком сойдется.
Доброе братство лучше богатства.
Для друга семь верст не околица.

В статье «Луч света в темном царстве» Добролюбов назвал естественным стремление человека к счастью (ср. у Короленко: «Человек создан для счастья, как птица для полета»). Эта мысль является перифразом пословицы из первого (большого) списка:

Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше.

В пословицах, собранных Добролюбовым, мы находим много мудрых советов, указаний на нормы поведения:

Не спеши языком, да не ленись делом.
Любишь кататься — люби и саночки возить.
Искру туши до пожара, напасть отводи до удара.

Врагам народа, насильникам даются грозные предупреждения:

Не шути огнем — обожжешься.
Кто роет другому яму, тот сам в нее попадет.

Народ, несмотря на тяжелые условия крепостной неволи, верил в свое счастливое будущее:

Авось и к нам во двор солнышко взойдет.
Будет и на нашей улице праздник.

Масса пословиц отражает накопленные многовековым трудовым опытом хозяйственные советы и приметы:

Весна красна цветами, а осень — снопами.
В апреле земля прееет.
Сентябрь холоден, да сыт.

Ряд пословиц — шуточные: о любви («Для милого дружка и сережку из ушка»), о семье («Один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — сын»), о находчивости и проворстве:

Одному кивнул, другому мигнул, третий сам догадался.
На обухе рожь молотит и зерна не уронит.
Наш пострел везде поспел.

Много пословиц посвящено разоблачению тупости, глупости, лени:

Говорят про Фому, а он про Ерему.
Глаза по ложке, а не видит ни крошки.
В дождь крыши не кроют, а в ведро сама не каплет.
Ахи да охи не дадут подмоги.

В некоторых из них осуждается аморальное поведение, грубость, спесь:

В людях Илья, а дома свинья.
Которая собака много лает, та мало кусает.
Угорела барыня в нетопленной горнице.

Обо всех подобных персонажах пословица говорит:

Живут, да только небо копят.

Таким образом, перед нами богатое собрание пословиц, как бы свод представлений народа о различных сторонах жизни, энциклопедия народного сознания. Добролюбов узнал отсюда очень многое о жизни народа. Собрание пословиц оказало Добролюбову большую помощь в его научной и публицистической работе.

Первый список был, по-видимому, основным пособием при фольклористических исследованиях Добролюбова, особенно при работе над студенческим сочинением «Заметки и дополнения к сборнику русских пословиц г. Буслаева». Приложение к этому сочинению составлено из пословиц собрания Добролюбова.

Для статьи о других сборниках русских пословиц (не дошедшей до нас) Добролюбов составил второй список,

озаглавленный «Пословицы и поговорки, употребляющиеся в Нижегородской губернии и не помещенные в собрании Снегирева и в дополнении к нему Афанасьева (в Архиве Калачева, т. 1)». Более половины пословиц этого списка (всего их 285) — оригинальны, их нет в первом списке.

Интересно, что Добролюбов снабдил список примечаниями: здесь и географический комментарий (к названиям мест в Нижегородской губернии), и диалектологический (пояснение местных выражений), и объяснение происхождения пословиц, например: «В Нижнем дома каменные, а люди железные» (комментарий: «Слова митрополита Алексея, когда его в Нижнем не пустили переночевать»), «Завтра — в долг, сегодня — на деньги» («Мне сказывали, что эта пословица написана над входом одной мелочной лавки в Арзамасе»). В отдельных случаях объяснение давалось очень развернутым, со включением филологических сопоставлений. Так, пословицу «Митрий да Борис за город подрались» Добролюбов комментирует: «у Афанасьева: за огород подрались... Но, кажется, это относится к братьям Димитрию и Борису Константиновичам, спорившим о княжении Нижегородском».

Таким образом, уже у юного писателя появляется интерес к тщательному и широкому комментированию произведений народного творчества. Позднее это перерастет у него в обязательное требование к фольклористам: давать не только реально-бытовые, но и социально-политические пояснения к текстам.

Добролюбов интересовался народным творчеством и других народов. В последние годы учебы в семинарии он начал записывать пословицы на известных ему иностранных языках (особенно на греческом, латинском и немецком). В бумагах, относящихся к семинарскому периоду, имеется один такой листок, на котором Н. А. Добролюбов записал 9 греческих, 20 латинских, 11 немецких и 1 французскую пословицы. Каждую из этих пословиц Добролюбов снабжал русским переводом, но не буквальным переложением, — он старался подыскать аналогичные русские пословицы.

Добролюбов интересовался и загадками. Он регулярно прочитывал те приложения к периодическим изданиям, в которых помещались загадки. В «Реестре» (тетради для записей) за 1850 год находим такую пометку:

«Чтение для солдат» на 1849 г., кн. 1... (В приложении) несколько загадок..., загадки замысловаты — и не отгадаешь».

Действительно, некоторые загадки в этом номере журнала более чем замысловаты, например:

На воде родится,
На огне вырастает;
С матерью увидится —
Скоро умирает.

(Отгадка — *соль*.)

Упомянутый номер «Чтения для солдат» был прочитан Добролюбовым 18—19 апреля 1850 года.

В этом же году Добролюбов обращается к составлению списков загадок, аналогичных пословичным спискам. Сохранилось три списка: черновой, полубеловой, белой.

Эти материалы позволяют утверждать, что Добролюбов собирал загадки не по книгам или другим каким-либо источникам, а прямо записывал от крестьян. Об этом красноречиво говорят сами загадки, в большинстве своем связанные с крестьянским бытом: их предметы — огонь, печь, дым, чугуны, горшок, колодец, жернова, огурец, репа, капуста, орехи, рожь, серп, дровни и т. п. Текст загадок также в общем опирается на крестьянский быт: «Черная корова всех поборола» (ночь), «Выгляну в окошко — стоит репы лукошко» (звезды), «Сивый конь через ворота смотрит» (луна), «Бык ревет, хвост до неба дерет» (колодец), «Полно подполье гусей-лебедей» (зубы) и т. д.

Этими загадками Добролюбов пользовался впоследствии в своей работе над отдельными статьями. Например, анализируя в студенческие годы сборник пословиц, Добролюбов находит в сборнике загадку, знакомую ему по списку семинарского периода:

«В подполье, подполье стоит пирог с морковью, хочется есть, да не хочется лезть» (рыба с икрой), и отмечает ошибочность включения этой загадки в сборник пословиц: «Мне случалось слышать это как загадку, и, кажется, она имеет отношение к рыбному промыслу» (1, 66).

Народная песня. Собственные опыты стихосложения

Изучая крестьянский быт, Н. А. Добролюбов не мог не заинтересоваться наиболее распространенным видом народного творчества — песней. Позднее, в статье о Кольцове, он дал содержательный отзыв о значении песни в быту русского народа: «...по свидетельству всех занимавшихся исследованием народной поэзии, ни один народ не отличается такой любовью к пению, как славяне, и между ними русские. У нас народ сопровождает пением все торжественные случаи своей жизни, всякое дело, всякое веселье и печаль. Еще в колыбели дети убаюкиваются песнями; подрастая, они сами выучиваются напевать народные песни. <...> Песня сопровождает поселянина во всех его общественных трудах; она же следует за ним и в семейную жизнь его» (1, 402).

Сохранилось несколько записей народных песен, сделанных Добролюбовым. В них находим: две песни любовные; 1) плач девушки по поводу отъезда милого в Питер; 2) скорбь «молодца» после измены «сударушки» и четыре — шуточно-сатирические 3) о курочке; 4) о крысе; 5) о печении хлеба; 6) о сарафанчике из лопухов).

Все они (исключая третью песню) довольно распространены в России (см. сборник «Великорусские народные песни» Соболевского). Самая редкая — четвертая. Сборник Соболевского — наиболее полное собрание народных песен — не содержит записей Нижегородской губернии. В этом отношении записи Добролюбова очень ценны.

Наибольший идейный и художественный интерес представляют собой первая и шестая песни (кстати, они и самые распространенные, судя по вариантам сборника Соболевского).

Первая песня — скорбь девушки, у которой «милый соколик» уезжает «в славный город Петербург» (вероятно, распространенность этой песни объясняется типичным для того времени сюжетом: разорение крестьянства приводило к массовому уходу молодежи в города). Расставание с милым ужасно:

С горя ноженьки не ходят,
Глаза на свет не глядят,
Кто поверит моей муке,
Всяк потужит обо мне...

Но любовь сильнее горя, разлуки. Девушка не слушает злых советов «соседушек» и обещает до смерти хранить верность:

Уж я душеньку, размилушеньку
Тогда кину, позабуду,
Когда скроются (закроются. — Б. Е.) глаза.

Шестая песня — сатира на ленивую девицу, которая

В понедельник ранешенько вставала,
Три ниточки тонешеньких напярала,
Три мозоли кровавых натирала.
Пошла к милому показала.
Мой милый ужаснулся,
Ужаснулся он же, рассмеялся:
Не пряди, моя милая, не неволься,
Придет лето красно, весна тепла,
Вырастет широкенький лопушник,
Мы тебе сошьем сарафанчик.

Далее милый рисует картину, как овцы и козы съедят у милой этот сарафанчик из лопухов и в каком положении она окажется.

Записи песен датируются примерно 1851—1852 годами.

По добролюбовским черновикам можно приблизительно восстановить методику записи. Все песни (за исключением четвертой) написаны очень беглым, неразборчивым почерком, т. е., по всей вероятности, Добролюбов записывал непосредственно из уст исполнителя, а не по памяти. Но все песни носят следы дальнейших исправлений. В первой песне строка «Во слезах дружка просила» вначале читалась «Во слезах-то я дружка просила»; строка «Я со камня нарисую» — «С того ли я...» и т. д. Наоборот, в строке «На мою ли на могилушку» «ли на» вставлено позже. В песне «Еще по мосту-мосту» между строками «С прозументами манишечки трепещутся» и «Навстречу молодцу красна девица идет» уже позднее была вставлена строка, почти не поддающаяся разбору. Точно так же в песне «Я на рынок ходила» между строками «На три денежки куделечки купила» и «Пришла домой, на палицу положила» вставлена строка «Веретенец на алтынец подцепила». Во всех песнях много еще других мелких и крупных исправлений. Вероятно, Добролюбов вначале записывал песню со слов, а затем дополнял и исправлял запись уже с голоса, отсюда и исправления; в процессе пения исполни-

тели почти всегда вносят некоторые дополнения и изменения в текст.

Под впечатлением народных песен Добролюбов, уже пробовавший свое перо в области лирики, создает несколько стихотворений в подражание народному творчеству.

В это же время он увлекается чтением песен Кольцова. В «Реестре» за 1852 год имеется восторженный отзыв о творчестве Кольцова: «Действительно, Кольцов русский народный поэт, и дух его, его талант преимущественно выразился в его русских песнях. Не выходят из ряда обыкновенных произведений даровитых поэтов те из его стихотворений, которые написаны им правильными ямбами и хореем с рифмами. Но в русских песнях, в этом истинно русском складе, он неподражаем. Я в пятый и десятый раз с одинаковым удовольствием перечитал некоторые из его песен и дум» (8, 401—402).

Под влиянием чтения Добролюбов написал около десятка стихотворений в подражание Кольцову («Весна», «Элегия», «Тучи черные», «Двумужница», «Желание», «Гори, солнышко» и др.), в которых также проявилась его тяга к содержанию, ритму и художественным приемам народной песни. Большинство этих стихотворений написано Добролюбовым в 1850—1851 годах, т. е. по времени они примерно совпадают с записями шести народных песен.

В «кольцовских» стихах Добролюбов придерживается формальных особенностей поэтики Кольцова. Сюжеты также взяты, главным образом, у Кольцова: описание деревенской жизни, природы, молодецкой грусти на сердце и т. п. Художественная ценность этих стихов невелика. Это понял через несколько лет и сам Добролюбов. В июне 1853 года он писал о своем стихотворении «Тучи черные» товарищу: «Подражание Кольцову, Вам, конечно, случалось читать, и Вы сами по себе убеждены, что Кольцов неподражаем. Мне это тоже совершенно известно, но что может остановить пиитическое парение. Я выбрал кольцовский размер, вставил несколько его выражений и был уверен, что я — подражаю. Идея стихотворения, правда, недурная, и я где-то еще повторил ее; но я не мог совладать с нею как следует, и вышло что-то очень, очень непригожее. Печаль, тоска *ходит* у меня в ретивом сердце, грусть разрешается током в два ручья. После *дождичка* (как нежно!) *пропадают* все тучи чер-

ные. И опять это совсем не русская форма: *разразилась*, разрешилась и пр. А в этом и поставлял я некогда простоту и народность стихотворений Кольцова». Также невысоко оценил сам писатель стихотворение «Двумужница»: «Еще подражание, тоже отчасти Кольцову. <...> Стихотвореньишко вышло ничтожное» (9, 18).

Полностью отрицать значение этих подражаний для юноши нельзя. Создавая эти песни, Добролюбов глубже понял стиль и художественные особенности народного творчества. Об этом убедительно говорит приведенное нами письмо, а также замечания писателя в его последующих статьях о форме народного творчества. Так, в статье «А. В. Кольцов» (1858) Добролюбов очень веско доказал искусственность попыток некоторых писателей конца XVIII—начала XIX века (Николев¹, Нелединский-Мелецкий², Мерзляков³, Дельвиг) подражать народным песням. Добролюбов показал, что даже лучшие из таких песен, как, например, «Пела, пела пташечка» Дельвига, очень далеки от истинно народных произведений:

«В этой песне форма как будто народная; но стоит немного всмотреться в нее, чтобы увидеть, какая это неудачная подделка. Самое сравнение молодца с пташечкой совершенно не в духе русского народа. Сравнение это проведено по всей песне так формально ровно — через два стиха, что становится совершенно мертвым, пустым приноровлением, без всякого участия сердечного чувства. Как придуманное, а не естественное, сравнение это и неверно само по себе: в начале песни губят пташечку *злые люди*, а в конце она летит к морю, чтобы спастись от *выюги*; выюги эти сравниваются, значит, с злыми толками, погубившими молодца, а звери лесные ставят в параллель с морскими волнами. Как и почему все это выходит — нечего и спрашивать. Да и основная мысль песни, что молодец бежит в лес от злых толков,

¹ *Николев Николай Петрович* (1758—1815) — русский поэт и драматург; автор ряда популярных в XVIII веке песен («Вечерком румяну зорю...» и др.).

² *Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович* (1752—1829) — русский поэт, автор знаменитой песни «Выйду я на реченьку...».

³ *Мерзляков Алексей Федорович* (1778—1830) — русский литературный критик, профессор Московского университета, поэт, автор известных песен «Чернобровый, черноглазый...», «Среди долины ровныя...» и др.

решительно нейдет к нашему простому, умному народу: она могла родиться разве только у человека, пожившего между сплетнями светского общества» (1, 406).

Изучение народных примет

Добролюбова-семинариста интересовал еще один вопрос, имеющий непосредственное отношение к устному народному творчеству — вопрос о народном суеверии. В детстве Добролюбова все было создано для того, чтобы сделать из мальчика правоверного христианина; отец — честно верующий священник, религиозная семья, более чем религиозная обстановка в семинарии. Все это не могло не повлиять на сознание Добролюбова.

Но тесная связь с кругом духовенства имела и другую сторону: наблюдательный мальчик не мог не замечать лицемерия, алчности, подлости знакомых священников во главе с «преосвященным» Иеремией и ректором семинарии Паисием. В стихотворении студенческих лет «Газетная Россия» Добролюбов имел в виду обстановку Нижнего Новгорода, когда писал, что он «видал насильства архьереев, разврат и пьянство у попов»¹ (1, 154). А низкий нравственный уровень проповедников религиозной идеологии вносил в сознание юноши скепсис по отношению к этой идеологии вообще.

Большое значение для расшатывания религиозных убеждений имели беседы с Ф. А. Васильковым, чтение естественнонаучной литературы.

Например, Добролюбов в течение всей своей семинарской учебы интересовался трудами, дающими естественнонаучное объяснение всяким религиозным «чудесам».

В документах Добролюбова имеются выписки из анонимной статьи «Записки колдуна» — несколько химических рецептов, которые автор статьи приводит в опровержение сверхъестественности таких фокусов, как глотание горячей пакли, держание в руках раскаленного железа и т. п. (автор доказывает, что все «колдуны» хорошо знали физику и химию и ловко околпачивали публику).

Прочитав в журнале «Иллюстрация» анонимную ста-

¹ Ср. у В. Г. Белинского (в письме к В. П. Боткину от 19 февраля 1840 г.): «Никто так пошло не врет о религии и своим поведением и непосредственностью не оскорбляет ее, как русские попы» (Полн. собр. соч. М., 1956, т. 11, с. 453).

тью «Оракулы и гадания в древности», где доказывалось, что оракулы и гадалки — шарлатаны, пользовавшиеся темнотой народа, Добролюбов отметил: «...очень замечательная статья».

Тема разоблачения шарлатанства и наживы, которые прикрывались религией, как видно, очень интересовала Добролюбова-семинариста. К 1852 году относятся первые признаки сомнения Добролюбова в значении вообще религии и официальной церкви. В этом году Добролюбов тщательно изучает материалы о неблагоприятной исторической роли церкви, работает над исследованием о суевериях и т. п. Об этом времени он записал в дневнике: «Молиться — сердце мое черство и холодно к религии, а я тогда (осенью 1852 г. — Б. Е.) даже и не заботился согреть его теплотой молитвы» (8, 450).

Главным источником фактических сведений о суевериях для Добролюбова служил семитомный труд А. Терещенко «Быт русского народа». Впервые эту книгу Добролюбов прочел в период с 28 мая по 4 июля 1851 года. Причем не просто прочел, а внимательно проштудировал, так как из этих 38 дней Добролюбов посвятил книге Терещенко 27 дней.

Добролюбов восхищался фактической стороной «Быта русского народа»: «Превосходная книга. Невероятный исполинский труд по количеству собранных сведений. Большая часть обычаев, поверий, песен, обрядов и пр. собрано или, по крайней мере, упомянуто здесь. Фактическая занимательность огромная».

Собранные Добролюбовым материалы о народных приметах послужили базой для первой его теоретической работы о суевериях и предрассудках. Сама работа не дошла до нас, но сохранилась тетрадка с заголовком «Рассуждение о суеверии и предрассудках» (вероятно, название будущей работы) со 123 выписками из различных источников.

По этим материалам можно воссоздать план «Рассуждения о суевериях и предрассудках».

1. Незаработанность темы.
2. Предания и поверья — отражение народной жизни.
3. Использование служителями культа народных суеверий в своих корыстных целях. (Различные «чудеса» и «сверхъестественные» явления, используемые ими для закабаления народа, могут быть объяснены материалистически.)

4. Борьба церкви с народными суевериями, противоречившими христианским догмам.

5. Бытование суеверий и предрассудков в XIX веке и борьба с ними.

Изучение работ о суевериях и подготовка к собственному исследованию сыграли большую роль в становлении атеистических и материалистических взглядов Добролюбова. Письменное свое «сомнение о святой церкви и ее постановлениях» Добролюбов высказал в марте 1853 года, но созреть это сомнение начало, вероятно, еще в период работы над «Рассуждением о суеверии и предрассудках».

Краеведческие замыслы

19 января 1854 года, уже будучи студентом, Добролюбов писал родителям: «Меня как нельзя более интересует теперь Нижний Новгород и нижегородцы. <...> Здесь вообще всякий должен знать свою губернию как можно лучше, во всех возможных отношениях, и я жалею, что совсем не знаю нижегородской статистики. По крайней мере стараюсь выехать на истории. Кроме того, все подобные сведения очень могут пригодиться, и в скором времени. Нам предлагали сочинение: описать свою губернию, свой уезд или свой город в историческом, статистическом или этнографическом отношении. Мне сильно хотелось взяться за него, но я должен был отказаться по недостатку данных. Бог даст, в вакации уж я присмотрюсь к своей родине побольше» (9, 97—98).

Добролюбов в этом письме преуменьшил свои знания. Во-первых, нижегородским краеведением он интересовался, еще будучи семинаристом, во-вторых, фразы «совсем не знаю нижегородской статистики», и «я должен был отказаться по недостатку данных» характеризуют благородную скромность Добролюбова, а не его истинные знания о Нижнем Новгороде. К 1852 году относится грандиозный замысел Добролюбова — «Материалы для описания Нижегородской губ. в отношении историческом, статистическом, нравственном и умственном». О гигантской широте задуманной работы говорит план, приложенный Добролюбовым к «Материалам...»:

«1. История Нижнего Новгорода.

2. История Нижегородского княжества.

3. История Нижегородской епархии.

4. История Минина и Пожарского.

1. Нижегородская ярмарка, история и статистика.

2. Ярмарки Нижегородской губернии.

3. Статистика городов Нижегородской губернии.

4. Заводы Нижегородской губернии.

5. География Нижегородской губернии.

6. Естественные произведения Нижегородской губернии.

7. Домоводство и хозяйство помещиков и крестьян Ниж(егородской) губ.

1. Обычаи и нравы обитателей Нижегородской губернии.

2. Суеверия в Нижегородской губернии.

3. Духовенство Нижегородской губернии и отношение его к народу.

1. Степень грамотности обитателей Нижегородской губернии.

2. Народные училища Ниж(егородской) губернии.

3. Губернская гимназия и уездные училища.

4. Духовная семинария и духовные уездные и приходские училища в губернии.

5. Библиотеки в Нижегородской губернии.

7.8. Состав народов, населяющих Нижегородскую губернию.

7.9. Одежда, пища, жилища жителей Ниж(егородской) губернии.

7.10. Занятия и образ жизни обитателей Ниж(егородской) губернии.

1. Знаменитые люди из Нижегородской губернии.

2. Отзывы известных лиц касательно Нижнего и Ниж(егородской) губернии.

4.5. История Нижегородской губернии.

5.7. Театр в Нижнем Новгороде.

5.6. Литература в Нижегородской губернии.

7.11. Число жителей и движение народонаселения Ниж(егородской) губернии.

1. Метеорология Нижегородской губернии.

Материалы: в Нижегородских губернских ведомостях 1845—1852 г., в Отечеств(енных) записках Свины-

на, в Отеч(ественных) зап(исках) Краевского, в Москвитянина, Журнале Мин(истерства) Внутр(енних) Дел, Журнале Мин(истерства) Народн(ого) Просвещ(ения), Географич(еских) известиях, Зап(исках) геогр(афического) общ(ества), Нижегород(ском) губ(ернском) правлении (в архиве), в истории Карамзина, Устрялова, Полевого, Соловьева, в летописях, в статист(ике) России, в Нижегород(одском) летописце, в архив(ах) м(о)н(асты)рей Ниж(егородской) губ. Сочинения П. Мельникова, иер. Макария, С. Добротворского, П. Пискарева, П. Лебедева, Лаврского, Бессонова, Улыб(ышева)».

Из этого плана видно, что уже в семинарские годы Добролюбов изучение народной жизни мыслил очень широко. Сюда, по его плану, должно входить не только народное творчество, но и история, хозяйственная жизнь, просвещение и т. д. Интересовало автора и героическое прошлое родины («История Минина и Пожарского»). Характерно особое внимание Добролюбова к трудовому народу, к крестьянству: в графе о духовенстве он добавляет: «и отношение его к народу»; в разделе о просвещении на первом месте стоят народные училища, а затем уже гимназия, семинария и другие учебные заведения.

Конечно, одному человеку почти невозможно было бы выполнить этот план. И между тем Добролюбов проделал один из самых трудоемких этапов работы — он составил по своему плану исключительно богатый библиографический список, насчитывающий в общей сложности 471 название (список озаглавлен: «Книги, листки и статьи разных журналов и газет, относящиеся к Нижегородской губернии и особенно Нижнему Новгороду»). Впоследствии Добролюбов расположил источники по рубрикам, примерно соответствующим пунктам плана.

Из самих материалов о Нижегородской губернии в бумагах Добролюбова сохранились лишь некоторые статистические данные (сведения о населенности губернии, о родившихся и умерших и т. п.) да несколько фольклорных записей. Возможно, что на этом этапе и приостановилась работа Добролюбова. Но даже и этот материал показывает, что Добролюбов хорошо ориентировался в вопросах статистики, истории и этнографии Нижегородской губернии.

Составление списка литературы — плод его длительной систематической работы.

Переезд в Петербург и усиленные занятия в институте оставляли Добролюбову очень мало свободного времени. Однако и здесь он продолжает сбор материала. За 1853/54 учебный год Добролюбов занес в список 60 номеров источников и окончательно прекратил запись 10 июня 1854 года.

Таким образом, Добролюбов около двух лет составлял библиографию к краеведческой теме. Благодаря этому он получил весьма основательные познания о жизни народа в родной губернии, что ему не могло не пригодиться впоследствии.

Целью работы была также запись произведений устного народного творчества, так или иначе характеризующих Нижегородскую губернию. Среди этих записей наиболее многочисленную группу представляют предания и обряды. Все они сопровождаются датами записи и инициалами авторов (до сих пор Добролюбов еще никогда не отмечал, от кого им записаны фольклорные материалы).

Предания и обряды Нижегородской губернии Добролюбов записал в период с 9 апреля по 26 мая 1853 года от трех лиц: И.Д.К., И.С.С., В.В.Л. Очень легко расшифровывается третье лицо. Это Валериан Викторович Лаврский, однокашник Добролюбова по семинарии. От него Добролюбов записал обряд «Проводы весны» в селах Лукояновского уезда Нижегородской губернии. Этот обряд, по-видимому, был известен во многих местах Центральной России. Уже в советское время, в 1936 году, этнографы наблюдали этот обряд в селах Воронежской области (конечно, обряд утратил магические черты и превратился в весеннее развлечение молодежи — нечто вроде карнавала).

И.Д.К. — неизвестное лицо. Возможно, что это некий И. Д. Кастанов. Добролюбов брал у него несколько книг в 1852 и 1853 годах. Больше о Кастанове сведений не имеется. От него Добролюбов записал одну легенду о происхождении реки Самары: «Текла река Ра и встрети-лась с другой рекой. Посторонись, говорит она, разве ты не знаешь, что я Ра. — Велика штука, — отвечает река, — я сама Ра. И с тех пор река та стала называться Самара».

Самое большое количество преданий (четыре) Доб-

ролюбов записал от И.С.С. К сожалению, нет никаких данных об этом лице. Ни в реестрах, ни в дневниках, ни в письмах, ни среди родственников или знакомых Добролюбова не встречается человек с такими инициалами.

От него записаны два предания о Пугачеве и два об истории названий рек и деревень, аналогичные легенде о Самаре.

Несмотря на цензурные запрещения, Добролюбов неоднократно упоминал в своих статьях имя Пугачева.

В статье о Пушкине у него есть характерное замечание: «Один из любопытнейших эпизодов русской истории — бунт Пугачева» (1, 294), как бы перекликающееся с известным высказыванием Пушкина о Степане Разине как самом поэтическом лице в русской истории.

Рассмотрение записанных Добролюбовым преданий о Пугачеве представляет большой интерес как единственные дошедшие до нас факты, говорящие о внимании Добролюбова-семинариста к пугачевской теме.

Исследование пословиц о Нижегородской губернии

Особенно большое внимание уделял Добролюбов сбору пословиц и поговорок, относящихся к Нижегородской губернии. Сохранилось два списка: краткий (12 номеров) и более полный (20 номеров), среди которых повторяются 11 пословиц из первого списка; опущена поговорка «Пирог арзамасский с рыбой астраханской»). Приводим второй список:

Бородка — нижегородка, а ус — макарьевский.

Нижегороды не уроды.

Один глаз глядит на нас, другой — в Арзамас.

Балахна стоит полы распахня.

Город Арзамас, воевода не по нас.

Городок Арзамас — полтора ста Тарас.

Новгород Нижний — сосед Москве ближний.

Арзамас городок — Москве уголок.

Митрий да Борис за город подрались. И т. д.

Этот список был составлен Добролюбовым уже в Петербурге.

На другой стороне листа находится список исследований о пословицах, составленный, судя по почерку, одновременно со списком пословиц, и здесь встречается ссылка на том «Архива историко-юридических сведений» Н. Калачева, вышедший в 1854 году. Очевидно, оба эти списка — библиографический и пословиц — составлены Добролюбовым в первом полугодии 1854 года — при

подготовке статьи о сборнике пословиц Буслаева¹. Но список пословиц может быть использован при рассмотрении семинарского периода Добролюбова, так как, несомненно, пословицы эти он знал в Нижнем Новгороде. Первый список составлен не ранее января 1853 года.

В апреле Добролюбов написал статью «О некоторых местных пословицах и поговорках Нижегородской губернии», для которой, вероятно, и был составлен список пословиц.

В статье Добролюбов подробно рассказывает о происхождении пословиц (где возможно), разъясняет смысл, различное применение со всеми оттенками и вариантами. Происхождение и смысл пословиц он объясняет с точки зрения интересов народа различными бытовыми и историческими обстоятельствами и дает широкую картину бытования пословиц и поговорок в народе.

В статье ярко проявилась любовь Добролюбова к родному краю.

«1. «Новгород Нижний — сосед Москве ближний». С гордостью доселе повторяют эту пословицу нижегородцы перед москвичами, и добрые москвичи с радушием отвечают на нее. Не нужно объяснений этой пословице: стоит только вспомнить о незабвенном Минине и о 1612 году, чтобы понять истинный смысл ее...» (1,4).

Кроме того, эта статья важна замечаниями, характеризующими рост мировоззрения Добролюбова. Ведь три статьи для «Нижегородских ведомостей», написанные Добролюбовым несколько месяцев назад, в ноябре 1852—январе 1853 года, были невинными описаниями местных новостей. А теперь в статье о пословицах мы находим такие строки:

«11. «Город Арзамас, воевода не по нас». Не зная хорошо истории воевод арзамасских, не могу сказать, что это был за воевода, от которого повелась такая пословица... Но что был такой, в этом удостоверяет само слово «воевода»: не для красоты же оно тут поставлено, тем более что и склад пословицы этого не требует... Поныне употребляется это речение, когда хотят сделать втихомолку невыгодный отзыв о начальстве, не обращая, впрочем, внимания на то, будет ли это начальство арза-

¹ Буслаев Федор Иванович (1818—1897) — знаменитый русский ученый, специалист в области языкознания, литературы, фольклора, изобразительного искусства, академик.

масское или какое-нибудь другое... Говорят еще, будто эта пословица намекает на всегдашнее недовольство древних арзамасцев своими начальниками: но, сколько мне известно, в истории подобной удали за гражданами Арзамаса незаметно» (1,6).

Этот иронический стиль, этот «невыгодный отзыв о начальстве», эти намеки невозможны были всего полгода тому назад. Статья говорит о том, что в последний год пребывания в Нижнем Новгороде Добролюбова начинает грызть червь сомнения не только относительно «святой церкви и ее постановлений», но и относительно «святой власти». Подготавливалась почва для становления революционно-демократического мировоззрения Добролюбова.

В этом отношении статья о нижегородских пословицах — своеобразный переход от детских записей пословиц к этапной в истории русской фольклористики статье о сборнике пословиц Буслаева.

Даже этот образец значительно отличается от обычных публикаций пословиц в 40—50-е годы. Известные сборники пословиц Снегирева, Буслаева, Афанасьева содержали только статьи общего характера, с объяснением отдельных пословиц, основная же масса оставалась непрокомментированной.

Добролюбов же каждую пословицу снабжал и *историческим*, и *бытовым* комментариями. Его интересовало не только, даже не столько происхождение пословицы, как ее современное бытование, ее значение для народной жизни. Причем Добролюбов вплотную подошел к переводу исторического и бытового комментариев в *политический* план.

Дальнейшее развитие комментарии фольклориста-демократа получили в статье о сборнике Буслаева. Статья о местных пословицах — последнее сочинение Добролюбова-семинариста.

В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

Обстановка в институте. Учителя. Знакомство с Н. Г. Чернышевским

Летом 1853 года Добролюбов отправился в Петербург поступать — по желанию родителей — в духовную академию, но самовольно подал документы в Главный педаго-

гический институт; к счастью, разумный отец не осудил поступка сына.

Первые годы учебы Добролюбова в институте совпали с крупнейшим событием 1850-х годов — Крымской войной. В середине августа 1853 года Добролюбов был зачислен студентом. 20 октября началась война с Турцией. Ряд крупных успехов русской армии и флота (особенно Синопское сражение, где русская эскадра под командованием адмирала Нахимова одержала блестящую победу над турецким флотом) встревожил правящие круги Англии и Франции, которые весной 1854 года объявили войну России.

Столкновение буржуазно-капиталистических стран с отсталой феодальной державой, конечно, не могло не кончиться поражением последней. Но самоотверженность, стойкость, героизм русских солдат оттягивали поражение.

Общественный подъем, вызванный Крымской войной, начался несколько позднее. А пока в стране продолжал господствовать жестокий деспотизм николаевского самодержавия.

Во главе всех высших учебных заведений Петербурга стоял попечитель М. Н. Мусин-Пушкин, бывший военный. Ф. Н. Устрялов, студент университета в 1852—1856 годах, в своих воспоминаниях (Исторический вестник, 1884, № 6, 7) так описывает попечителя: «Он свыкся с казарменной жизнью и все спасение находил в дисциплине прежних, аракчеевских времен. Дисциплину он старался применить и к науке, и к профессорам, и к студентам. <...> В нем, точно в последнем осколке, воплощались отживший строй жизни, порядок ненавистных времен: все то, что дали нам казенщина, солдатчина, крепостное право и барство, выражалось в нем во всем своем безобразии». Колоритные анекдотические эпизоды из попечительской деятельности Мусина-Пушкина приводит Добролюбов в рукописной студенческой газете «Слухи» (см. 1, 143—146).

После французской революции 1848 года Николай I ликвидировал в университетах и институтах кафедры философии и поручил читать философию и логику священникам. Обратимся снова к воспоминаниям Устрялова: «По недавно установленной программе логика превращалась в богословие. <...> Логика читалась нам о(тцом) Райковским весьма своеобразно: ни студенты,

ни даже сам профессор не были в состоянии уяснить себе, о чем собственно идет речь». Были пересмотрены вообще все программы гуманитарных факультетов, из курсов изымались малейшие намеки на прогрессивные учения, а все оставшиеся факты истолковывались с религиозно-монархической точки зрения.

Не был исключением и Главный педагогический институт, куда поступил Добролюбов. Страна нуждалась в учителях, и еще в начале XIX века (в 1804 г.) в Петербурге был создан Педагогический институт, где студенты, в основном набираемые из семинаристов, находились на государственном иждивении. Однако институт мало соответствовал своему названию, фактически он оказался несколько сокращенным и ухудшенным вариантом университета, недаром в 1859 году, уже после выхода из его стен Добролюбова, он был ликвидирован.

Педагогическая практика была почти совершенно уничтожена, зато усилено преподавание греческого и латинского языков и античных литературы и истории. В 1853 году на младшем отделении (первых двух курсов) из общих 27 уроков в неделю (урок — 1,5 часа) на эти предметы было выделено 9 уроков, на старшем отделении (3-м и 4-м курсах) из 19 уроков — 5.

Главный педагогический институт представлял собой типичное казарменное заведение николаевской эпохи. Студентов держали взаперти, увольнение в город давали лишь с «разрешения начальства». Вещи студентов неоднократно подвергались обыску. Директор и надзиратели посещали спальни студентов и днем и ночью.

Только страстная жажда образования заставляла студентов (в большинстве своем необеспеченных) выносить эти условия жизни ради «казенного кошта». Но эти условия вызвали протест, ненависть к институтскому начальству и ко всему самодержавному строю.

Добролюбов уже на первом курсе стал выражать недовольство установленными порядками. Вокруг него образовался студенческий кружок, «в котором читались и переписывались те сочинения, которые трудно было найти в нашей книжной торговле, — писал в воспоминаниях один из товарищей Добролюбова. — «Решено было вносить небольшую плату каждым из нас для приобретения редких книг (преимущественно Герцена), на выписку русских журналов и газет. Всем этим, главным образом, руководил Добролюбов» (Восп., с. 52).

Дневник Добролюбова за студенческие годы свидетельствует о глубоком и внимательном изучении трудов Искандера. Юноша зачитывался Герценом, отрывая время даже от сна:

«От Татариновых полетел я к восточным студентам, где ожидала меня вторая книжка «Полярной звезды». <...> С десяти часов начал я чтение и не прерывал его до пяти утра... Закрывши книгу, не скоро еще заснул я... Много тяжелых, грустных, но гордых мыслей бродило в голове...» (8, 529).

В начале 1855 года у Добролюбова был произведен обыск и найдены сочинения Герцена. Только трусость директора института, побоявшегося предать дело гласности, спасла Добролюбова от ссылки.

Громадное влияние на развитие Добролюбова оказали статьи В. Г. Белинского. Еще в семинарии Добролюбов познакомился с некоторыми сочинениями великого критика. В 1854 году, на втором курсе института, Добролюбов составляет обширный библиографический список прочитанных книг различных литературных деятелей, в том числе и Белинского. К этому времени им были прочитаны «Мысли и заметки о русской литературе», 11 статей о Пушкине, статья о Кольцове, «Петербург и Москва», «Взгляд на русскую литературу 1847 года» и др. Летом 1854 года Добролюбов прочитал знаменитое письмо Белинского к Гоголю.

В товарищеском кружке статьи Белинского, как и Герцена, служили предметом изучения и споров. Со слов своего дяди Н. Н. Златовратский писал: «...от кого-то он (Добролюбов. — Б. Е.) стал приносить в институт «Отечественные записки» и «Современник» времен Белинского. Дядя брал у него эти книги, толковал с ним по поводу статей Белинского, и это послужило началом их сближения. Вообще в это время он сделался еще общительнее, все более расширяя круг своих товарищей. «Помню, говорит дядя, придет он бывало в нашу камеру с Белинским и начнет читать: потом вдруг поднимет по обыкновению на лоб очки и заговорит восторженно: — Удивительно! Ведь все это было читано и перечитано прежде, и теперь все читаю как будто новое!»

Кружок Добролюбова издавал нелегальную рукописную газету «Слухи», которая содержала злободневные общественно-политические статьи, резко направленные

против самодержавия. Добролюбовский кружок возглавил студенческую борьбу против притеснений начальства. В 1855 году от имени студентов была подана министру народного просвещения записка о различных злоупотреблениях институтской администрации. В другой раз Добролюбов сам лично явился к директору от лица всех студентов с просьбой принять меры к улучшению студенческого питания.

Эти годы стали для Добролюбова замечательной жизненной школой, так как в этот период он воочию убедился во всех «прелестях» николаевского режима и, в частности, «народного» просвещения. Он сблизился с передовыми людьми того времени, изучил статьи Белинского и Герцена и сам принял участие в общественном движении. Институт же дал Добролюбову мало.

Курс устного народного творчества Добролюбов слушал у адъюнкта К. А. Скворцова, который окончил институт в год поступления Добролюбова (1853) и был оставлен в институте преподавателем.

Конспект лекций К. А. Скворцова полностью сохранился среди других институтских конспектов Добролюбова. Хотя Скворцов и окончил институт с золотой медалью, курс его лекций по содержанию не представляет ничего значительного или оригинального по сравнению со взглядами, принятыми в тогдашней официальной науке.

Скворцов всячески сглаживал, стушевывал классовые противоречия, нашедшие яркое отражение в народном творчестве. Например, о былинном образе князя Владимира Скворцов счел нужным сказать, что народ называет его «ласковым», «красным солнышком», но ни слова не сказал о резко сатирической обрисовке народом этого образа. Далее, заявив вскользь о глубоко печальных мотивах в песнях, рисующих тяжелую солдатскую жизнь, Скворцов тут же поправляется: «Но удаль все превозмогает: солдат скоро разгонит тоску, полюбит свое новое звание и — слепой исполнитель воли командиров, умертвит в себе все человеческие чувства, и будет внимать только страху наказания и приказу начальства». Повидимому, Скворцов считал, что солдатская удаль заключается в покорности перед начальством...

Пословицу «Мужик умирать собирайся, а земельку паши», характеризующую ужасные условия крестьянской жизни (нельзя не пахать даже при смерти, так как дома

сидит с десяток голодных ртов!), Скворцов толковал следующим образом: «Пахарь так привязан к своей пашне, что даже умирая заботится о ней»

Курс Скворцова содержал много фактических ошибок.

Мимо всего этого не мог пройти равнодушно Добролюбов. На полях конспекта он оставил много пометок, которые свидетельствуют о критическом отношении студента к лекциям Скворцова. Например, против фразы «...когда витязи Владимира изъявили сомнение в силе Ильи и не верили, что он одолел Соловья, то Илья потребовал суда» Добролюбов ставит два вопросительных знака: он уличает Скворцова в плохом знании быliny об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, так как в данной ситуации Илья Муромец не требует никакого суда.

Но особенно Добролюбова возмущал политический консерватизм Скворцова. Например, против «объяснения» последнего, что якобы известный свадебный обряд обсыпания зерном является выражением *реального* довольства крестьян, Добролюбов поставил на полях три вопросительных знака.

Таким образом, пометки Добролюбова свидетельствуют о превосходстве ученика над учителем как по фактическим знаниям, так и по идейно-теоретическим взглядам.

Исключением среди институтских преподавателей был профессор И. И. Срезневский, всего несколько лет назад бывший учителем Чернышевского (по университету). Впоследствии Срезневский всегда гордился, что в числе его выдающихся учеников были Чернышевский и Добролюбов. И. И. Срезневский был ученым с широкими научными интересами: знал славянские литературы, сравнительное языкознание, страстно любил филологию. В последние годы жизни И. И. Срезневский не был в центре общественно-политической жизни страны, и это мешало ему быть в числе передовых ученых России, сочетающих глубокие научные знания с прогрессивными идеями современности. Однако Добролюбов, еще не имевший жизненного опыта, не сразу понял эту двойственность. Зато он сразу оценил в Срезневском большую эрудицию и живую любовь к своей науке, в частности к народному творчеству. Срезневский обратил внимание на глубокий интерес студента к фольклору (когда Доб-

ролюбов был еще первокурсником). Любопытно отметить, со своими фольклорными списками и статьями Добролюбов обратился не к преподавателям русской словесности или устной поэзии, что естественно было бы ожидать, а к Срезневскому, занимавшему кафедру славянских наречий и читавшему первому курсу введение в славянское языкознание — предмет, все же не имеющий прямого отношения к русскому народному творчеству.

Работая в области славянского языкознания, Срезневский серьезно занялся изучением диалектов и наречий русского языка. В этом отношении ему оказывали большую помощь студенты из провинции. Они записывали народные выражения, пословицы и поговорки. Особенно была приятна Срезневскому помощь Добролюбова, когда он узнал, что нижегородский студент сам интересуется областным наречием. 4 ноября 1853 года Добролюбов писал нижегородскому знакомому: «Завтра я подаю профессору Срезневскому окончательную тетрадку собранных мною областных слов Нижегородской губернии» (9, 75). Так что знакомство Добролюбова с профессором состоялось в первые месяцы его студенческой жизни. Дальше оно укреплялось. По воспоминаниям товарища по институту, Добролюбов «с первой же лекции И. И. Срезневского полюбил и предмет и профессора» (Восп., с. 122). Вероятно, подав Срезневскому тетрадь с областными словами, Добролюбов упомянул о своих фольклорных записях. Срезневский, сам в юности страстный исследователь и собиратель народного творчества, заинтересовался собранием молодого студента. К тому же записи, сделанные в провинции, явились хорошим источником изучения словарного запаса данной губернии. Через две недели после упомянутого письма Добролюбов сообщил родителям: «Я еще должен скоро писать к кому-нибудь из товарищей: не постарается ли кто-нибудь из них понабрать простонародных слов, пословиц, песен или сказок; как бы я был за это благодарен...» (9, 78). До нас дошло одно такое письмо — к В. В. Лаврскому:

«Профессор Срезневский читает славянскую филологию и очень интересуется областными словами. Я представил ему несколько сот; он был очень доволен и заметил, что здесь припоминать не совсем удобно, а набрать еще можно много. «Так вот, говорит, вы пишите письмо домой, к товарищам, и скажите, чтобы там по-

трудились». Я ничего не обещал ему, потому что не знаю, как далеко простирается Ваша скромность; но полагаю, что Вы могли бы переслать к нему собранные Вами слова, если только не имеете в виду лучшего употребления их» (9, 66).

Лаврский ответил согласием, после чего между ним и Добролюбовым завязалась переписка, по которой можно судить о глубоком уважении студента к Срезневскому: «...Я ему не говорил ничего о Вашем предприятии, — писал Добролюбов, — потому что это еще журавль в небе, а обманывать Измаила Ивановича довольно опасно тому, кто находится под его влиянием» (9, 84).

Под непосредственным наблюдением Срезневского, на основе богатого собрания нижегородских пословиц Добролюбов создал свой первый значительный труд о народном творчестве — «Заметки и дополнения к сборнику русских пословиц г. Буслаева».

Интересно отметить, что в связи с этим трудом известна версия о знакомстве Добролюбова с Чернышевским, принадлежащая перу Н. Н. Златовратского. Со слов дяди Н. Н. Златовратский пишет в воспоминаниях, что Добролюбов читал рукопись статьи А. П. Златовратскому, который заинтересовался, почему же Добролюбов ее не опубликует. На это Добролюбов якобы ответил: «Я уже пробовал: отдал было статью о Буслаеве в «Отеч(ественные) записки», а там не приняли, потому что в статье задеты Буслаев и Афанасьев, а они хорошие вкладчики в «Отеч(ественные) записки». Так статья и осталась ненапечатанной. Впрочем, это ничего. Я через нее, по крайней мере, познакомился с Чернышевским». Добролюбов передал дяде, что Чернышевский в то время работал при «Отеч(ественных) записках» — прочитывал статьи; ему-то и досталось читать его статью. Он хотя печатать ее не велел, но зато захотел лично познакомиться с автором»¹.

По воспоминаниям же Чернышевского, он познакомился с Добролюбовым только летом 1856 года, когда тот принес статью о «Собеседнике любителей русского слова» (Восп., с. 161—162).

Если сообщение Н. Н. Златовратского соответствует действительности, то оно имеет значение для истории дружбы двух великих демократов: время их знакомства

¹ Златовратский Н. Н. Воспоминания, М., 1956, с. 326.

переносится на 1854 год. Кто же прав — Златовратский или Чернышевский? Априорно следует, конечно, отдать преимущество последнему. Златовратский писал воспоминания полвека спустя после данных событий, да и свидетелем-то был не он сам, а его дядя, поэтому он мог спутать два факта: написание Добролюбовым статьи о Буслаеве и знакомство с Чернышевским в связи со статьей о «Собеседнике». Чернышевский же заявил о знакомстве всего через пять лет, в 1861 году, и повторил еще раз, прибавив подробности, в 1886 году, причем в мемуарах Чернышевского нельзя найти какого-либо искажения события или даты (либо он прямо заявлял о забвении срока, либо сообщал точную дату). В связи с этим трудно предположить, чтобы Чернышевский так грубо ошибся на два года. Добавим к этому, что в 1854 году Чернышевский был еще начинающим критиком, почти неизвестным в широких читательских кругах, поэтому вложенная в уста Добролюбову фраза о знакомстве с Чернышевским, подразумевающая, очевидно, популярность последнего, вызывает сомнение.

Однако все события 1854 года благоприятствовали знакомству Чернышевского с Добролюбовым:

1. Чернышевский в самом деле участвовал в редакторской работе «Отечественных записок» в 1854 году¹ и вполне мог оказаться лицом, принимавшим от Добролюбова рукопись.

2. Чернышевский в 1854 году посещал И. И. Срезневского², и тот мог ему сказать о талантливой статье нового студента.

3. Чернышевский, оказывается, сам рецензировал в «Современнике» статью и сборник Буслаева, а это тем более могло усилить в нем интерес к добролюбовской работе.

Поэтому, при всей сомнительности сообщения Н. Н. Златовратского, следует признать, что, в сущности, нет ничего невероятного в возможности знакомства Чернышевского и Добролюбова в 1854 году. Все дело в том, насколько оно было *прочно*. По всей вероятности, Чернышевский забыл фамилию и облик юноши, а в 1856 году познакомился снова с уже созревшим, сформировавшимся человеком.

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., М., 1939, т. 1, с. 714.

² См. письма Чернышевского этого времени там же, т. 14, с. 176, 261.

В подтверждение этого факта можно привести пример из тех же воспоминаний Чернышевского о Добролюбове. В начале 1855 года И. И. Срезневский сообщил Чернышевскому, что у двух студентов педагогического института (Добролюбова и Щеглова) нашли издания Герцена, что им грозило страшное наказание, но что профессорам удалось убедить Давыдова «не выносить сор из избы» и замять это дело. Чернышевский заинтересовался событием, но после его благополучного разрешения «совершенно перестал помнить эту историю». Только когда Добролюбов, уже близко познакомившись с Чернышевским в 1856 году, рассказал ему о своей жизни, в том числе и об «этой истории», Чернышевский вспомнил: «Так это были вы, Николай Александрович!» (Восп., с. 162). О встрече в 1854 году Добролюбов, наверное, не упомянул, а Чернышевский тем более не вспомнил. Таким образом оказываются истинными сообщения обоих мемуаристов: и Чернышевского, и Златовратского.

Но тогда встает вопрос другой: если Чернышевский, как сообщает Златовратский, принимал от Добролюбова статью о Буслаеве в редакции «Отечественных записок», где нечего было и думать о ее напечатании, то почему он не обратил внимания на эту статью и не «устроил» ее в «Современнике»? Прежде чем отвечать на этот вопрос, обратимся к самой статье Буслаева и к печатной полемике вокруг нее.

Изучение трудов Ф. И. Буслаева о фольклоре

Весной 1854 года вышел в свет «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России» Н. Калачева, где были опубликованы статья и сборник пословиц Буслаева. Почти одновременно Буслаев издал свой труд отдельной книгой (цензурное разрешение от 19 марта 1854 г.).

Статья Буслаева, формулирующая взгляды одного из тогдашних апологетов мифологической теории¹, вызвала печатные отклики «Отечественных записок» и «Современника».

В № 7 «Отечественных записок» в 1854 году появилась хвалебная статья А. Афанасьева. Иначе и не могло

¹ Подробнее см.: Чурмаева Н. В. Ф. И. Буслаев. Книга для учащихся. («Люди науки»). М., 1984.

быть — Афанасьев сам был еще более последовательным приверженцем мифологической теории (или мифологической школы¹). На пяти страницах Афанасьев хвалит своего коллегу, не сделав ему ни одного замечания.

На фоне хвалебной рецензии Афанасьева статья Чернышевского, опубликованная в № 9 «Современника», выделяется своей критичностью.

Чернышевский не отрицает познавательного значения трудов, посвященных изучению языка и литературы далекого прошлого, но требует от их авторов глубокого историзма, выяснения, какие особенности быта, политической и общественной жизни нашли отражение в литературных явлениях, а также (и это для Чернышевского особенно важно) определения значения этого исследования для современности, нахождения связи прошлого с настоящим: «...наука должна быть служительницей человека. Чем более может она иметь влияния на жизнь, тем она важнее. Не приложимая к жизни наука достойна занимать собою только схоластиков».

Чернышевский проанализировал главные недостатки труда Буслаева, не останавливаясь на деталях. После этого опубликование аналогичной рецензии («после» потому, что свою статью Добролюбов мог подать не раньше сентября — об этом см. ниже, — когда номер журнала с рецензией Чернышевского был уже отпечатан) в том же журнале было нецелесообразно. Тем более что статья Добролюбова о Буслаеве не совсем походила на рецензию — это было развернутое, специальное исследование о пословицах, которое завершало длительное изучение им этого жанра. Этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что статья Добролюбова не была Чернышевским отдана в «Современник» (если в действительности имела место встреча Добролюбова с Чернышевским).

Собрание пословиц Нижегородской губернии помогло Добролюбову критически подойти к анализу сборника и статьи Буслаева. Он внес существенные коррективы к вариантам Буслаева, используя свое собрание пословиц.

¹ *Мифологическая школа* — течение в фольклористике (науке о народном творчестве) XIX века; его представители (в России наиболее видные — Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев) стремились во всех произведениях фольклора искать пережитки древних мифов и мифологических верований народов.

Всего для статьи о работах Буслаева Добролюбов взял из собрания более 300 пословиц, используя таким образом значительную часть своего списка.

Вероятно, вскоре после знакомства со Срезневским Добролюбов сообщил ему о своем собрании, а тот предложил на этом материале написать сочинение. Добролюбов сообщал родственникам в письме от 1 февраля 1854 года: «...по вечерам занимаюсь... русскими пословицами, по поручению Срезневского». Публикуя это письмо в «Материалах...», Н. Г. Чернышевский снабдил его примечанием: «По поручению» — неточное выражение. Срезневский только высказал сочувствие делу, которым занимался Николай Александрович еще в Нижнем; оно было почти уж кончено, когда он сказал о нем Срезневскому; тогда оставалось только переписать набело эту работу (собрание нижегородских пословиц)» (9, 105—106).

Чернышевский правильно подчеркнул самостоятельность Добролюбова, но вряд ли работа ограничилась только переписыванием пословиц. Дошедший до нас отрывок, впоследствии озаглавленный Чернышевским «Предисловие к пословицам» (опубликован в т. 1, с. 62—64), по всей вероятности, является как раз начальными строками исследования Добролюбова о собранных пословицах.

В этом отрывке еще не упоминается сборник Буслаева (что вполне естественно: сборник вышел в свет весной 1854 г.), и главное внимание уделено сборнику Снегирева и дополнениям к нему Афанасьева¹. Изучив сборник Снегирева, Добролюбов пришел к выводу, что из него «едва ли не придется выпустить десятой доли — если рассмотреть все повнимательнее». Смысл этой фразы становится понятен при рассмотрении чернового листа. На этот лист занесены 39 пар пословиц (из сборника Снегирева и соответственно варианты Добролюбова). Большинство из выписанных Добролюбовым пословиц Снегирева в самом деле мало похожи на народные. Например, известная русская пословица «Конец — всему делу венец» у Снегирева переделана в «Конец дело

¹ Согласно «Реестрам» за 1853 и 1854 годы, Добролюбов брал том «Архива» Калачева (где опубликованы дополнения Афанасьева) в декабре 1853 года из институтской библиотеки, а сборник Снегирева — из личной библиотеки Срезневского и держал у себя его в апреле—июне 1854 года.

венчает». Закрадывается сомнение, не перевел ли Снегирев свою пословицу с латинской «*Finis coronat opus*» или с французской «*La fin couronne l'ouvrage*»? Добролюбов приводит обычный русский вариант (№ 2 его нумерации).

Вот еще несколько примеров:

7. Из порожнего в пустое не перекладывают (Снегирев).
Переливать из пустого в порожнее (Добролюбов).
26. Богатство ум рождает (Снегирев).
Богатство ум рождает, а нищета смиряет (Добролюбов).
30. Какая то честь, что не дали есть (Снегирев).
Что и честь, коли нечего есть (Добролюбов).
35. Деньги — не щепки (Снегирев).
Деньги — не щепки, на полу не подынешь (Добролюбов).
37. Не возьмет лихота, не возьмет и теснота (Снегирев).
Не возьмет теснота, а возьмет лихота (Добролюбов).

Одни варианты Добролюбова добавляют к снегиревским пословицам отсутствующие там концовки, вносящие новый оттенок в значение; другие являются более употребительными выражениями, более народны; третьи исправляют народные пословицы, в которых, в вариантах Снегирева, затушевывался вложенный в них смысл (отражение тяжелой жизни крепостного крестьянства). Некоторые из вариантов Добролюбов использовал позднее в работе о Буслаеве (так как они отсутствовали и в сборнике последнего), поместив их в «Дополнениях».

Для статьи о сборниках Снегирева и Афанасьева предназначался беловой список пословиц (285 номеров) под заглавием «Пословицы и поговорки, употребляющиеся в Нижегородской губернии и не помещенные в собрании Снегирева и в дополнении к нему Афанасьева (в Арх<иве> Калачева, т. 1)», переданный Добролюбовым Срезневскому.

Судя по всем указанным материалам, статья Добролюбова должна была быть теоретическим обобщением к его собранию пословиц и полемически заострена против сборника Снегирева (кроме выше отмеченного недостатка, Добролюбов упрекал еще Снегирева, а также других

издателей за «алфавитное расположение пословиц», значительно затруднявшее поиски той или другой пословицы, так как большая вариантность пословиц лишала возможности приурочить пословицу на данную тему к какому-нибудь определенному месту алфавитного списка)¹.

Весной 1854 года вышли из печати статья и сборник пословиц Буслаева, что заставило Добролюбова изменить свой первоначальный замысел. Недостатки труда Буслаева послужили поводом для обращения теоретической статьи в теоретико-критическую, резко направленную против маститого профессора. А свое собрание Добролюбов использовал в приложении, поместив здесь пословицы, которых не было у предшествовавших авторов.

Материалы к работе о сборнике и статье Буслаева свидетельствуют о продолжительных и серьезных занятиях Добролюбова. Он не ограничился изучением двух-трех известных работ, судя по обширной библиографии вопроса, составленной им, вероятно, весной 1854 года (11 номеров).

Срок окончания статьи Добролюбова о сборнике Буслаева неизвестен. В конце мая 1854 года Добролюбов еще работал над ней (см. в письме к отцу от 3 июня 1854 г.: «В прошедший четверг, 27 мая, после обеда сижу я в Публичной библиотеке и вожусь... с «Архивом исторических сведений» Калачева...» — 9, 149). При этом нужно учесть, что с 3 мая по 14 июня в институте проходила экзаменационная сессия, следовательно, у Добролюбова оставалось очень мало свободного времени, а 17 июня он уже выехал из Петербурга в Нижний Новгород. Поэтому вряд ли он успел закончить работу до каникул. А в конце летнего отпуска, 6 августа, умер его отец, и хотя в середине августа Добролюбов был уже в Петербурге, тяжелое горе приостановило завершение работы. Наиболее вероятный срок ее окончания — сентябрь. Если бы работа продолжалась и позднее, то в ней должно бы было найти отражение появление рецензии Черны-

¹ В этом вопросе Добролюбов имел предшественников. Еще в 1847 году Даль выступил против алфавитного принципа (см. его статью «О русских пословицах». — Современник, 1847, № 6), аналогичное требование предъявил анонимный автор рецензии на сборник Снегирева в «Современнике» (1849, № 5).

шевского в № 9 «Современника» (цензурное разрешение от 31 августа; после цензурного разрешения номера журнала выходили приблизительно неделю спустя).

Первый научный труд: критическая статья о сборнике пословиц Буслаева

Заглавие работы Добролюбова о статье и сборнике Буслаева — «Заметки и дополнения к сборнику русских пословиц г. Буслаева». Однако содержание ее шире заглавия. Добролюбов исследует не только сборник пословиц, но и теоретическую статью Буслаева, приложенную к сборнику. Последнее особенно важно. В критических замечаниях студента 2-го курса уже виден будущий писатель, соратник Чернышевского, вождь крестьянской демократии.

Нельзя ограничивать значение этих замечаний Добролюбова борьбой с мифологической школой.

Политический индифферентизм Буслаева также подвергается критике в статье Добролюбова. Хотя явно об этом Добролюбов и не говорит, но целый ряд его коррективов к работе Буслаева подчеркивает коренную противоположность их взглядов.

Комментируя поговорку «Барашка в бумажке» из сборника Буслаева, Добролюбов замечает: «Г-н Буслаев не говорит о смысле этой пословицы, а между тем он непонятен без объяснения. У нижегородцев — принести кому-нибудь *барашка в бумажке* значит — дать взятку» (1, 65).

Таким же образом Добролюбов разъясняет смысл пословицы «Хорошо тем детям, у кого отец в вечной муке»: «При этой пословице г. Буслаев ставит знак вопроса (?) и отмечает ее воронежской. Она употребляется и в Ниж(егородской) губ. и вот в каком смысле: отец пошел в муку вечную за то, что несправедливо собрал большое богатство, а детки на этом свете наслаждаются тем, что он им оставил» (1, 72).

Добролюбов не соглашается с фразой Буслаева «Русского человека пугала грамотная обстановка суда» и дает этому явлению совершенно иное толкование: «Не лучше ли обернуть эту мысль и сказать, что грамота потому и пугала простого человека, что употреблялась преимущественно в делах судебных? Об этом свидетель-

ствуется и пословица: бумажки клочок *в суд* волочет...» (1, 79).

Вся статья Добролюбова, по сути дела, — упрек Буслаеву в пренебрежении к комментариям, в недостаточности комментариев, которыми он сопровождал пословицы, в извращении смысла целого ряда пословиц. «Некоторые пословицы приведены непонятные, а между тем объяснения на них нет. Этот упрек делали еще г. Снегиреву, а теперь он прилагается отчасти и к г. Буслаеву», — пишет Добролюбов. Он выступает также против теории Буслаева о происхождении отдельных фольклорных жанров из «единого эпического целого»: «г. Буслаев хочет доказать, что пословица есть «член одного великого эпического целого»... Едва ли, впрочем, можно допустить это предположение во всей его силе... Если народ в первобытном своем состоянии поет песни, то нужно ожидать, что это будет без всяких умственных хитростей, без всяких сентенций и заключений, — что, напротив, он просто будет рассказывать все, как было, и больше ничего... Следовательно, в то время пословицы разве случайно как-нибудь могли зайти в песню и сказание, да и то в весьма малом количестве. Если какое-нибудь событие или какой-нибудь герой и мог войти потом в поговорку, то мы не имеем достаточно данных, чтобы доказать это... Во всяком случае, наши Фоки, Фомы, Федулы и Самсоны ведут свое начало не от доисторической древности и, верно, никогда не играли роли ни в каком эпическом сказании» (1, 80).

Здесь опять Добролюбов подчеркивает, что народное творчество отражает конкретный современный народный быт.

Все эти критические замечания в той или иной степени имеют аналогию в рецензии Чернышевского, только расширены за счет привлечения конкретного материала из нижегородского собрания пословиц.

Добролюбов отмечает, что Буслаев пренебрегал первоисточниками и записывал пословицы не так, как они бытуют в народе: «Просматривая этот сборник, нельзя также не видеть, что г. Буслаев исключительно придерживался тех старых сборников, из которых брал свои пословицы, и почти не обращал внимания на употребление их в народе. Оттого многие пословицы приведены у него в форме не народной, а книжной» (1, 75).

Для определения народности пословицы Добролюбов выдвигает единственный критерий: «Не гораздо ли ес-

тественнее признать за народную пословицу только то, что хранится в народе?» (1, 76).

Прежде всего критик отмечает два момента: во-первых, пословица должна быть *народной*, во-вторых — изучать нужно прежде всего то, что *хранится* (т. е. бытует в настоящий момент) в народе.

Это — основная мысль статьи Добролюбова. В сущности, исходя из данного критерия и оценивал Добролюбов с самого начала работу Буслаева.

Призыв изучать современный фольклор является одним из главных требований революционно-демократической фольклористики. Добролюбов подходил к этому требованию еще в семинарские годы, а в статьях студенческого периода оно занимает уже доминирующее положение.

Эти идеи Добролюбова явились фактором громадной значимости в предреформенные годы. Учтем, что в рукописной газете «Слухи» Добролюбов призывал в связи с быстрым ростом народного самосознания *«послушать, как он (народ. — Б. Е.) рассуждает, как понимает дела... дома, в гостях, в театре, в церкви, на улице, на рынке — везде, где только может он выразить свое личное настроение и понимание. Чем более подслушаем мы таких откровенных рассуждений, рассказов, отдельных мыслей и впечатлений, тем яснее нам будет истинный дух народа, тем понятнее будут его стремления, его чувства, тем полнее и осязательнее представится нам картина народной жизни»* (1, 109—110).

Таким образом, призыв к изучению современного фольклора становился как бы частью этого общего требования: познать как можно полнее народную жизнь и народные идеалы, для того чтобы в своей политической программе опираться и на реальные данные, и на потенциальные возможности, заложенные в народе.

Статья о сборнике Буслаева — первый труд Добролюбова, в котором он дает научно обоснованную *позитивную* программу для фольклористов.

Суммируя высказывания, можно так ее сформулировать:

1. Главным критерием, по которому можно судить о принадлежности тех или иных произведений к фольклорным, является *бытование* данных произведений *в народе*.

2. При изучении произведений народного творчества значительно более важно обращать внимание на их со-

временное бытование, на отражение в них современной народной жизни и народного сознания, чем искать в них остатки идеологии давно минувших эпох.

3. Публикация произведений народного творчества должна сопровождаться научным комментированием, в котором нужно сообщать происхождение произведения, значение его в народном быту, смысл, который в него вкладывается народом, и, наконец, отражение в нем общественно-политических событий современности и мировоззрения народа.

Так Добролюбов подошел вплотную к требованию записи данных о самих сказителях народного творчества, но еще не развил эту мысль конкретно. Впервые он ее сформулирует лишь в 1858 году, в рецензии на «Сказки» А. Афанасьева. Но практически Добролюбов был уже близок к решению этой задачи¹. В записи обрядов и преданий 1853 года Добролюбов впервые указал даты и инициалы авторов, от которых он записал эти предания. В этом отношении он явился единственным и прямым предшественником фольклористов 1860-х годов П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, впервые опубликовавших данные о сказителях. По своему идейному и научному уровню статья Добролюбова о сборнике Буслаева не имеет себе равных среди трудов представителей официальной науки того времени.

Статья свидетельствует о необычайно быстром методологическом росте Добролюбова.

Одновременно с этой статьей он работал над исследованием художественных особенностей народного творчества. Свои взгляды он отразил в статьях «О поэтических особенностях великорусской народной поэзии в выражениях и оборотах» и «Замечания о слоге и мерности народного языка». Сохранился черновик первой статьи.

В черновике статьи содержатся высказывания Добролюбова: «Народная поэзия выражается не в одних песнях. Остатки эпического или мифологического периода языка находятся не в одних былинах и сказаниях о древних временах». Добролюбов не упоминает, где же

¹ Этому способствовала общая тенденция революционных демократов: борьба за раскрепощение личности, за возможность всестороннего проявления человеком своих талантов. В связи с этим усиливалось внимание к личным, индивидуальным качествам человека наряду с анализом их социальной сущности.

еще находятся «остатки мифологического периода», да это и не так важно. Важно то, что он в это время не считал мифологические изыскания вредными для науки.

Таковы идеи Добролюбова периода весны 1854 года.

Чтение письма Белинского к Гоголю летом 1854 года, изучение трудов Белинского и Герцена, подведение итогов впечатлений от петербургской жизни за первый год студенчества, серьезные раздумья о своем будущем в связи со смертью родителей многое изменили во взглядах Добролюбова.

Статья о сборнике Буслаева явилась научным итогом работы Добролюбова за первый студенческий год, когда происходил процесс формирования революционно-демократического мировоззрения юноши.

Статьи Добролюбова о художественной форме фольклора. Статья о романе

Сразу же вслед за статьей о Буслаеве Добролюбов приступил к созданию двух статей о художественной форме устного народного творчества. Материалы для них он подготавливал еще во время работы над сборником Буслаева, но вплотную занялся проблемами формы, вернувшись из Нижнего Новгорода в Петербург, в сентябре 1854 года.

Первая статья называется так: «О поэтических особенностях великорусской народной поэзии в выражениях и оборотах». Целиком она, вероятно, не была написана, сохранилось ее начало, как бы предисловие. Этот беловой автограф хранится ныне в рукописном отделе ИРЛИ (Институт русской литературы). Он был подан И. И. Срезневскому, который оставил на нем свою пометку-одобрение: «Мысль прекрасная, а исполнение этой мысли будет весьма полезно для русской филологии. 16 сентября 1854» (1, 556). А черновик статьи, названный «Об эпических выражениях великорусской народной поэзии в выражениях и оборотах», хранится в рукописном отделе ГПБ (Государственная публичная библиотека) в особой тетради, представляющей большую научную ценность. Во-первых, некоторые варианты черновика более подробно знакомят нас с идеями автора, во-вторых, в тетради содержатся подготовительные ма-

териалы для работы. Из них следует, что первоначально Добролюбов предполагал основываться на текстах «Русских сказок» В. Левшина. Он уже написал это заглавие, но потом, очевидно, убедившись в псевдонародности сказок, густо перечеркнул его и выразительно пометил: «Дрянь». Затем началось детальное изучение «Древних российских стихотворений, собранных Киршею Даниловым»¹ (по изданию 1818 г.); во времена Добролюбова это был самый полный и самый достоверный, без переделок и фальсификаций, сборник произведений русского фольклора в области стихотворных жанров (главным образом, былин и исторических песен). Добролюбов выписал из книги эпитеты вместе с определяемыми словами, всего 544. Но так как почти под каждым номером имеются еще и варианты, то общее число эпитетов составляет около 800. Это замечательное, уникальное, собственно говоря, собрание поэтических определений русского фольклора, свидетельствующее о яркой образности и точности народного языка. Список содержит следы большой предварительной работы, он весь испещрен различными значками и цифрами (эпитеты систематизированы).

Кроме того, в тетради намечены рубрики: «Дополнения» (синонимы), «Прилагательное — существительное — прилагательное», «Пропуск союзов», «Тавтология», «Именительный определяющий» (существительное в роли определения), «Сравнение *как бы*», «Повторяемость», «Всегдашние соединения», «Собственные имена в смысле нарицательных», в них заносились примеры из сборника Кирши Данилова, но работа остановилась на пятой странице книги. Вероятно, Добролюбов занимался этими материалами еще в первом полугодии 1854 года.

Сохранившееся предисловие к работе ценно своими методологическими принципами, которыми автор предполагает руководствоваться при изучении народного творчества (историзм, исследование не только древнего, но и современного фольклора, связь формы с содержанием). В черновых вариантах Добролюбов еще сомневается: возможно ли отделить современные формы фольклора (и соответственно — современные понятия народа) от древних; в беловике он уже уверенно заявляет: «Трудно

¹ Кирша Данилов — составитель первого рукописного сборника русских былин и песен (XVIII в.); сборник впервые издан в 1804 году.

будет подобное разделение, но, надеюсь, не невозможно...» (1, 84).

При этом показательное постоянное внимание Добролюбова к *современному* фольклору. Он, как и в своих нижегородских записях, как и в статье о Буслаеве, явно предпочитает современные произведения народного творчества: «...народ и доныне не перестает петь, не перестает выражать свои воззрения, понятия, верования, полученные по преданию, в произведениях поэзии, то слагая новые, то переделывая, применяя к своему теперешнему положению то, что прежде уже было сложено. Таким образом, изменяясь в устах народа, песни наши не могут быть названы наверное — те или другие — древними, в том виде, как они существуют ныне, и, следовательно, в песне о временах Владимира мы столь же мало имеем права искать понятий X века, как и в песне о заложении Петербурга или о разорении Москвы. Поэтому мы находимся в необходимости собирать проявления народного духа вообще во всех песнях, не ограничиваясь так называемыми *древними*» (1, 82—83). Добролюбов был, видимо, намерен включить в материалы для статьи не только тексты сборника Кириши Данилова, но и свои собственные собрания современного фольклора.

Очень жаль, что Добролюбову, занятому до предела учебными заданиями и частными уроками для материальной поддержки себя и своих младших сестер и братьев, не хватило времени для завершения интересной работы.

Однако некоторая систематизация материала и некоторые ценные выводы из исследований фольклорных форм содержатся в следующей статье, над которой Добролюбов работал в конце 1854 — начале 1855 года. Она называется «Замечания о слоге и мерности народного языка» и является как бы продолжением первой статьи. Она полностью посвящена именно конкретному анализу художественной формы произведений народного творчества.

Исследовав поэтические приемы народных сказителей, Добролюбов в этой статье впервые заявил о демократизме формы, о демократизме слога и языка в фольклорных произведениях: «Народная поэзия не стеснялась правилами школьных реторик и пиитик о высоком слоге, для нее все слова были хороши, только бы они точно и ясно обозначали предмет. Она вносит в свои изображе-

ния — и конские копыта, и япончицы, и кожухи, и болота и грязевые места <...>. Она не боялась называть предмет своим именем, и поэтому в ней находим множество названий таких предметов, о которых в книгах даже совсем никогда не говорится, из опасения употребить неприличное выражение» (1, 86).

О тонком понимании Добролюбовым художественных особенностей устного народного творчества и о прозорливости исследователя свидетельствует следующий факт. Наряду с анализом известных поэтических тропов он открывает новый, неизвестный до тех пор в печатной научной литературе прием: «...сначала высказывается общее понятие, а потом берутся частности, например: в зеленом саду, в вишенье, в орешенье» (1, 86). Добролюбов никак не назвал открытый им прием; в советской фольклористике он получил название «ступенчатого сужения образов». Это название, как и первое подробное описание приема, содержалось в статье замечательного ученого Б. М. Соколова «Экскурсы в область поэтики русского фольклора» (1926). Тогда еще не знали, что 70 лет назад этот прием уже был открыт Добролюбовым.

Добролюбов остановился в статье «Замечания о слоге...» и на ритмических особенностях народных песен.

Внимание Добролюбова к различным жанрам фольклора и к современному бытованию произведений народного творчества, возможно, стимулировало создание им труда о наиболее популярном современном жанре книжно-журнальной словесности, о романе. В собраниях сочинений Добролюбова издатели условно называют этот труд «О русском романе» или, как принято в советское время, «О русском историческом романе». На самом деле эта работа посвящена скорее жанру романа в целом; лишь в конце намечен переход именно к историческому роману. Скорее всего труд не окончен, он как-то резко обрывается на переходе к Марлинскому¹ и Полевому².

¹ *Марлинский* — литературный псевдоним декабриста Бестужева Александра Александровича (1797—1837), писателя (автора романтических повестей), литературного критика, журналиста (вместе с К. Ф. Рылевым издавал альманах «Полярная звезда»).

² *Полевой Николай Алексеевич* (1796—1846) — русский писатель романтического направления, литературный критик, журналист (издатель «Московского телеграфа»), историк.

Более чем вероятно, что перед нами обязательное студенческое сочинение, точнее — его черновик. На полях имеются ссылки на использованные источники. Есть ссылка на статью В. Г. Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835). Добролюбов действительно опирается на суждения великого критика. К статье Белинского восходят рассуждения о господстве романа и повести в современной литературе, деление эпох в жизни человечества на «младенческую», «юную», «зрелую», а главное — общий методологический принцип: «...всегда и у всех народов литература являлась отпечатком народной жизни, выражением общественных потребностей» (1, 89).

Некоторые мысли Добролюбова, очевидно, связанные с официальными, ставшими уже традиционными, представлениями о романе как о жанре «семейственном» (эти идеи уже давно расшатывались статьями Белинского и Гоголя), между тем приобретают оригинальный оттенок: «Эпохи, подобные 1612 и 1812 годам, когда все частные, личные отношения умолкали и сливались в одном, общем деле отечества, совсем неудобны для романа, который именно должен представить нам частные интересы домашней жизни и для которого поэтому гораздо лучше годятся времена междоусобий и внутренних волнений» (1, 97). Добролюбов не замыкает роман в узкую сферу интимных отношений, но считает, что для самой этой сферы более подходящи конфликтные (внутри страны) эпохи, периоды обостренной классовых борьбы. История литературы показала, однако, что такие обострения, имевшие место и в эпохи относительного национального единства, находили блестящее отражение в романе — взять хотя бы «Войну и мир».

Оригинальны суждения Добролюбова о В. Нарéжном¹. Он вслед за Белинским считает его родоначальником русского романа, но дает писателю значительно более положительную характеристику.

Научная работоспособность и продуктивность Добролюбова воистину потрясает. В течение институтского третьего курса, т. е. в течение 1855/56 учебного года, он, помимо обязательных занятий, создал три серьезных тру-

¹ Нарéжный Василий Трофимович (1780—1825) — русский писатель, предшественник Гоголя, автор романа «Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова».

да, отмеченных в «Отчете о Главном педагогическом институте за 1855—1856 гг.». Это, во-первых, несохранившаяся работа «О польских училищах. Из истории польской литературы Вишневого». Приходится лишь сожалеть, что мы не имеем возможности ознакомиться с этим сочинением Добролюбова, свидетелем, что он к третьему курсу настолько овладел польским языком, что мог штудировать замечательный труд крупнейшего польского литературоведа, философа, культуролога и делать из него извлечения. (М. Вишневский не только выдающийся ученый, но и политический деятель, участник польского революционного движения: во время краковских волнений 1846 года он был избран диктатором, т. е. вождем восставших; после присоединения вольного города Кракова к Австрийской империи Вишневский покинул родной город, переселился в Италию.)

Следующий труд третьекурсника — историко-журналистское исследование о «Собеседнике любителей русского слова»: журнале, издававшемся в 1783—1784 годах. Оно тоже не сохранилось полностью, но разрозненные черновые материалы остались в архиве Добролюбова в ГПБ, да к тому же мы знаем этот труд в переработанном виде: Добролюбов опубликовал его в августе—сентябре 1856 года в «Современнике», придав ему публицистическую окраску, введя ядовитые социально-политические оценки деяниям императрицы и иронические характеристики многих произведений из «Собеседника...». А в то же время статья отличается образцовой полнотой и систематизацией материала: она и до наших дней может служить пособием по истории русской журналистики XVIII века и справочником по «Собеседнику...».

Третья работа Добролюбова, отмеченная в «Отчете...», — перевод комедии Плавта¹ «Aulularia» («Горшок», «Денежный горшок скряги»). Перевод нескольких частей комедии (неизвестно, успел ли перевести Добролюбов всю комедию в целом) хранится в архиве Добролюбова в ИРЛИ. К сожалению, до сих пор этот перевод еще не издан.

Получив в семинарии основательные познания в ла-

¹ Плавт Тит Макций (около 254—около 184 гг. до н. э.) — римский драматург, автор стихотворных комедий.

тинском и греческом языках, Добролюбов-студент мог плодотворно использовать их в своих научных работах.

Когда он, еще будучи первокурсником, узнал, что профессор Н. М. Благовещенский предложил студентам старших курсов тему сочинения: «Анализ перевода «Энеиды» Вергилия¹ на русский язык», то Добролюбов осмелился взяться за эту тему. Перевод «Энеиды» был сделан второстепенным литератором И. Г. Шершеневичем и опубликован в некрасовском журнале «Современник» в 1851—1852 годы. Добролюбов работал над сочинением зимой 1853/54 учебного года. Он предварил непосредственный анализ «Энеиды» двумя введениями: о принципах перевода (требования Добролюбова к переводчику были очень высоки: быть самому поэтом; быть ученым, хорошо ориентироваться в быте, нравах, словесности соответствующих произведению эпохи и страны; прекрасным знатоком своего языка) и о Вергилии и его времени. Добролюбов, как и в других своих исследованиях, прежде всего подчеркивает необходимость историчного подхода к анализируемым явлениям: «Мы будем смотреть на нее («Энеиду». — Б. Е.) как на произведение Августа (римский император. — Б. Е.) времени и будем судить о ней на основании тогдашних понятий, тогдашнего духа» (1, 17). Добролюбов будет далее постоянно указывать отличие «Энеиды» от гомеровских поэм по самым различным культурологическим и художественным параметрам: «Она писана была не во время безусловного поклонения физической силе и непреклонной храбрости. Другие, более мягкие и нежные чувства водили римлянином, вступившим на высшую ступень образованности и начавшим уже развивать в себе семейные, мирные чувствования и пристрастия, под кровом величественной империи Августа, при содействии всюду распространявшегося просвещения...» и т. д. (1, 17).

И затем с такими методологическими предпосылками Добролюбов приступает к конкретному сопоставлению перевода Шершеневича с подлинником. Он идет от строки к строке, не пропуская почти ни одного выражения, скрупулезно и придиричливо, даже, пожалуй, чрезмерно придиричливо, анализируя смысл и форму переведенных предложений и слов.

¹ Вергилий Марон Публий (70—19 гг. до н. э.) — римский поэт, создатель эпической поэмы «Энеида».

Добролюбов проанализировал около 200 строк поэмы, а его сочинение выросло уже до грандиозных размеров: в собрании сочинений работа занимает 54 страницы текста. Поэтому автор прервал анализ и написал: «Продолжение впредь». Неизвестно, продолжил ли он на самом деле этот труд. Сочинение было подано 15 февраля 1854 г. профессору С. С. Лебедеву, главному тогда специалисту-литературоведу, которого знали первокурсники. Лебедев начертил на рукописи студента: «Рассуждение написано с полным знанием дела, с строгою последовательностью в расположении, правильным и чистым языком», а затем представил сочинение Добролюбова, как отличное, директору И. И. Давыдову, тот в свою очередь передал ее ректору университета П. А. Плетневу, который сам занимался анализом перевода Шершеневича. На третьем курсе, как говорилось, Добролюбов переводил комедию Плавта, а на последнем, вслед за переводом, приступил к работе над сочинением вообще о жизни и творчестве Плавта. Закончил он его уже почти перед самым окончанием института, в мае 1857 г., и подал профессору Н. М. Благовещенскому. Сочинение называется «О Плавте и его значении для изучения римской жизни». Не ясно, полностью ли оно до нас дошло: в конце рукописи нет завершения, труд как бы обрывается. Возможно, что окончание рукописи утеряно.

В «Акте 10-го выпуска студентов Главного педагогического института 21 июня 1857 года» работа названа в числе «замечательнейших из сочинений, представленных студентами, ныне оканчивающими курс».

- На первом листе рукописи сохранилась отметка: «Сочинение г. Добролюбова замечательно особенно тем, что автор с большим умением воспользовался трудами Ритшля¹, которые в недавнее время составили новую эпоху в изучении Плавта. Нахожу, что это превосходное сочинение вполне заслуживает печати. Ординарный профессор Н. Благовещенский» (1, 578).

Издание, для которого оно рекомендовалось, вероятно, «Опыты студентов Главного педагогического института», выходившие в 1857 году отдельными брошюрами; но подобное издание сочинения о Плавте неизвестно;

¹ Ричль (Ритшль) Фридрих Вильгельм (1820—1876) — немецкий филолог-латинист, исследователь творчества Плавта.

не исключено, что ненавидевший Добролюбова Давыдов постарался помешать опубликованию.

Начальную часть труда («Предисловие»), содержащую довольно резкие выпады против славянофилов, Добролюбов изъясил из рукописи, поданной Н. М. Благовещенскому. Тем не менее именно полемика со славянофилами лежит в основе интереса молодого Добролюбова к ранней римской литературе. То обстоятельство, что литература эта на первых порах создавалась главным образом на основе иноземных, греческих образцов, не мешало ей впоследствии достигнуть блестящего расцвета и оказать огромное влияние на развитие западноевропейской литературы: этот исторический пример мог быть обращен против отрицательного отношения славянофилов к «заимствованной» русской культуре послепетровской эпохи.

В первых сохранившихся главах работы Добролюбов излагает результаты новейших по тому времени исследований о Плавте, принадлежавших одному из крупнейших немецких филологов-классиков Фридриху Ричлю (Ritschl; в написании Добролюбова — Ритшель). Исследования эти, посвященные истории текста Плавта и его биографии, представляли собой тогда последнее слово филологической науки в отношении методики исследования. Даже в настоящее время сочинение Добролюбова остается единственным источником, по которому русский читатель может ознакомиться с трудами Ричля.

Последнее крупное студенческое сочинение Добролюбова — «О древнеславянском переводе хроники Георгия Амартола», над которым он работал в январе—феврале 1857 года. Это — кандидатское сочинение, поданное профессору И. И. Срезневскому перед окончанием Главного педагогического института. Для изучения была взята «Хроника» греко-византийского летописца Георгия Амартола (IX в.) и ее переводы XIII—XVII вв. на славянские языки. Добролюбов проявил здесь прекрасное знание греческого, староболгарского, церковнославянского языков. Судя по дневниковым записям, работа тяготила Добролюбова своим сугубо филологическим характером и узким подходом к теме самого учителя и наставника — И. И. Срезневского (именно в этот период Добролюбов начинает хорошо понимать двойственный характер облика своего профессора — сочетание живой, страстной любви к науке и «мертвого буквоедства»: ведь самую

науку Срезневский понимал лишь как изучение древностей). Тем не менее студент проделал громадный труд, не только обобщив исследования предшественников, но и дав И. И. Срезневскому колоссальный фактический материал (он тщательнейшим образом описал три рукописи перевода хроники, подробно сравнил подлинник с переводом и составил для хроники словари). Работа отмечена в «Отчете...» института в числе «замечательнейших из сочинений, поданных студентами».

Срезневский позднее использовал материалы Добролюбова для сообщения «Русская редакция хроники Георгия Амартола» в книге «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках» (вып. 1. СПб., 1867).

Особый интерес представляют вступления к работе, носящие публицистический характер. В первой редакции Добролюбов почти целиком посвящает введение критике славянофильства.

Очевидно, опасаясь, что в официальном кандидатском сочинении публицистический тон не будет одобрен, Добролюбов изъясил первый вариант введения из рукописи, заменив его другим, прямо не затрагивающим социально-политических проблем (см.: 1, 580—581).

Далеко не все студенты, оканчивавшие университет или педагогический институт, могли написать кандидатское сочинение (по-теперешнему — дипломную работу). А Добролюбов приготовил их фактически три — и все блестяще! — о «Собеседнике...», о Плавте, об Амартоле...

Срезневский несколько лет «агитировал» Добролюбова, чтобы тот серьезно занялся академической наукой. Он всячески приобщал его к составлению указателей к различным изданиям Академии наук, к работе переводчика и библиографа; очевидно, и тему о хронике Георгия Амартола дал в надежде на увлечение Добролюбова филологическими разысканиями. Но ученика все-таки тянуло к современности, к журнальной публицистике, и даже самые, казалось бы, отвлеченные научные темы он старался повернуть к злободневной социально-политической проблематике.

В последние месяцы пребывания в институте Добролюбов — возможно, тоже по инициативе Срезневского — работал над сочинением «Заметки о современном русском правописании». Во введении содержится скрупулезный обзор всех трудов по орфографии XVIII—XIX вв.,

первый раздел основной части «Заметок» называется «О прописных и строчных буквах в прилагательных, произведенных от имен собственных» — как будто все располагает к созданию обстоятельной академической монографии. Но Добролюбов самые абстрактные вопросы переводит в идеологический план. Вот пример из первого раздела: «Грамотеи наши, ставя большую букву, думали, что придают этим какой-то почет тому лицу или предмету, который отличают таким образом, и потому писали Апостол, Священник и жрец, дьячок, Монархия и республика, Христианство и язычество, Генерал и солдат, — полагая, что в этом выражают свои нравственные и догматические убеждения» (1, 491).

За последние два года студенческой жизни Добролюбова в России произошли значительные перемены: 18 февраля 1855 года умер Николай I; 30 августа 1855 года после многомесячной героической обороны пал Севастополь. Это явилось кульминационным пунктом Крымской войны. Феодално-крепостнический строй потерпел поражение при столкновении с «союзными» буржуазными государствами (Англия и Франция) и еще ярче обнажил свою слабость. Восшедший на престол сын покойного императора Александр II поспешил заключить мир с союзными державами и в обстановке всеобщего разброда и растущих крестьянских волнений пообещал своему народу ряд реформ, прежде всего отмену крепостного права.

Сразу же страна забурилась. Замечательно охарактеризовал это время Герцен в статье «Америка и Сибирь» (1858): «До крымской войны никто не подозревал внутренней работы России, за немymi устами предполагали немой ум и немое сердце, а между тем мысли, посеянные 14 декабрем, — зрели, разъедали грудь и подтачивали незаметно дубовые ворота николаевского острога. Прежде чем кончилась эта работа, стены его треснули. Их пробili ядра союзников. Скрытое, спертое брожение вырвалось наружу, неправильно забегаая, отставая, отклоняясь, но со всею мощью сгнетенной силы»¹.

Пульс общественной жизни лихорадочно забился. Появились новые журналы и газеты, несколько ослабла цензура, стало возможно обсуждать крестьянский вопрос. Интенсивно развивалась философия, публицистика,

¹ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., М., 1958, т. 13, с. 399.

экономика, естественные науки. Именно в эти годы была напечатана знаменитая диссертация Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», именно в эти годы формировалось научно-философское мировоззрение И. М. Сеченова и Д. И. Менделеева. В этих условиях созрел лагерь революционных демократов, созрело мировоззрение Добролюбова.

Громадное значение для Добролюбова имело знакомство с Чернышевским, вскоре перешедшее в дружбу. Уже 1 августа 1856 года Добролюбов писал товарищу по институту Н. П. Турчанинову: «С Николаем Гавриловичем я сближаюсь все более и все более научаюсь ценить его. (...) С Н. Г. мы толкуем не только о литературе, но и о философии, и я вспоминаю при этом, как Станкевич и Герцен учили Белинского, Белинский — Некрасова, Грановский — Забелина¹ и т. п. Для меня, конечно, сравнение было бы слишком лестно, если бы я хотел тут себя сравнивать с кем-нибудь; но в моем смысле — вся честь сравнения относится к Ник. Гавр. Я бы тебе передал, конечно, все, что мы говорили, но ты сам знаешь, что в письме это не так удобно» (9, 247—248).

А двумя днями позднее Добролюбов писал своему нижегородскому однокашнику В. В. Лаврскому: «Говорят, что мой путь — смелой правды — приведет меня когда-нибудь к гибели. Это очень может быть; но я сумею погибнуть недаром» (9, 254). Некрасов, несколько месяцев спустя создавая свое программное стихотворение «Поэт и Гражданин», почти те же слова вложил в уста Гражданина:

Иди в огонь за честь Отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гigni безупречно,
Умрешь недаром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

Добролюбов уже и ранее, в 1854—1855 годы, переходил на самые радикальные мировоззренческие позиции. И. Т. Трофимов недавно обнаружил в архиве неизвестное ранее стихотворение Добролюбова «На похороны Николая», яркий антисамодержавный памфлет, ироническую переделку известных пушкинских «Стан-

¹ *Забелин Иван Егорович* (1820—1908) — русский историк и археолог, один из основателей Исторического музея в Москве.

сов» (1826); стихотворение Добролюбова начинается по-пушкински:

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни...

А далее следует уже свое:

С кончиной старого царя
Вздохнула Русь от долгой казни...

Не менее яркий памфлет той поры, письмо к Н. И. Гречу от 21 февраля 1855 года, нашел три десятилетия назад Б. П. Козьмин. Добролюбов, конечно, не подписался своим настоящим именем, а поставил в конце «Анастасий Белинский». «Анастасий» — по-гречески значит «воскресший»... Ученик Белинского и Чернышевского становился революционным демократом и зрелым самостоятельным мыслителем. Эти качества в полной мере отразились в его студенческих работах последних институтских лет. Глубоко проявлены они и в сохранившихся материалах его педагогической деятельности — в лекциях для его ученицы Н. А. Татариновой. Об этом пойдет речь в следующей главе.

ЛЕКЦИИ ДОБРОЛЮБОВА О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Большую научную и биографическую ценность представляют лекции по литературе, прочитанные студентом Добролюбовым для Н. А. Татариновой в 1857 г. Содержание лекций отражено в двенадцати учебных тетрадях Татариновой¹.

История лекций Добролюбова такова. Отец ученицы, А. Н. Татаринов, известный либеральный деятель 1850-х годов, подыскивал для своей пятнадцатилетней дочери домашнего учителя русской словесности. Профессор педагогического института Н. М. Благовещенский рекомендовал ему Добролюбова, как одного из выдающихся студентов-выпускников (Добролюбову оставалось полгода до окончания института). Добролюбова привлекла роль идейного воспитателя девушки (впоследствии она стала писательницей), тем более что отец ученицы, лю-

¹ Основная часть этих материалов мною опубликована: Лекции Добролюбова о русской литературе. «Конспекты» Н. А. Татариновой (1857 г.). — Лит. наследство. М., 1959, т. 67, с. 223—258. Все дальнейшие цитаты из «Конспектов» даются по этому источнику.

бивший щеголять своими либеральными взглядами, просил Добролюбова «не стесняться ни православием, ни монархизмом» (8, 524). Занятия длились несколько месяцев, начиная с 10 января 1857 года¹, и проходили следующим образом: Добролюбов читал лекцию, а его ученица должна была после этого по памяти воспроизвести основное содержание занятия. Об этом имеются воспоминания самой Татариновой. Вот они:

«Добролюбов <...> стал сам объяснять и к следующему уроку задавал написать то, что он говорил.

— Если найдете возможным, прибавьте то, что вы сами об этом думаете...

Так как я очень редко находила возможным прибавить что-нибудь от себя, то *почти все, что написано в этих тетрадках, является повторением его слов*» (Восп., с. 267; курсив мой — Б. Е.).

Последняя фраза особенно важна: если даже запись не всегда полностью воспроизводила основное содержание лекции, если даже это были иногда не столько конспекты, сколько сочинения на заданную тему, то все же значение их неоспоримо.

Ценность тетрадей Татариновой тем более велика, что все ее записи, восходящие к живому слову Добролюбова, были им затем проверены и собственноручно исправлены. Чаше всего в тетрадках встречается стилистическая правка. Но в тех случаях, когда Добролюбов находил у Татариновой нечеткие или ошибочные, с его точки зрения, формулировки, он вписывал своей рукой целые фразы. Так, например, тему «Великий князь Владимир» Татаринова начала так: «Читая древние народные песни, видим, что великий князь Владимир не пользовался большим уважением своих подданных». Добролюбов уточнил и углубил эту запись. Он вычеркнул все придаточное предложение (после слов «видим, что...») и дописал сам: «...в них везде упоминается о Владимире и что он называется ласковым, красным солнышком и т. п., но нельзя не заметить, несмотря на эти фразы, что народ не питал особенного уважения к этому князю, в котором представляется вообще олицетворение княжеской власти».

¹ В конце 1859—начале 1860 года занятия были возобновлены на короткий срок (см.: Рейсер С. А. Летопись жизни и деятельности Н. А. Добролюбова. М., 1953, с. 232, 255), но записи того времени не сохранились.

В иных случаях почти половина текста Татариновой исправлена или вписана Добролюбовым (например, «Русские писатели в 18-м веке»). А когда Добролюбов не был удовлетворен сочинением Татариновой «Пошное и низкое в искусстве», он написал четыре страницы замечаний и потребовал новой разработки этой темы.

Хотя Татаринова часто весьма наивно передает идеи Добролюбова — не нужно забывать, что ей было всего 15 лет! — тем не менее все ее записи проверены и исправлены Добролюбовым, т. е. как бы санкционированы им. Поэтому, если далеко не все мысли, изложенные в тетрадях Татариновой, по своей глубине и четкости соответствуют взглядам Добролюбова-студента, то, по крайней мере, мы можем с уверенностью сказать, что ни одна идея, ни одна мысль не противоречит или — даже точнее — не расходится с концепцией Добролюбова: все неточности и искажения он зачеркивал и исправлял.

Мы можем считать записи Татариновой, правленные Добролюбовым, своеобразными «конспектами»¹ его лекций и в дальнейшем так их и будем именовать.

До нас дошли следующие «конспекты» Татариновой о русской литературе, воспроизводящие содержание лекций Добролюбова:

Предания

Русские народные песни

Религия в народе русском по литературным памятникам

Великий князь Владимир

Стих о голубиной книге

(О значении литературы)

Модные писатели

(О комическом)

Пошное и низкое в искусстве

Взятка (Об обличительной литературе)

Русские писатели в 18-м веке

Русские писатели 18-го века

Русские сатирические писатели XVIII <века>

Сатирическое направление в России

Достоинство русских писателей 18-го века

Отсутствие личного характера в произведениях русских писателей XVIII века

Державин

¹ Так как данные записи не являются «конспектом» в точном смысле этого слова, то мы заключаем этот термин в кавычки.

Речи в «Кадме и Гармонии»
Письма Карамзина и Фонвизина
Заслуги и влияние Карамзина
Трагедия Озерова «Дмитрий Донской»
Патриотические стихотворения Жуковского
<Веневитинов и Пушкин>
Мелкие стихотворения Лермонтова
<«Аммалат-Бек» и «Герой нашего времени»>
Стихотворения Кольцова

Заголовки «конспектов» и их содержание позволяют утверждать, что они сохранились далеко не полностью: совершенно, например, отсутствуют темы о Крылове, Грибоедове, Гоголе. Трудно предположить, чтобы Добролюбов умолчал об этих писателях в лекциях для Татариновой. Цикл лекций представлял собою, видимо, очерк истории русской литературы.

Какими источниками мог Добролюбов пользоваться для своих лекций? Соответствующие институтские учебные курсы не могли служить ему опорой.

Источниками, которыми Добролюбов мог руководствоваться, были труды революционных демократов, в первую очередь статьи Белинского, а также труды Герцена и Чернышевского. Добролюбов имел все основания утверждать позднее: «Многие из истин, на которые теперь опираются наши рассуждения, утверждены им (Белинским. — Б. Е.)» (4, 277). Использовал молодой учитель и труды классиков мировой литературы. В сочинении Татариновой «Пошлое и низкое в искусстве» и в замечаниях Добролюбова почти дословно излагается содержание статьи Шиллера «Мысли об употреблении пошлого и низкого в искусстве» (1802).

Влияние Белинского сказывается прежде всего в самом круге вопросов, рассматриваемых Добролюбовым: из письменной литературы изучаются лишь писатели XVIII—XIX вв., в особый раздел вынесена устная народная поэзия; письменная литература допетровской эпохи совершенно не принимается во внимание. Влияние Белинского, а также Герцена и Чернышевского отразилось и во многих суждениях Добролюбова. Более того, весь «конспект» Татариновой о Кольцове представляет собой как бы краткое резюме известной статьи Белинского «О жизни и сочинениях Кольцова».

Выступая в качестве идейного ученика Белинского и

Чернышевского, Добролюбов в лекциях выразил и ряд новых положений. Наиболее показательными (в отношении использования и дальнейшей разработки Добролюбовым наследия предшественников) являются его лекции по устному народному творчеству. Из «конспектов» Татариновой на эту тему особенно значительны три: «Русские народные песни», «Религия в народе русском по литературным памятникам» и «Великий князь Владимир».

При чтении первого «конспекта» (о народных песнях) прежде всего бросается в глаза подчеркивание грустного характера народной поэзии: «Во всех русских песнях находишь одно неизбежное чувство — грусть. Грустит добрый молодец на «чужой стороне», грустит красная девушка в «золотом терему», грустит молодуха в «чужой семье». Грустный характер русских народных песен объяснялся в литературе двояко. Представители академического славяноведения И. М. Снегирев, О. М. Бодянский и др., близкие по своим общественно-политическим взглядам к идеологии славянофилов, усматривали в этом факте влияние географических условий и отражение таких черт «национального характера» русского народа, будто бы «извечно» присущих ему, как смирение и покорность. Революционные же демократы считали печальные мотивы следствием многовекового рабства крестьянина, следствием бесправного его положения.

Добролюбов следует в этом отношении за своими учителями. В «конспекте» «Русские народные песни» читаем: «Причину этого характера русской песни надо искать в притеснениях, которые всегда терпел народ, и вообще в его печальной участи <...>, хотя прямо и не выражаются в *песнях заботы о материальных средствах жизни*, но часто заметно в них *тяжелое чувство, происходящее именно от сознания бедности*»¹.

При этом передовые мыслители, в отличие от деятелей официальной науки, подчеркивали особый характер грусти в русской народной песне, отсутствие в ней пессимизма и безысходности, отмечали закономерность перехода от пассивного страдания к активному протесту. Еще Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» (глава «София») от рассуждения о заунывных

¹ Здесь и дальше курсив в цитатах из «конспектов» означает, что данные слова или фразы вписаны рукою Добролюбова.

русских песнях сразу перешел к изображению таких качеств русского крестьянина. Замечательную характеристику этой черты русского характера дал Белинский: «Грусть русской души имеет особенный характер: русский человек не расплывается в грусти, не падает под ее томительным бременем, но упивается ее муками с полным сосредоточением всех духовных сил своих. Грусть у него не мешает ни иронии, ни сарказму, ни буйному веселию, ни разгулу молодечества: это грусть души крепкой, мощной, несокрушимой»¹.

Позднее, в рецензии на «Сказки А. Н. Афанасьева» (1858), Добролюбов прямо заявил о своей солидарности с этими идеями Белинского и Герцена: «Но кто посмотрит, хотя бегло, эти сказки, тот и в них может найти подтверждение по крайней мере тех общих идей, которые со времени Белинского пущены в оборот относительно характера русского народного творчества. Пассивность человека, отвыкшего, вследствие внешних тяжелых обстоятельств, от самостоятельной деятельности, но все мечтающего о чрезвычайных подвигах силы и мужества, — довольно резко проявляется во всех сказках, имеющих довольно значительный объем и относящихся по содержанию к человеческому миру» (3, 237).

Замечательным свидетельством отношения Добролюбова к так называемой «религиозности» русского народа является «конспект» Татариновой, озаглавленный «Религия в народе русском по литературным памятникам».

Ко времени Добролюбова уже прочно была установлена революционно-демократическая точка зрения на отношение народа к религии и духовенству. Вспомним знаменитые слова Белинского из его письма к Гоголю: «...неужели же и в самом деле вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа?...»². Вспомним известное рассуждение Герцена: «Русский крестьянин суеверен, но равнодушен к религии»³ и т. д.

Добролюбову в подцензурных статьях было почти невозможно открыто высказать аналогичные взгляды. В интересной статье «Заграничные прения о положении русского духовенства» (1860) он сделал было смелую

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954, т. 5, с. 442.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956, т. 10, с. 215.

³ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т. М., 1955, т. 6, с. 211.

попытку показать свою полную солидарность с мнениями Белинского и Герцена: «А общее понятие о духовенстве давно уже составлено в нашем обществе, и если спросить по совести кого угодно из духовных, каждый, конечно, сознается, что понятие это далеко не в их пользу. <...> Стоит послушать сказки народа и заметить, какая там роль дается *«попу, попадье, поповой дочери и попову работнику»*, — стоит припомнить названия, которыми чествуют в народе «поповскую породу», чтобы понять, что тут уважения никакого не сохранилось» (6, 83—84. Курсив наш. — Б. Е.). Заклучив в кавычки выделенные слова, Добролюбов хотел напомнить читателям о мыслях Белинского в письме, находящемся под строжайшим запретом цензуры. Но весь цитированный отрывок был исключен цензурой из журнального текста.

В статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» (1858) Добролюбов весьма осторожно сказал о равнодушии народа к религии, но цензура опять вычеркнула эти строки. Только при помощи эзопова языка удавалось проводить в печать революционно-демократические суждения (см. ниже о статье «Непостижимая странность»).

В этом отношении «конспект» «Религия в народе русском...» является важным дополнением к печатным высказываниям Добролюбова о религии. Основная мысль «конспекта», развивающая идеи Белинского и Герцена, заключается в том, что народ был равнодушен к религии и следовал только «внешним правилам христианства». При этом, однако, в «конспекте» имеются такие утверждения, которые дают возможность для двоякого истолкования: «По народной русской поэзии видно, что наши предки следовали только внешним правилам христианства, но что религия *почти* ни в чем не переменяла их грубых нравов». И в заключение: «Все это доказывает, что, будучи слишком необразованны, чтобы понять христианство, наши предки переняли только обряды новой религии, оставаясь, однако, верными своим предрассудкам».

Хорошим комментарием для выяснения этого вопроса может служить статья Добролюбова «О степени участия народности в развитии русской литературы», опубликованная в февральской книжке «Современника» за 1858 г., следовательно, написанная всего несколько месяцев спус-

тя после занятий с Татариновой. Здесь Добролюбов не отрицает относительной прогрессивности христианства на раннем этапе его распространения на Руси, однако значительно большее внимание он уделяет тому, как «имевшие в руках своих силу» воспользовались новой религией «для того, чтобы доставить торжество своим началам» (2, 238), т. е. «имевшие силу» постарались использовать новую религию для дальнейшего закабаления народа.

Добролюбов понимал, что следование обычаям, обрядам сопутствует политическому консерватизму, что реакционные классы пытаются удержать свою власть сохранением всех старых обычаев и форм. Эта мысль, намеченная в «конспектах» «Религия в народе русском...» и «Предания», позднее займет значительное место в статьях зрелого Добролюбова; см. в статье «Непостижимая странность»: «...религия была <...> постоянно в союзе с королевской властью <...>, служители религии, имея огромное влияние, располагали народ не к нововведениям и самовольству, а к послушанию, самоотвержению и сохранению утвержденных порядков и обычаев. Консерватизм религиозный неразлучно связывался с консерватизмом политическим» (6, 394); или, например, см. оценку Добролюбовым в статье «Луч света в темном царстве» сущности образа Кабанихи: «Кабанова держит по-прежнему в страхе своих детей, заставляет невестку соблюдать все этикетки старины...» (6, 327). Добролюбов подчеркивал большую роль церкви в попытках сохранить господство привилегированных классов. Если в подцензурной статье «Непостижимая странность» он мог говорить лишь о католицизме, то в послании к Гречу он показал, что придерживается того же мнения и о православной религии: «Известно, что православная церковь и деспотизм взаимно поддерживают друг друга; эта круговая порука очень понятна» (1, 101).

Относительная прогрессивность раннего христианства совершенно заслонена той реакционной ролью, которую оно сыграло в последующие века, — это Добролюбов постоянно отмечал. Некоторая неясность легко разрешается, таким образом, при обращении к другим высказываниям Добролюбова о религии. Важно подчеркнуть также, что, характеризуя противоречие между внешним благочестием «наших предков» и реальными «злыми делами», Добролюбов в лекциях для Татариновой имел в ви-

ду именно представителей господствующих классов («Грешно было пропускать обедню, а не грешно дурно обращаться с подчиненными»; «Убийство раба даже не считалось преступлением» — эти и другие фразы направлены против хозяев, *владельцев рабов*, против тех, у кого есть подчиненные).

Большой интерес представляет собой «конспект» Татариновой «Великий князь Владимир». Текст «конспекта» подвергся особенно тщательной правке Добролюбова, усилившего те моменты, на которые Татаринова не обратила должного внимания. Князь Владимир — тиран, князь Владимир «не занимается своим государством», от князя можно всего добиться «золотой казной», «он всегда пугается», он оплачивает богатырям неблагодарностью, он обещает «казнить смертью, если не исполнят его требования», «он ведет жизнь праздную»; «народ не считал *своего князя достойным уважения*» — вот как олицетворяется княжеская власть в произведениях народного творчества, по мысли Добролюбова.

Для Добролюбова народное творчество не столько памятник прошлого, сколько отражение современного народного мирозерцания. В статье «О поэтических особенностях великорусской народной поэзии в выражениях и оборотах» он писал: «...песни наши не могут быть названы <...> древними в том виде, как они существуют ныне, и, следовательно, в песне о временах Владимира мы столь же мало имеем права искать понятий X века, как в песне о заложении Петербурга или о разорении Москвы» (1, 82). Поэтому в приведенном выше мнении народа о князе Владимире Добролюбов видел отражение современных суждений народа о царе.

Отметим еще одну особенность «конспекта» о князе Владимире: недовольство Добролюбова положением народа переходит здесь в горький упрек по адресу самого же народа: «...народ не считал *своего князя достойным уважения за какие-нибудь доблести*, а слепо повиновался ему, как предназначенному судьбою, и обличая его в трусости, *ничтожности*, корыстолюбии и пр., не думал, *однако же*, освободиться от его ига».

Это отношение к народу — характерная черта революционных демократов-шестидесятников вообще, в частности, Добролюбова. Так, в рецензии на повести демократического писателя С. Славутинского (1860) Добролюбов отмечал, что автор «обходится с крестьянским

миром довольно строго: он не щадит красок для изображения дурных сторон его, не прячет подробностей, свидетельствующих о том, какие грубые и сильные препятствия часто встречаются в нем доброе намерение или полезное предприятие». Добролюбов положительно расценивает манеру Славутинского и противопоставляет его рассказы прежним повестям из народного быта, авторы которых, «смотря на народ с высоты своего величия, великодушно старались обойти его недостатки и выставить только хорошие стороны: они рассчитывали возбудить в читателях сожаление, благосклонность к низшему сословию» (6, 52—53).

Год спустя Чернышевский в статье «Не начало ли перемены?» объяснил социально-политическую сущность такого различного отношения к народу. Когда крестьянство было в целом забитым, подавленным сословием, то естественно, что писатели относились к народу со снисходительной жалостью: подчеркивать недостатки народа было совершенно несвоевременно. В период же отмены крепостного права, считал Чернышевский, крестьянство уже в состоянии было подняться на борьбу за свое освобождение. А если оно еще недостаточно активно, то нужно смелее разоблачать народные недостатки, чтобы скорее их изжить. Поэтому революционные демократы так много суровых слов сказали по адресу народа, в этом выражалась их горячая любовь к народу, их патриотизм, их страстное ожидание революционной вспышки.

Характерен «конспект» Татариновой о комическом в искусстве. Здесь комическое объясняется как внесоциальная и антисоциальная категория: «...в комическом представлении писатель должен удалять нравственное *негодование* при виде дурных поступков и искреннее участие, которое может возбуждаться в *нем* положением людей. {...} *Комик* должен представлять дурные действия *людей* не зависящими от высшего нравственного управления и то, что с ними случается, — только смешной необходимостью, которая не имеет пагубных последствий». Показательно, что Добролюбов своими вставками лишь усилил первоначальный смысл сказанного. Между тем революционные демократы уже подошли к пониманию социальной сущности комического (ср. у Герцена в ответе критику «Колокола» в 1858 г.: «Смех — это одно из самых сильных орудий против всего,

что отжило и еще держится, бог знает на чем, важной развалиной, мешая расти свежей жизни и пугая слабых. <...> Крепостные слуги лишены улыбки в присутствии помещиков. Одни ровные смеются между собою...»¹).

Да и сам Добролюбов в рецензии на пьесу А. Потекина «Мишура» (1858) будет рассматривать комическое в тесной связи с развенчанием прогнивших реакционных сил в обществе. Одним из главных недостатков пьесы Добролюбов считает «недостаток *смеха*» при изображении центрального отрицательного персонажа — Пустозерова: «Что, если бы Пустозеров, не теряя своей гадости, был выставлен притом в комическом свете? Что, если бы вся пьеса, вместо сдержанно-озлобленного тона, ведена была в тоне комическом? Какое бы великолепное произведение имели мы, и какой бы страшный удар был нанесен всем этим Пустозеровым». Именно такой комизм Добролюбов усматривал в творчестве Гоголя, которого он тут же противопоставляет Потехину: «Гоголь обладал тайной такого смеха, и в этом он поставлял величие своего таланта. Посмотрите, в самом деле, как забавны все эти Чичиковы, Ноздревы, Сквозники-Дмухановские и пр. и пр. Но меньше ли оттого вы их презираете? Расплывается ли в вашем смехе хоть одна из гадостей этих лиц? Нет, напротив, — этим смехом вы их только конфузите как-то, так что смущенные и сжавшиеся фигуры их так навсегда и остаются в вашем воображении, как бы скованными во всей своей отвратительности» (3, 216).

Еще более точную формулировку комического мы находим в статье Добролюбова «Черты для характеристики русского простонародья» (1860). В комическом, «добродушном» тоне рассказа Марко Вовчок «Игрушечка» Добролюбов видел «торжественный суд истории над самой сущностью, над принципом крепостного права» (6, 248). В «конспекте» Татариновой нет даже элементов такой трактовки комического.

Аналогичен предыдущему «конспект» о значении литературы. Здесь подчеркивается воспитательная роль искусства, воздействие художественных произведений на мораль общества, но этические категории добра и зла рассматриваются явно внеисторически, абстрактно. Воп-

¹ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т. М., 1958, т. 13, с. 190.

рос о перестройке вредных для общества характеров решается слишком просто: «дурные» люди, прочитав художественное произведение, где разоблачается зло, «постыдятся» и «постараются не возобновлять» нечестных поступков. Все это — типичные черты просветительской идеологии: вера в преобразующую силу слова, вера в исконно добрую природу человека, искажаемую в условиях вредной, реакционной среды и потому нуждающуюся в «возврате» к своему естественно-доброму состоянию. И в зрелых работах Добролюбов не смог окончательно преодолеть отвлеченного подхода к этическим категориям (например, в статье «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» (1858) он подтверждает свое согласие с формулой: «Любовь к добру есть чувство, врожденное человеку» — 3, 286; в статье «Луч света в темном царстве» он объясняет одну из причин протеста Катерины тем, что «естественных стремлений человеческой природы совсем уничтожить нельзя» — 6, 341).

Но в целом для Добролюбова к 1859—1860 годам станет ясной обусловленность человеческих характеров средой. В статье «Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ» (1859) он явно соглашается с мыслью Оуэна¹: «Человек по натуре своей ни зол, ни добр, а делается тем или другим под влиянием обстоятельств» (4, 12). Понимание исторической и социальной обусловленности этических категорий встречаем в статье «Обзор детских журналов» (1859), где Добролюбов утверждал, что в связи с изменением обстоятельств русской жизни в последние годы «видоизменились и многие из понятий о нравственных обязанностях; добродетель, конечно, не перестала быть добродетелью, но оказалась надобность во многих из таких добродетелей, которые прежде считались почти невозможными, и наоборот» (5, 490). В рецензии на «Исповедь поэта» Н. Семенова (1860) Добролюбов развивает мысль о различном понимании сущности любви у крепостника-помещика и у передового демократа-шестидесятника (см. 6, 441—442).

Точно так же и вопрос о формировании вредных для общества характеров будет впоследствии рассматриваться Добролюбовым как один из самых сложных в усло-

¹ Оуэн Роберт (1771—1858) — английский социалист-утопист; пытался в рамках капиталистического строя организовать рабочие и сельскохозяйственные коммуны; его начинания терпели неудачу.

виях современного строя. Дворянская и буржуазная среда порождает Обломовых и Большовых. Для изменения же характера личности необходимо изменить среду. Так, считает Добролюбов, превращение Любима Торцова в бедняка, «лишив его готовых средств к существованию», совершенно преобразило его, хотя он «был смолоду самодуром». Таким образом можно было бы «исправить» и Гордея Торцова, но никто «не может и подумать о том, чтобы подвергнуть его подобному испытанию» (5, 137).

Поэтому «необходимо, для уничтожения зла, начинать <...> с основания» (5, 467), т. е. только революционное изменение существующего строя, только «радикальное лечение, серьезная операция» (4, 372) окружающей среды создадут нормальные условия для переделки человеческих характеров. А кто сможет радикально переделать среду? Те, кто наиболее угнетен этой средой: «Известно, что крайности отражаются крайностями, и что самый сильный протест бывает тот, который поднимается наконец, из груди самых слабых и терпеливых» (6, 339). Так Добролюбов подойдет к пониманию не только обусловленности характеров средой, но и формирования данной средой характеров, способных изменить самую среду.

Но «конспект» Татариновой о значении литературы при всей односторонности решения поставленных проблем содержит и рациональное зерно: в нем подчеркивается громадная воспитательная и образовательная роль литературы, причем особо выделена мысль о том, что литература пробуждает способность критически относиться к действительности. Это характерная черта воззрения революционных демократов: еще Белинский неоднократно отмечал особое, просветительское значение русской литературы в условиях жестокой николаевской реакции; впоследствии эти идеи развивали Чернышевский и Добролюбов.

Исключительный интерес представляют «конспекты» Татариновой о русской литературе XVIII и XIX вв., исключительный хотя бы потому, что в них поднимается ряд тем, которые впоследствии или не найдут отражения в статьях Добролюбова — как, например, языковые средства художественной литературы, различные стороны творчества Ломоносова, Державина, Карамзина, Лермонтова, особенности образа повествователя в литературе классицизма, романтизма, реализма, — или будут

освещены с других позиций (например, история русской сатиры).

По этим «конспектам» можно получить довольно ясное представление о литературно-критических взглядах будущего революционного демократа в самом начале его деятельности. Уже в студенческие годы Добролюбов пришел к убеждению, что «всегда и у всех народов литература являлась отпечатком народной жизни, выражением общественных потребностей» (1, 89).

На материале «конспектов» Татариновой интересно рассмотреть развитие историзма Добролюбова при его подходе к литературным явлениям.

Белинский прочно ввел историчный принцип в анализ художественного произведения. Этому же методу, прямо ссылаясь на Белинского, следовал и Чернышевский: «Два важные принципа особенно должны быть хранимы в нашей памяти, когда дело идет о литературных суждениях: понятие об отношениях литературы к обществу и занимающим его вопросам; понятие о современном положении нашей литературы и условиях, от которых зависит ее развитие. Оба эти принципа были выставлены Белинским, как важнейшие основания нашей критики, разъясняемы со всею силою его диалектики и постоянно применяемы им к делу»¹.

Правда, общество, среда рассматривались революционными демократами вначале слишком обобщенно, вне сложных противоречий внутри этого общества, они не всегда учитывали такую черту диалектики, как единство и борьба противоположностей. Добролюбов писал в статье «Органическое развитие человека...» (1858): «Цель знания — не борьба, а примирение, не противоположность, а единство» (2, 433). Однако уже Белинский стал объяснять творчество писателя обусловленностью не только эпохой вообще, но и «принципом класса»², а литературных героев рассматривать как представителей определенных общественных групп в определенную эпоху.

Чернышевский и Добролюбов в условиях шестидесятых годов смогли развить эти положения еще глубже. Добролюбов, например, для объяснения творчества пи-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1947, т. 3, с. 298—299.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955, т. 7, с. 502.

сателя привлечет еще такой фактор, как степень отражения народных интересов.

Но Добролюбов не сразу пришел даже к историзму в смысле обусловленности личности средой вообще. В некоторых «конспектах» резко критикуются произведения исследуемого писателя, если они не соответствуют точке зрения Добролюбова-критика, провозглашавшего принципы реализма в литературе и искусстве, поэтому творчество писателей классицизма и романтизма оценивается сугубо отрицательно. Таковы «конспекты» «Речи в «Кадме и Гармонии» (роман М. Хераскова), «Патриотические стихотворения Жуковского». В последнем проводится такой анализ: «Странно кажется, что, *приготавлиаясь* *<к>* битве, солдаты не находят другого дела, как слушать песни да пить; *они могли бы употребить свое время на то, чтобы* вычистили и *амуницию*, потому что, что ни говори, а у них в 12 году были *мундиры, ранцы, ружья*, а не мечи, *стрелы* и панцири».

Подобные оценки объясняются той страстной борьбой, которую уже вел юноша Добролюбов против всяческих антиреалистических проявлений в современной литературе (подобное отношение он хотел, вероятно, привить и своей ученице). Судя по «конспектам», для Добролюбова произведения Хераскова и Жуковского не характеризовали конкретные этапы в истории русской литературы, а становились примером антиреалистического искусства, искажающего действительность. На таком принципе полностью построены сопоставительные «конспекты» (Веневитинов и Пушкин) и («Аммалат-Бек» и «Герой нашего времени»). В них Пушкин и Лермонтов как представители «земного», «естественного», правдивого противопоставлены Веневитинову и Марлинскому, писателям «идеальным», оторванным от действительности, дающим искаженное, субъективистское представление о ней. Здесь противопоставлены два типа, два противоположных художественных метода: реалистический и антиреалистический, причем методы вообще, в самом общем типологическом смысле. Характерно, что во втором «конспекте» для сравнения берутся произведения, между датами выхода в свет которых лежит целое десятилетие (30-е годы), в корне изменившее положение в русской литературе.

В другом месте («Письма Карамзина и Фонвизина»)

противоположность взглядов объясняется различием в возрасте и темпераменте Карамзина и Фонвизина.

Более историчным оказывается «конспект» «Русские писатели в 18-м веке», посвященный изучению стиля и языка художественной литературы. Добролюбов, вероятно, придавал большое значение этому «конспекту»; он особенно тщательно правлен им: рукой Татариновой записана лишь половина текста. Здесь анализ не ограничивается язвительными насмешками, делается попытка рассмотреть систему языковых средств в литературе на фоне живой разговорной речи XVIII века. Но разрыв между литературным и разговорным языком Добролюбов объясняет, с одной стороны, попыткой прикрыть напыщенностью *«недостаток поэтического чувства и внутреннего содержания»*, с другой (и в этом он видит главную причину) — консервативной традицией; писатели «не могли освободиться от давно *приобретенной* привычки», хотя в обществе *«с восторгом* принимали всякое сочинение, *сколько-нибудь* естественное». Обе эти причины рассматриваются как субъективные, совершенно не зависящие от объективного хода истории.

Однако уже в конце «конспекта» содержится более глубокая формулировка: *«Трудно вдруг переменить направление целой литературы, и сам Карамзин, которого считают преобразователем языка у нас, имел многих предшественников, постепенно подготавливавших это дело»*. Оказывается теперь, что к началу карамзинского периода *«и самое общество более уже было приготовлено к подобному перевороту в литературе»*.

Но лишь в «конспекте» «Достоинство русских писателей 18-го века» четко декларируется историзм (пока еще историзм в смысле обусловленности эпохой вообще): *«...для правильной и полной оценки какого-нибудь таланта надо знать, в какое время и при каких обстоятельствах он жил»* (почти вся фраза написана рукой Добролюбова!). Тем не менее при конкретном анализе литературных явлений даже такой историзм не соблюдался до конца. Под обстоятельствами в этой работе понимается чисто литературная среда. Но требование рассматривать творчество Державина в соотношении с творчеством Петрова и не подходить к нему с теми марками, с которыми подходят к Пушкину, подобное требование было большим шагом вперед.

Основная идея «конспекта» сформулирована следую-

щим образом (половина фразы написана рукой Добролюбова): «Невозможно было перешагнуть <вдруг> от слога Ломоносова к слогу Пушкина, *литература наша совершенствовалась* медленно, но тем не менее *она постоянно шла вперед, и это обстоятельство заставляет нас ценить относительные заслуги писателей*».

Эта фраза повторяет известное положение Белинского: «Между писателями, которых мы поименовали выше <Крылов, Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь>, и между Ломоносовым и его школою действительно нет ничего общего, никакой связи, если сравнивать их, как две крайности; но между ними сейчас же явится перед вами живая кровная связь, как скоро вы будете изучать в хронологическом порядке всех русских писателей, от Ломоносова до Гоголя»¹.

Аналогичные требования положены в основу «конспектов» «Русские писатели 18-го века» и «Заслуги и влияние Карамзина». В первом из них дана краткая характеристика многих писателей XVIII века от Кантемира до Богдановича и при этом подчеркивается постепенное приближение литературы к естественности характеров и к разговорному языку. Как бы продолжением этого «конспекта» служит второй, «Заслуги и влияние Карамзина».

Суждения «конспекта» «Русские писатели 18-го века» являются также изложением мыслей Белинского из статьи «Взгляд на русскую литературу 1846 года» (откуда и был выше процитирован отрывок): литература рассматривается в ее приближении к естественности, национальности (ср. у Белинского: «До Пушкина все движения русской литературы заключалось в стремлении <...> сблизиться с жизнью <...>, сделаться самобытною, национальною, русскою»²). Сходны также оценки отдельных писателей, например Сумарокова, у которого Добролюбов, как и Белинский, находит «*по местам*» «естественность и даже до некоторой степени национальность».

Но Белинский разносторонне показывает, что движение литературы происходит на фоне движения истории, что литература обусловлена эпохой, в «конспекте» же развитие литературы дано в основном «изнутри». Так, например, содержание отрывка «Державин» — изобраа-

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956, т. 10, с. 10.

² Там же.

жение глубоких противоречий в творчестве писателя — в основном повторяет положения двух статей Белинского «Сочинения Державина» (1843). Но для Белинского, «чтобы разгадать загадку [...] поэзии [...], должно сперва разгадать тайну эпохи»¹.

В «конспекте» же Татариновой творчество Державина анализируется вне связи с исторической обстановкой.

Конечно, не следует забывать, что значительная доля упоминавшихся текстов записана Татариновой, но ведь и многое из указанного, как мы видели, вписано рукой самого Добролюбова. К тому же Добролюбов и в ранних печатных статьях рассматривал иногда литературные явления имманентно. Таков, например, анализ творчества русских сатириков в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы». Лишь к 1859 году Добролюбов окончательно пришел к историзму (статьи о Гончарове, Островском и др.).

Наиболее историчен «конспект» Татариновой «Сатирическое направление в России». Добролюбов неоднократно на страницах своих критических статей высказывался о сатире, особенно по вопросам истории русской сатиры. Этой проблеме посвящена самая первая его статья, опубликованная в «Современнике», — «Собеседник любителей российского слова» (1856), но особенно подробно вопросы сатиры рассмотрены Добролюбовым в статьях «О степени участия народности в развитии русской литературы» (1858) и «Русская сатира в век Екатерины» (1859). В этих статьях, разоблачая либеральное славословие по адресу русской сатиры, он утверждал, что последняя не оказывала активного воздействия на жизнь в связи с цензурным гнетом, с ограниченностью мировоззрения сатириков, в большинстве своем принадлежавших к дворянскому лагерю, а также ввиду слабого распространения в широких слоях народа печатной продукции. Но Добролюбов не столько объяснял причины ограниченных возможностей сатиры, сколько, полемизируя с либералами, акцентировал эту ограниченность, развенчивал русских сатириков XVIII века до положения людей, бьющих лежачего или переливающих из пустого в порожнее (см. 2, 270).

Резкость подобных отзывов давала повод литературоведам заявлять, что Добролюбов менее справедлив, го-

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956, т. 6, с. 586.

раздо менее Белинского удовлетворен литературой прошлого. Действительно, удельный вес, так сказать, «справедливых» высказываний Добролюбова в общей массе его суждений о литературе прошлого, и в частности о сатире XVIII века, был невелик. Но именно таких высказываний, где заострялось внимание на ограниченности сатиры, требовали условия литературно-политической борьбы пятидесятых годов, условия полемики с либеральной критикой и либеральным обличительством. Это отнюдь не означает, что Добролюбов не видел другого — положительного — значения сатиры прошлого. И в этом отношении «конспект» Татариновой «Сатирическое направление в России» показывает, что Добролюбов еще в 1857 году учитывал важную положительную роль сатиры в прошлом. Если в печатных статьях он выдвигал на первый план ограниченность русской сатиры по сравнению с тем *идеалом*, который выработала революционная демократия (необходимость критики не отдельных недостатков, а всего самодержавного строя; необходимость широкого, всенародного распространения сатиры), то в работе Татариновой показано *реальное* превосходство сатиры XVIII века над «одическим» (т. е. восхваляющим царя и вельмож) направлением в русской литературе.

Здесь подчеркивается, что сатирические произведения были самыми естественными и самыми самобытными в русской литературе.

Это превосходство и даже преобладание сатирического направления объясняется тремя причинами: 1) необходимостью конкретизации жизненных фактов в связи со спецификой жанра; 2) особенностью славянского характера, «склонного отыскивать недостатки скорее, чем достоинства» (Белинский также одной из черт русского национального характера считал «добродушно-саркастическую насмешливость»¹); 3) тем, что действительность давала «тысячу живых предметов для сатиры».

Показательно это смешение субъективных и объективных причин: оставался еще один шаг, чтобы первые две причины объяснить как следствие третьей (ведь и конкретизация фактов в сатире и особенность «славянского характера» не вечные категории, а обусловленные исторической действительностью).

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956, т. 4, с. 151.

Субъективная причина выделена и в другой работе Татариновой «Русские сатирические писатели XVIII века»: «...не имея возможности украшать сатиры и комедии напыщенностью тогдашних трагедий и эпопей и стараясь заинтересовать читателей, они естественно обратились к описанию наших нравов и обычаев».

Наиболее интересная мысль этой работы — попытка показать большую реалистичность русской сатиры XVIII века по сравнению с сатирой французского классицизма XVII века, но и здесь еще нет объяснения этого факта социально-историческими особенностями русской жизни.

Ряд положений Добролюбова, отразившихся в «конспектах» Татариновой, содержит в себе зародыши больших, важных черт его зрелой критической деятельности (некоторые «конспекты», например, «Стихотворения Кольцова», являются как бы черновыми набросками к будущим статьям Добролюбова). Таково новое отношение к народу, о котором мы говорили при характеристике фольклорных тем. В фольклорных же «конспектах» проявилась еще одна черта: частые переходы от литературных вопросов к социально-политическим, точнее, перевод литературных проблем в социально-политическую область. Эта черта видна и в том же отношении к народу, и в характеристике материальной бедности крестьянства, и в обрисовке князя Владимира.

Политическая ирония, яркая публицистичность являются характерными свойствами революционно-демократической литературной критики.

Борьба за гармонию, за единство чувства и долга будет характерной чертой критики и публицистики зрелого Добролюбова.

«Конспекты» Татариновой важны еще тем, что некоторые вопросы, поднятые в них, отсутствуют в наследии зрелого Добролюбова. Такова, например, проблема автора-повествователя, фактически заново открытая в литературоведении XX века.

Еще в начале 1820-х годов, на заре русского реализма, Пушкин отметил, что в его реалистическом произведении — «Евгении Онегине» герой перестал быть авторским двойником, «рупором» авторских идей, т. е. как бы «отделился» от автора:

Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной.

(«Евгений Онегин», гл. 1)

Белинский видел в этой особенности одну из существенных черт реалистического искусства: «Чтобы изобразить верно данный характер, надо совершенно отделаться от него»¹, Чернышевский усмотрел разделение даже в лирике: «я» лирического стихотворения не всегда есть «я» автора². Добролюбов, по-видимому, этот вопрос считал уже решенным, так как без всяких оговорок отметил в качестве недостатка романа «Униженные и оскорбленные» слияние автора с героями: «Во всем виден сам сочинитель, а не лицо, которое говорило бы от себя» (7, 236). Более подробно эта проблема не решалась в статьях революционных демократов. Лишь в лекциях для Татариновой, как оказывается, Добролюбов попытался рассмотреть связь образа автора с сущностью произведения не только у писателей-реалистов, но и у представителей предшествующих литературных направлений. В этом аспекте классицизму посвящен особый «конспект» Татариновой: «Отсутствие личного характера в произведениях русских писателей XVIII века». Характерно, что заголовок написан рукой Добролюбова (у Татариновой было просто «Русские писатели XVIII века»). Основная мысль этого сочинения также почти полностью изложена самим Добролюбовым: «Тогда не было комиков, трагиков, сатириков и пр., тогда были только вообще писатели, которые занимались всеми родами словесности, не оставляя на своих произведениях никакого отпечатка своего личного характера и своих задушевных убеждений». В этой фразе, собственно говоря, охарактеризована не только особенность авторского повествования писателя-классициста, но и сама сущность художественного метода (полное отречение от писательской индивидуальности ради соблюдения литературных канонов).

В произведениях романтиков, — отмечается в «конспекте» («Аммалат-Бек» и «Герой нашего времени»), — наоборот, авторская личность ярко выражена. Однако и эта крайность имеет отрицательные стороны, так как образ автора поглощает всех героев, лишая их своеобразия. Интересно отметить, что Белинский также подчеркивал отсутствие индивидуализации в произведениях

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956, т. 4, с. 267.

² См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1947, т. 3, с. 457.

Марлинского, но еще не поставил вопроса об образе повествователя: «Если вы зажмурите глаза, слушая «речи» действующих лиц во всех повестях Марлинского, то, право, никак не разгадаете, кто говорит — морской офицер, дикий черкес, ливонский рыцарь <...>, Аммалат-Бек или будочник-оратор»¹.

Лишь у писателей-реалистов, указывается далее в «конспекте», сохраняется индивидуальность как повествователя, так и героев: «...рассказ Лермонтова выходит гораздо живее, чем у Марлинского, потому что в «Герое нашего времени» говорят сами действующие лица, между тем как в «Аммалат-Беке» повествует автор».

На этом развитие мысли обрывается: не объяснена, например, связь вопроса об образе повествователя с сущностью соответствующего литературного метода, в свою очередь связанного с социально-исторической ситуацией. Но сам факт постановки вопроса об образе повествователя в произведениях различных литературных направлений исключительно интересен.

Значительный интерес представляют оценки, данные в «конспектах» Татариновой тем писателям, о которых в печатных статьях Добролюбов совсем или почти совсем не отзывался.

Наиболее развернутая характеристика Ломоносова дана Добролюбовым в рецензии на книгу В. Новаковского «М. В. Ломоносов», где он противопоставляет Ломоносова-писателя Ломоносову-ученому. Добролюбов здесь следует за оценкой Белинского (см. «Взгляд на русскую литературу 1846 года»).

В «конспекте» Татариновой «Русские писатели 18-го века» сделана интересная попытка «объединить» писателя и ученого, дается положительная оценка художественным произведениям Ломоносова, посвященным науке: «В своих одах и *многих* прозаических сочинениях он всегда умеет обратиться к своему любимому предмету — науке, и тогда риторический, холодный слог оды и *похвальной* речи делается у него живым и одушевленным».

В статьях Добролюбова очень мало высказываний о комедиях Сумарокова и совсем нет отзывов о комедиях Княжнина. В вышеназванном «конспекте» повторяется суждение Белинского о превосходстве сатиры Сумарокова над его трагедиями (см. «Взгляд на русскую

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955, т. 4, с. 47.

литературу 1846 года») и справедливо проводится подобное противопоставление в творчестве Княжнина (у Белинского этого не было) с указанием на его новаторство по сравнению с предшественниками: «...в комедиях *его* (Княжнина. — Б. Е.) *язык уже* довольно легок, в них *живее, чем прежде*, представляются недостатки *того* времени и довольно верно обрисовываются характеры».

В этом «конспекте» дана характеристика Аблесимова:¹ «Аблесимов первый представляет в своих комических операх мужика, говорящего как настоящий крестьянин». Заметим, что это единственное известное нам высказывание Добролюбова об Аблесимове.

Кратко проведен анализ творчества Карамзина («Заслуги и влияние Карамзина») в основном повторяющий мысли Белинского. (см. «Сочинения Александра Пушкина», статья 1-я).

В статьях зрелого Добролюбова совершенно не упоминается Веневитинов.² Характеристика этого поэта в «конспекте» Татариновой («Веневитинов и Пушкин») несколько схематична (нет упоминания о значении Веневитинова). Точно оценил значение Веневитинова Белинский, отметив, что поэт подавал большие надежды, но жизнь его была коротка, его наследие было слишком невелико по объему, чтобы можно было делать предсказания о его дальнейшем развитии (см.: «Русская литература в 1844 году»).

Интересны два «конспекта» о Лермонтове, тем более что высказывания о нем в статьях Добролюбова малочисленны. В «конспектах» подчеркиваются обусловленные эпохой недовольство Лермонтова «обществом, в котором он должен жить, и стремление к чему-то лучшему (...), жажда деятельности при невозможности удовлетворить ее», а также глубокий реализм, «естественность характеров» «Героя нашего времени». В основном — это изложение идей Белинского из его двух известных статей о Лермонтове. Впоследствии Добролюбов внес много существенных добавлений к этим оценкам.

¹ Аблесимов Александр Онисимович (1742—1783) — русский писатель, поэт, автор комической оперы «Мельник, колдун, обманщик и сват».

² Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805—1827) — русский романтический поэт, литературный критик, центральная фигура в литературно-философском обществе «любомудров» (кроме него — В. Ф. Одоевский, А. С. Хомяков и др.).

Высказывание Добролюбова о поэте в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» по своему значению не уступает целой статье: «Лермонтов <...>, умевший рано постичь недостатки современного общества, умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе. Доказательством служит его удивительное стихотворение «Родина» <...>. Полнейшего выражения чистой любви к народу, гуманнейшего взгляда на его жизнь нельзя и требовать от русского поэта. К несчастью, обстоятельства жизни Лермонтова поставили его далеко от народа, а слишком ранняя смерть помешала ему даже поражать пороки современного общества с тою широтою взгляда, какой до него не обнаруживал ни один из русских поэтов...» (2, 3—264).

В этих немногих строках охарактеризованы те черты творчества Лермонтова, которые лишь в последние годы стали исследоваться советскими литературоведами.

Таким образом, «конспекты» Татариновой о русской литературе являются ценным литературоведческим документом. Хотя они не могут в полной мере считаться добролюбовскими текстами, однако при учете указанных выше особенностей (изложение мыслей Добролюбова, наличие обильных вставок рукою самого Добролюбова) «конспекты» все же с полным правом могут служить источником для характеристики теоретических и историко-литературных воззрений Добролюбова-студента, когда формировались революционно-демократические взгляды будущего критика. В некоторых же случаях данные «конспекты» оказываются даже существенным дополнением к печатным статьям Добролюбова, так как в них иногда рассмотрены проблемы, не затронутые в зрелых его работах или же проанализированные под другим углом зрения.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТРУДАХ ДОБРОЛЮБОВА

Так как революционные демократы всю свою деятельность, все свои статьи посвящали в первую очередь судьбам родины, общественным преобразованиям, освобождению народа, то становится понятной глубокая насыщенность всех их печатных и рукописных текстов со-

циально-политическими проблемами, будь это литературно-критическая рецензия или частное письмо к другу. Разумеется, подавляющее большинство высказываний такого рода, откровенных или подцензурно завуалированных, посвящалось критике враждебного строя, враждебной идеологии: вокруг кипела неустанная борьба. Конечно, уже в самих отрицаниях революционеров-демократов подспудно содержалась положительная программа. Как говорил Некрасов о поэте-сатирике:

Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья...

Чернышевский и Добролюбов любили народ, отражали его интересы и чаяния, ратовали за коренные преобразования России, вплоть до революционной ломки старого строя — это понимают все. Но сложная совокупность их социально-политических идеалов нуждается в более тщательном анализе.

В данной главе мы и рассмотрим систему положительных, позитивных воззрений Добролюбова, привлекая параллельно соответствующие суждения Чернышевского: в общественно-политической области они проявляли полное единство.

В качестве опорного фундамента для анализа общественных воззрений Добролюбова, у нас имеется его чрезвычайно ценный труд, начатый им, очевидно, на последнем году институтской жизни, т. е. в 1856/57 учебном году, и никак им не озаглавленный. Труд не окончен. Чернышевский, разбирая после кончины Добролюбова его бумаги, так обозначил эту рукопись: «Начало (не предназначенной для печати) статьи о том, что люди, желающие свободы, должны разъяснить себе, какого именно устройства общества они хотят» (1, 569). Автор данной книги включил статью в Собрание сочинений Добролюбова (т. 1, М. — Л., 1961) под условным названием «Проект социально-политической программы». Это именно попытка охарактеризовать общественно-политические идеалы, точнее — наметить основной круг проблем, по которым следует выработать свои позитивные представления. Вся статья состоит фактически из постановки вопросов — ответов не дано. Не ясно, предполагал ли Добролюбов в дальнейшем продолжить анализ и предложить свои ответы, или же он так и задумал остановиться на перечне вопросов. Но даже и в таком

варианте труд уникален, он не имеет аналогии в наследии Белинского и Чернышевского, и тем он ценнее для нас, тем более, что иногда и в вопросном тексте прорываются ответы, да и сама постановка некоторых вопросов прозрачно подготавливает однозначный ответ.

В целом революционные демократы-шестидесятники, во главе которых стояли Чернышевский и Добролюбов, принадлежали к *утопическим социалистам*: они ратовали за социализм, т. е. за справедливый и свободный общественный строй трудящихся, лишенный гнета и эксплуатации, но в тогдашних русских условиях они не могли научно обосновать пути перехода к социализму и научно представить сущность и формы социалистического строя, поэтому в их идеалах была немалая доля утопизма. После романа английского мыслителя Томаса Мора «Золотая книга... о новом острове Утопии» (1516) об идеальном государстве (слово «утопия» по-гречески означает «место, которого нет») утопиями стали называть учения, авторы которых создавали идеальную картину будущего не на основе изучения объективных закономерностей общественного развития, а по принципу долженствования: так должно быть, ибо так представляется идеальный строй данному мыслителю. Французские и английские утопические социалисты первой половины XIX века (А. де Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн и др.) именно так конструировали идеальное общественное устройство.

Русские революционные демократы-шестидесятники уже знали о просчетах своих предшественников, да и условия, в которых они жили и творили, способствовали расшатыванию утопических представлений: реальная классовая борьба перед крестьянской реформой 1861 года, конкретные проблемы социальных преобразований города и особенно деревни — все это делало идеалы демократов менее утопичными, более жизненными и осуществимыми. Этим объясняется несравненно более последовательный, чем у предшественников, историзм революционных демократов, т. е. понимание *современных* условий и возможностей, исключительно глубокое знание конкретных нужд русской жизни, тесная связь с практической борьбой за освобождение крестьян. Хотя в целом Добролюбов еще стоял на идеалистических позициях в области истории, но он уже хорошо понимал, что развитие идей, просвещения не первопричина общественного прогресса, что недостаточно желания отдельных

личностей, чтобы изменить социальные условия. В главе «Труды Добролюбова по истории» эта проблема будет более подробно рассмотрена.

Добролюбов вплотную подошел к пониманию объективного характера законов исторического развития. Еще более ясно он выразил эту мысль в статье «Литературные мелочи прошлого года» (1859): «Признавая неизменные законы исторического развития, люди нынешнего поколения не возлагают на себя несбыточных надежд, не думают, что они могут по произволу переделать историю» (4, 75).

Поэтому Добролюбов с большой осторожностью подходит к выработке социально-политической программы: может быть, потому он и ограничился в основном постановкой вопросов, что не решался давать «утопические» ответы. В этом отношении Сен-Симон, Фурье, Оуэн не испытывали трудностей. Не понимая объективности общественных законов, они считали, что достаточно наметить идеал и убедить общество в превосходстве этого идеала над современным состоянием, как цель будет достигнута, идеал будет осуществлен. При этом идеал вырабатывался на основе субъективных авторских представлений о самом лучшем, самом справедливом, самом целесообразном устройстве общества. Утописты (особенно Ш. Фурье) представляли этот идеал во всех деталях, вплоть до количества членов общины, до распорядка дня, до точной планировки усадеб, до мелочей быта и т. д. Ф. Энгельс в статье «Развитие социализма от утопии к науке» отметил, что чем больше подробностей придумывали утописты, тем они дальше уходили от реальной действительности в область фантазии.

Русские революционные демократы 60-х годов всегда выступали против беспочвенной фантазии.

Характерно, что когда Чернышевский ввел в свой роман «Что делать?» подробности описания будущего социалистического общества, то Салтыков-Щедрин отметил это в качестве единственного недостатка романа (хотя в данном случае подробности можно было объяснить художественной спецификой произведения). Добролюбов прямо высказывался против утопий: «...как бы человек ни был умен и гениален, он может производить свои соображения только на основании данных, имеющих у него под руками. Поэтому все великие планы <...> ограничиваются обыкновенно достижением бли-

жайшей цели. <...> Но чем далее в будущее простирается замысел, чем более должен он опираться на событиях, еще не совершившихся, а только задуманных, тем глубже уходит он из мира действительности в область фантазии» (3, 77). В статье о Роберте Оуэне Добролюбов с глубокой симпатией отзывался о великом утописте, но отмечает наивный, идеалистический характер его теории и практической деятельности.

В свете сказанного становится ясно, что Добролюбов не мог выдвигать в своей положительной программе детальные вопросы будущего устройства общества. Он намечал лишь ближайшие цели.

Первое, что Добролюбов решает в своей студенческой статье без колебаний, без вопросов, это необходимость свободы: «...русскому, томящемуся в пытке незаконного рабства, цель, по-видимому, ясна: свобода» (1, 173). Но какую свободу имеет в виду автор: политическую, социально-экономическую, нравственную? Из контекста статьи, из первого ряда поставленных затем вопросов следует, что прежде всего Добролюбов имел в виду свободу политическую.

Очень любопытно это первенство политической проблематики. Дело в том, что во многих высказываниях революционных демократов, начиная от бесцензурных (например, в знаменитом письме Белинского к Гоголю) и кончая журнальными статьями, на первое место выдвигались не политические, а социальные проблемы, а политические даже как бы оказывались в пренебрежении. Особенно много подобных суждений у Чернышевского, начиная с его дневниковой записи от 8 сентября 1848 года: «...не в том дело, будет царь или нет, будет конституция или нет, а в общественных отношениях, в том, чтобы один класс не сосал кровь другого»¹. Есть подобные высказывания и у Добролюбова, например в статье «Песни Беранже» (1858): «Нам, разумеется, нет никакого дела до того, каких именно политических мнений и до какой степени безукоризненно держался Беранже <...>. Они (либералы. — Б. Е.) никак не могут понять равнодушия человека, например, к каким-нибудь изменениям в форме правления <...>. Они никак не могут дорасти до взгляда человека, который ищет только существен-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1939, т. 1, с. 110.

ного добра, мало обращая внимания на внешнюю форму, в которой оно может проявиться» (3, 441).

А если еще учесть, что в подцензурных статьях очень трудно было откровенно изъясняться на политические темы, то нет ничего удивительного, что многие представители радикальной молодежи 1860-х годов воспринимали учение Чернышевского и Добролюбова именно как социальное, с достаточным пренебрежением к политике. Вот как излагал свои (и товарищей) принципы С. Г. Стахевич, студент-шестидесятник, приговоренный за участие в революционной деятельности к каторге: «...мы исповедовали символ веры приблизительно такой: в жизненном строе народа наибольшую важность представляет материальное благосостояние массы населения (...); все прочее приложится». Стахевич прямо говорил при этом, что такое мировоззрение у людей его круга выработалось «под влиянием «Современника», т. е. под влиянием Николая Гавриловича, Добролюбова и их сотрудников». Но когда в Сибири, на Александровском заводе Стахевич познакомился со своим идейным учителем, то был удивлен, услышав от Чернышевского следующее разъяснение: «Вы, господа, говорите, что политическая свобода не может накормить голодного человека. Совершенная правда. Но разве, например, воздух может накормить человека? Конечно, нет. И, однако же, без еды человек проживет несколько дней, без воздуха не проживет и десяти минут. Как воздух необходим для жизни отдельного человека, так политическая свобода необходима для правильной жизни человеческого общества»¹.

Чернышевский не стал объяснять более подробно, и Стахевич, кажется, так и не понял, как сопрягается последняя мысль учителя с его многочисленными высказываниями, якобы пренебрегающими политическими вопросами. Нам, имеющим перед глазами всю совокупность трудов вождей революционной демократии, это понять легче. Они подчеркивали, что сами по себе политические лозунги и формы без социального аспекта ничего не значат (таков смысл записи Чернышевского в дневнике); часто иронизировали по поводу чрезмерного внимания либералов к букве, к формам, к мелким изменениям политического устройства (таков смысл добролюбовской

¹ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982, с. 311, 312.

цитаты из статьи «Песни Беранже»), могли точно так же иронизировать и по поводу частных преобразований социального характера: например, Чернышевский в романе «Пролог» (1870) устами своего двойника Волгина отмечает, что если заменить крепостное право властью над крестьянами со стороны государственных бюрократов-чиновников, то народу не станет лучше, так что дело не в отдельных социальных перестановках и не в том, что некоторые помещики хуже других или одни чиновники — лучше, другие — хуже своих собратьев: «Характер администрации зависит главным образом от общего характера национального устройства»¹.

Иными словами, политическая сфера должна быть обязательно связана с социальной, а в обеих областях важны «существенные», коренные проблемы и преобразования. Политическая же свобода — как воздух, как основа, без которой не может жить человек. Поэтому и ценно, что Добролюбов начинает именно с этой категории. А далее в статье следуют проблемы тоже политического порядка. Самый первый ряд вопросов, который Добролюбов поставил, это выбор государственного строя: самодержавие, конституционная монархия или республика? Видимо, он смотрел на устройство государственной власти как на самую существенную политическую проблему. Отметим, что не только в указанном черновике, но и в статьях «Современника», посвященных той или другой стране, Добролюбов прежде всего касался государственного строя: см., например, его статьи «Путешествие по Североамериканским штатам, Канаде и острову Кубе, А. Лакиера» (1859) и «Румынские господарства, Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении, сочинение С. Палаузова» (1859).

Естественно, что к вопросу о политическом устройстве государства Добролюбов подходил с точки зрения революционно-демократической социологии, с точки зрения крестьянских интересов. Одна из характерных черт этой идеологии, идея всеобщего равенства, красной нитью проходит сквозь все творчество Добролюбова. Он писал в статье «Русская сатира екатерининского времени» (1859): «...нужно изменение общественных отношений. Надо, чтоб никакие преимущества знатности и протекции не имели влияния на определение судьбы человека (...)

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1949, т. 13, с. 242.

нужно, чтобы значение человека в обществе определялось его личными достоинствами и чтобы материальные блага приобретались каждым в строгой соразмерности с количеством и достоинством его труда» (5, 377—378). В свете этих социалистических принципов Добролюбов и решал вопрос о государственном строе. Характерно, что, уже задавая серию вопросов о государственном устройстве, он не сомневается, не колеблется, а сразу же отбрасывает предположение о самодержавии и конституционной монархии и далее рассматривает лишь республику как единственно приемлемый государственный строй, а в конце статьи он прямо говорит: «...составьте себе верную и живую картину идеальной республики» (1, 175).

Добролюбов, однако, понимал, что не всякая республика воплощает в себе идею всеобщего равенства, в своих статьях он неоднократно критиковал буржуазные республики Запада за бесчеловечную эксплуатацию трудящихся. Добролюбов ратовал за демократическую, социалистическую республику. Добролюбов ставит вопрос о характере этой республики: огромное централизованное государство или федерация мелких республик и областей? В этом вопросе в революционно-демократическом лагере существовала довольно единая точка зрения. Наблюдая, как централизация служит в России упрочению самодержавной власти, идеологи крестьянства отрицательно относились к этой форме в целом, опасаясь, что сохранение централизации при социализме может как-то ущемить права отдельных автономных районов. Поэтому хотя они и ратовали за широкое объединение земель, но все же каждая небольшая область (или даже каждая община) сохраняли при этом свою полную административную независимость. Особенно подчеркивал это соратник Герцена Н. П. Огарев в статье о социально-политических идеалах (1859), подобной добролюбовской: «...главный принцип: самоуправление общины. Самоуправление общины исключает вмешательство правительственной администрации, казенного судопроизводства и даже законодательства в дела общины»¹. Аналогичных взглядов придерживался Чернышевский в статье «Капитал и труд» (1860). Добролюбов, вероятно, тоже считал федерацию самым приемлемым вариантом,

¹ Литературное наследство, М., 1953, т. 61, с. 494.

требуя, впрочем, в каждом случае конкретного изучения условий. Он собирался посвятить этому вопросу отдельную статью, но, к великому сожалению, такая статья не появилась в печати (может быть, она и не была написана). В отношении России Добролюбов полностью солидаризовался с Чернышевским и Огаревым: «...решение (...) должно быть не в пользу централизации. (...) централизация совершилась и не нужна более для народного могущества» (4, 389—390).

Самой мелкой общественной ячейкой и Добролюбов считал общину. Но революционные демократы отмечали, что община в социалистической республике не соответствует патриархальной общине феодальной России, что последняя должна быть переустроена, чтобы стать социалистической. Об этом довольно подробно говорил Чернышевский в статье «Критика философских предубеждений против общинного владения» (1858). Добролюбов в статье «Литературные мелочи прошлого года» (1859) выразил свою полную солидарность с идеями Чернышевского. Общинное самоуправление, считали революционные демократы, дает возможность народным массам наиболее свободно и результативно проявить свою волю.

Здесь встает следующая проблема: каким способом должно произойти преобразование общины? Для этого нужно было прежде всего ответить на другой вопрос: каким образом возникает социалистическая республика? На этот вопрос революционно-демократический лагерь единогласно отвечал: путем решительной ломки старого строя, т. е. путем революции. Многочисленные высказывания по этому поводу Чернышевского и Добролюбова неоднократно освещались в печати и не требуют дополнительных разъяснений. Значительно сложнее их позиция в первом вопросе (преобразование патриархального общинного хозяйства в социалистическое) в связи с неясностью, *когда* произойдет революция. В названной выше статье («Критика философских предубеждений...») Чернышевский выдвигает такое решение: «...у отставшего народа развитие известного общественного явления благодаря влиянию передового народа прямо с низшей степени перескакивает на высшую, минуя средние степени»¹. Иными словами, если революция в России совер-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1950, т. 5, с. 388.

шится одновременно с революцией на Западе, где вместо уничтоженной капиталистической формации будет установлен социализм, то Россия сможет из феодализма «перескочить» в социализм, минуя капитализм. Так как капитализм и после реформы 1861 года еще добрую четверть века не стал в России господствующей формацией, то такие предположения не должны казаться утопическими. Отметим, что К. Маркс в известном письме в редакцию журнала «Отечественные записки» (1877) также указал на возможность такого перехода, пока в России еще не окончательно победил капитализм. Нет ничего удивительного в том, что Чернышевский в период назревания революционной ситуации в России перед 1861 годом верил в возможность (в результате скорой революции и благодаря влиянию аналогичных революций на Западе) непосредственного перехода от феодальной общины к социалистической.

Интересно отметить, что Добролюбов и в этом вопросе был очень осторожен, не решался утверждать категорически вероятность того или иного пути. Но он был более склонным предполагать, что Россия прежде всего пройдет по капиталистическому пути развития, аналогичному истории западноевропейских стран: «Что и мы должны пройти тем же путем, это несомненно и даже нисколько не прискорбно для нас». При этом Добролюбов подчеркивал «ускоренный» характер этого развития, благодаря учету опыта капиталистических стран: «...все-таки наш путь облегчен, все-таки наше гражданское развитие может несколько скорее перейти те фазисы, которые так медленно переходило оно в Западной Европе» (5, 470).

Но совершится ли революция в феодальной России или последняя успеет превратиться в капиталистическую страну — все равно встает еще вопрос об экономическом устройстве будущего общества и прежде всего о переходе богатств, находящихся в руках привилегированных классов, в достояние трудящихся. Постановка вопроса Добролюбовым в его статье: «Что вы дадите и самим помещикам...» (1, 174) — свидетельствует, что в студенческие годы он еще предполагал возможность компенсации эксплуататорам за отнятую собственность. В этом нет ничего удивительного, если учесть, что и Чернышевский, реалистически мыслящий, вначале предлагал «выкуп» помещикам за счет государства, и что Огарев в

самый канун реформы 1861 года также стоял на аналогичных позициях: «...денежное вознаграждение (будет выдаваться.— Б. Е.) из общих государственных доходов, без всякого особого взимания с крестьян»¹. В этом вопросе на самых радикальных позициях после 1861 года будет стоять Чернышевский, который в романе «Пролог» очень образно выразит революционно-демократическую точку зрения на переход земли в собственность народа: «...вся земля мужицкая, выкупу никакого! — Убирайся, помещики, пока живы!»².

Добролюбов солидаризируется с Чернышевским; ср. хотя бы известную его аллегорию в статье «Что такое обломовщина?» (1859): в то время как толпа трудится в лесу, «избранные» забрались на деревья и наслаждаются удобством, покоем и вкусными плодами; но толпа в конце концов рубит деревья, на которых сидят «избранные».

Следующий вопрос, который Добролюбов поставил в своей программной статье, — взаимоотношение личности и общества. Революционные демократы всегда ратовали за освобождение человеческой личности из-под гнета деспотического государства. Благосостояние общества, считали они, невозможно без свободы личности. Еще Белинский писал В. П. Боткину 8 сентября 1841 года: «Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность?»³. Еще более точно выразил революционно-демократический идеал Добролюбов в статье «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» (1858): «...интересы *всего вообще* охраняются не иначе, как посредством охранения интересов *каждого из всех*» (3, 265).

Освобождение народа из-под крепостной зависимости, отмечал Добролюбов в статье «Черты для характеристики русского простонародья» (1860), создаст богатые возможности для развития производительных сил страны: «...предполагая, что крестьяне получают свободу, мы видим вслед за этим, как прямой результат, — увеличение количества и возвышение качества их труда» (6, 246). Таким образом, свобода личности будет гармонически сочетаться с благосостоянием общества. В этом

¹ Литературное наследство. М., 1953, т. 61, с. 501.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1950, т. 13, с. 202.

³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956, т. 12, с. 69.

революционные демократы видели одну из основных задач будущего строя.

Революционные демократы не могли предвидеть, что их социалистические требования объективно выражают лишь крестьянско-демократические тенденции (протест против феодализма и крепостничества) и не могут еще привести к окончательному уничтожению всякой эксплуатации. Не видя в России рабочего класса, демократы, характеризуя будущее общество, говорили о крестьянстве, о земледелии, о сельской общине. Любопытно впрочем, что в программной статье Добролюбов так ставит вопрос: «Будет ли ваша новая республика государство земледельческое или торговое, промышленное?» (1, 174), но в дальнейшем никак не развивает этой мысли.

Социально-этические проблемы будущего общества решались Добролюбовым явно с точки зрения крестьянства. В свободном мире, где земледелец будет получать полную компенсацию за затраченный труд, его (земледельца) не нужно будет принуждать работать. Обязанность трудиться, отмечает Добролюбов, лежит в основе крестьянской идеологии и связана с «естественным» стремлением к независимости: «...я не могу рассчитывать жить на чужой счет: это значило бы отнимать у других плоды их трудов <...>. Стало быть, я необходимо должен заботиться сам об обеспечении своей жизни, должен работать: <...> имея материальное обеспечение, буду иметь средства постоянно сохранять свою собственную независимость» (6, 245). Объективно эта мысль является действительно выражением народного идеала о собственности, добытой личным трудом.

Тем не менее Добролюбов не обходил того факта, что наследие крепостнического прошлого — лень, хитрость и т. п. недостатки могут создать некоторые трудности для общежития. Ведь эти недостатки веками вкоренились в сознание и характер людей. В рецензии на «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева (1858) Добролюбов обратил внимание на неоднократно проводимую в сказках «мысль о преобладании лукавства и хитрости над грубой силой» и пояснил, что это «очень естественное явление между людьми, которых ум в своем развитии постоянно встречает помеху со стороны грубой силы и вследствие того уклоняется от прямых путей и перерождается в хитрость и мошенничество» (3, 237—238).

Создание социалистического общества не даст пороку распространяться, считал Добролюбов. В статье «Капитал и труд» Чернышевский, описывая социалистическую общину, учитывал возможность появления нарушителей общественного порядка и предполагал для них строгие меры, вплоть до изгнания из членов общины¹.

В программной статье Добролюбов ставит очень интересные вопросы, которые далее никак не развиваются: «...общество ваше будет состоять из избранных, лучших, достойнейших, — и из него будут изгнаны все негодяи, злодеи, тунеядцы? <...> А если еще окажутся и между избранными негодные, что с ними делать? Содержать тунеядцев на общий счет будет ли справедливо? Наказывать их и бросить без помощи будет ли согласно с правилами человеколюбия? ...» (1, 174).

В дальнейшем Чернышевский и Добролюбов постоянно будут утверждать обусловленность характеров средой. Люди, писал Добролюбов в статье «Первые годы царствования Петра Великого», «находятся под влиянием понятий и нравов того времени и того общества», в котором они живут (3, 15), и поэтому гармоническая, целостная, лишенная неразрешимых противоречий структура социалистического общества будет создавать такие же гармонические, цельные характеры.

В единственном числе имеется вопрос на воспитательную тему: «В воспитании можно ли предлагать мнения и давать направления ребенку или только представлять факты?» (1, 174). Ответа нет, но по многочисленным статьям Добролюбова на подобные темы, опубликованным в «Современнике» и «Журнале для воспитания», издававшемся прогрессивным педагогом А. А. Чумиковым («О значении авторитета в воспитании...», «Мысли об учреждении открытых женских школ», «Ученики с медленным пониманием», «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» и т. д.), можно достаточно ясно восстановить позитивную систему взглядов Добролюбова в области образования и воспитания.

Добролюбов ратовал за единую общеобразовательную школу, за политехническое, как бы сейчас сказали, обучение, за гармонию духовного и физического воспитания, за свободное развитие ребенка и в то же время

¹ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1960, т. 7, с. 61.

за воспитание в духе передовой морали (воспитание добра, гуманизма, патриотизма, любви к труду, честности, ответственности). Как видно по собственной педагогической деятельности Добролюбова, особенно по его урокам для Н. А. Татариновой, метод и содержание которых зафиксированы в дневнике учителя, в воспоминаниях ученицы и в ее «конспектах», Добролюбов преподносил на уроках факты, но в явном концептуальном, идеологическом освещении. Однако при этом учитель всячески настаивал на развитии самостоятельного мышления у ученицы, на выражении собственных мнений. В статье «Всероссийские иллюзии...» (1860) Добролюбов доказывал, что гимназисты имеют право протестовать против несправедливых действий педагогов, очевидно, вспоминая и свой собственный студенческий опыт, неоднократные протесты против наглых поступков И. И. Давыдова и надзирателей. Чрезвычайно интересен в этом плане вопрос, поставленный в программной статье Добролюбова рядом с воспитательным: «В мнениях дана ли будет полная воля каждому высказывать свое мнение и оставаться при нем, или признаваемо будет решение большинства?» (1, 174).

Последний вопрос, который Добролюбов поставил в программной статье, это вопрос о религии. Добролюбов выдвигает четыре возможности: оставить в будущем обществе все современные религиозные институты; уничтожить таковые, но оставить христианскую религию; переделать эту религию на каких-то новых началах или создать совершенно новую доктрину; оставить народ без религии. Первая возможность совершенно исключалась Добролюбовым. Варьируя мотив известного трехстишия Радищева:

Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает:
Союзно общество гнетут,

Добролюбов неоднократно развивал эту мысль: «...православная церковь и деспотизм взаимно поддерживают друг друга» (1, 101), — писал он в письме к Н. И. Гречу¹.

¹ Греч Николай Иванович (1787—1867) — русский писатель, языковед, журналист (издавал вместе с Ф. В. Булгариным журнал «Сын отечества» и газету «Северная пчела»).

Поэтому отрицательное отношение Добролюбова к первому варианту не вызывает никаких сомнений. Вторая и третья возможности нигде у Добролюбова прямо не рассмотрены. Но его концепция религии не оставляет сомнения и в судьбе этих вариантов. Добролюбов в общем хорошо понимал материалистическую сущность происхождения религии. В статье «Буддизм» он писал: «Первые нравственно-религиозные понятия у каждого народа слагаются обыкновенно под влиянием поражающих явлений природы» (3, 399), и, отмечая закономерность религиозных культов на ранних стадиях развития общества, неоднократно подчеркивал вред религиозных суеверий для современности (см., например, его статьи «О степени участия народности в развитии русской литературы», «Избранные сказки бр. Гримм» и др.). Поэтому можно предположить, что Добролюбов считал приемлемым лишь четвертый вариант: «оставите народ совсем без религии» (1, 175).

Так студенческая программная статья позволила нам рассмотреть основной круг социально-политических воззрений Добролюбова.

ТРУДЫ ДОБРОЛЮБОВА ПО ИСТОРИИ

Добролюбов никогда не предполагал стать профессиональным историком, но с юных лет он живо интересовался этой областью гуманитарных знаний, проштудировал уйму исторических исследований: еще в семинарские годы он читал «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, труды С. М. Соловьева¹, М. С. Куторги². Из других исторических работ надо еще назвать «Рассказы о греческих героях» Нибура, различные книги по истории Греции, «Всеобщую историю» Лоренца, «Всемирную историю» Беккера³ (обе книги читаны дважды — в 1849 и 1853 годы), «Историю Восточной римской империи», «Историю Фридриха Великого»

¹ Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879) — русский историк, профессор Московского университета.

² Куторга Михаил Семенович (1809—1886) — русский историк античного мира, профессор Петербургского университета.

³ Беккер Карл Фридрих (1777—1806) — немецкий ученый, автор популярной «Всемирной истории для детей и учителей» (была переведена и на русский язык).

и т. д. Еще более основательно и систематически Добролюбов изучал историю в студенческие годы. Курс русской истории он прослушал и сдал на «пятерку».

Основные научные работы Добролюбова студенческой поры посвящены филологии, но одно — выпускное сочинение на 4-м курсе — он фактически писал на историческую тему, хотя шло оно, видимо, как работа по педагогике, ибо представлял его автор профессору Н. А. Вышнеградскому, читавшему в институте курс педагогики. И в названии сочинения как бы подчеркнут педагогический уклон: «Очерк направления иезуитского ордена, особенно в приложении к воспитанию и обучению юношества».

Как и применительно к филологическим исследованиям, Добролюбов и в области исторических считал необходимым привлечь максимально возможный круг источников. Он искал их в библиотеках, опрашивал знакомых (например, вспомнил, что его нижегородский учитель М. А. Костров писал в духовной академии сочинение об иезуитах, и тут же попросил его в письме от 5—9 января 1856 года прислать список источников, помимо известных Добролюбову, тут же перечисленных). И свой «Очерк направления иезуитского ордена...» Добролюбов начинает с источниковедческого введения, где подробно описывает, классифицируя по идеологическому принципу, книги и статьи, которые использованы в работе.

Добролюбов понимал, что для историка великим подспорьем являются архивы: государственные, т. е. правительственные, библиотечные, монастырские, личные. Он постоянно призывал исследователей более основательно изучать рукописные источники, радовался, когда эти источники были богато представлены в работе. Одним из главных достоинств многотомного труда Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого» Добролюбов считал обстоятельное обследование самых разнообразных архивных документов: всех русских государственных хранилищ, где находились бумаги Петра I (вплоть до черновиков его, до ученических тетрадей и писем), всех материалов других лиц, находившихся у Петра I, всех реляций и писем к нему, всех дипломатических архивов, розыскных и следственных дел, многолетних регулярных донесений о России австрийского и французского послов (Устрялов основательно поработал в архивах Вены и Парижа). Добролюбов одобряет

тщательную проверку Устряловым всех печатных материалов Петровской эпохи, сличение их, когда возможно, с рукописными подлинниками (что позволило исправить уйм ошибок, искажений).

С другой стороны, Добролюбов настаивал на перепроверке и на сличении с другими источниками и рукописных подлинников, если возникнет сомнение в их истинности или в достоверности сообщаемых там фактов. Так, он специально оговорился о важности более тщательного изучения суда над восставшими против Петра I стрельцами: «...весьма любопытно было бы сделать этот розыск предметом юридического исследования с целью разрешить вопрос: должен ли историк придать более веры первоначальному запирательству стрельцов или последним их показаниям, вынужденным жестокою пыткой» (3, 124).

Очень большую роль Добролюбов отводил в таких случаях устной молве: легендам, слухам, анекдотам, содержащим существенные дополнения к печатным и письменным документам. В сентябре—декабре 1855 года Добролюбов выпускал с институтскими товарищами еженедельно (иногда и чаще) рукописную газету «Слухи» (подзаголовок: «Газета литературная, анекдотическая и только отчасти политическая»). Семнадцать сохранившихся номеров (из 19; утрачены номера 11 и 18) — замечательный материал для историка, собрание петербургских легенд и слухов в основном на социально-политические темы и лишь частично — на литературные и цензурные. Первый номер газеты открывался теоретическим введением Добролюбова о ценности устной молвы: «В наш просвещенный век уже не подвержена ни малейшему сомнению великая польза устных сказаний и современных заметок в многообразных отраслях наук исторических. <...> Наука в России имеет дело только с официальными фактами <...>. Оттого-то она и знает только то, что в таком-то часу такого-то числа загорелся в таком-то квартале такой-то дом и сгорел... А кто там жил, что потерпел от пожара <...>, куда потом переехал и пр. — это вещь совершенно посторонняя для исторической полиции <...>. А между тем здесь-то и материал для историка. Так называемое общественное мнение не есть ли выражение духа, направления и понятий народных в ту или другую эпоху? А ведь оно не записывается, потому что пишут только вещи неизвестные и

интересные. А кто же станет писать или даже читать-то, что всякий знает и всякий сам высказывает? <...> А между тем сколько резких, живых, характеристических черт в этих эфемерных разговорах! Это не мертвые числа и буквы <...> — нет, это сама жизнь <...>. Десяток живых современных черт объяснят историку целый период гораздо лучше, нежели двадцатилетние изыскания в архивной пыли <...>. Может быть, мы внесем сюда ложные слухи; может быть, займемся ничтожным, опустив важное: но и в этом отразится жизнь» (1, 108—110).

Добролюбов и сам широко пользовался историческими «слухами», особенно в связи с народными восстаниями предшествующих эпох (см., например, его описание слухов, бытовавших в среде сподвижников Степана Разина, 3, 113), и отмечал подобное в чужих трудах, в частности в уже упомянутой статье об исследовании Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого».

Статья Добролюбова об устряловском труде, названная «Первые годы царствования Петра Великого» (1858; статья посвящена первым трем вышедшим тогда томам издания), очень важна в научном отношении. Критик начинает статью с насмешек над крохоборами, посвящавшими большие исследования весьма частным фактам да еще придававшими этим фактам чуть ли не всемирное значение: «...специалисты, споря о том, в XI или в XII веке жил монах Иаков, представляют дело в таком виде, как будто бы от него зависела развязка индийского восстания, вопрос аболиционистов¹ или отвлечение кометы, которая снова, кажется, намерена угрожать Земле в этом году» (3, 8).

Многолетний и обширный труд Устрялова, преподносящий читателю сотни ценных фактов, Добролюбов ставит несравненно выше подобных исследований, но в общеметодологическом отношении он его характеризует не слишком положительно. Во-первых, в книгах Устрялова господствовал *биографический* метод. Добролюбов не против биографии великих людей, наоборот, он сам с интересом выписывал из рецензируемого труда колоритные сведения о личности Петра, даже упрекал Устрялова, что тот недостаточно охарактеризовал именно личные, природные психологические свойства натуры Петра, на-

¹ Аболиционисты — борцы за отмену рабства негров в США.

пример «пристрастие к токарной и плотничьей работе, особенно корабельной, как отчасти удовлетворявшей собою и его страсть к морю» (3, 107). Добролюбов резонно оспаривает объяснения Устрялова и других историков, что эти качества обусловлены далеко идущими государственными намерениями: «Ведь Петр не вздумал же, например, пред вторым азовским походом изучать все тонкости инженерного и артиллерийского искусства, не посвятил целые годы на изучение металлургии, когда обратил внимание на горнозаводское дело, не стал учиться сам шить солдатские кафтаны и шляпы...» (3, 106). Добролюбов не был противником биографий, но он возражал против придания личности великого человека самодовлеющего и магически всемогущего значения и противопоставлял «культу личности» *народную* точку зрения: «...история самая живая и красноречивая будет все-таки не более как прекрасно сгруппированным материалом, если в основание ее не будет положена мысль об участии в событиях самого народа. Участие это может быть деятельное или страдательное, положительное или отрицательное, — но, во всяком случае, оно не должно быть забыто историею. {...} Без сомнения, великие исторические преобразователи имеют большое влияние на развитие и ход исторических событий в свое время и в своем народе; но не нужно забывать, что прежде, чем начнется их влияние, сами они находятся под влиянием понятий и нравов того времени и того общества, на которое потом начинают они действовать силою своего гения» (3, 15).

Добролюбов не возражает против описания как будто бы случайных фактов из биографии исторических деятелей, против якобы незначительных моментов, оказывавших между тем значительное воздействие на историю, однако предлагает отличать *причины* и *поводы*: «Так точно и семейные отношения государственных лиц хотя, в сущности, не могут быть истинными причинами исторических событий, но во многих случаях служат их ближайшим поводом. Это бывает именно тогда, когда, по ходу исторического развития народа, выдвигаются из общей массы некоторые фамилии и лица, в полное распоряжение которых переходит судьба народа» (3, 37).

А каковы истинные причины исторических событий? Как просветитель Добролюбов верил в силу разума, знаний, идей; в ранних его статьях знания и идеи высту-

пали чуть ли не главной движущей силой истории. Затем, где-то на рубеже 1858 и 1859 гг., Добролюбов стал все больше задумываться над проблемами современного ему развития Западной Европы и Америки: почему многовековое распространение западной культуры и цивилизации не освободило народы соответствующих стран от угнетения, от бедности? В 1859 году критик опубликовал в «Современнике» чрезвычайно важную рецензию на книгу либерального профессора И. К. Бабста «От Москвы до Лейпцига», где впервые стал основательно расшатывать просветительские иллюзии: «...ни гласность, ни образованность, ни общественное мнение в Западной Европе не гарантируют спокойствие и довольство пролетария (...) с развитием просвещения в эксплуатирующих классах только форма эксплуатации меняется и делается более ловкою и утонченною» (5, 460). В подтверждение этой мысли Добролюбов опирается на мировой исторический опыт: «Призовите на помощь историю: где и когда существенные улучшения народного быта делались просто вследствие убеждения умных людей, не вынужденные практическими требованиями народа?» (5, 462). Отсюда оставался один шаг до представлений о роли социальных и экономических факторов в историческом развитии, но Добролюбов не смог его сделать, остановившись, однако, на очень существенном моменте, пусть и несколько обобщенно сформулированном: на практических требованиях (точнее бы сказать, потребностях) народа. И с этой точки зрения обзоревавшая всемирную историю, Добролюбов был глубоким оптимистом: «Уничтожение дармоедов и возвеличение труда — вот постоянная тенденция истории» (3, 315).

Другой упрек Добролюбова Устрялову тесно связан с первым (узкий биографизм): биографический метод переходит у официального историка в апологию монархического государства; критик не может сказать об этом прямо и выражается так: «К сожалению, до сих пор история писалась преимущественно в смысле внешнего-сударственного» (3, 35)¹. Как биографическому методу,

¹ Добролюбова всегда раздражала чуждая идеология и связанные с нею методологические принципы; он предпочел бы, чтобы такой историк вообще отказался от объяснений, от выводов, а лишь добросовестно излагал бы цепь событий. Это свойство он называл «летописностью» и готов был считать ее главным достоинством труда Устрялова, «если бы была совершенно выдержана, то есть если бы автор

так и *внешнегосударственной* точке зрения Добролюбов противопоставляет народную: «...преобразования Петра не должны быть рассматриваемы иначе, как в связи с развитием народных стремлений» (3, 35). С этих позиций вся государственная деятельность Петра оказывалась исторически прогрессивной, нужной народу и принятой народом: «Петр понял потребности и истинное положение народа, понял негодность прежней системы и решительно ступил на новую дорогу. Переворот, совершенный им, был быстр, но не был насильствен» (3, 36). Добролюбов был склонен даже преуменьшать сопротивление петровским реформам, в том числе и силу сопротивления народа, объясняемую, главным образом, новыми тяготами, павшими на народные плечи; впрочем, Добролюбов понимал, что при тогдашнем уровне развития страны и при тогдашнем народном сознании Петр и не мог реализовать все задуманные планы.

Однако Добролюбов вовсе не идеализировал Петра I, наоборот, именно Устрялов и другие либеральные историки идеализировали царя (а с другой стороны, преувеличивали косность народа и массовое противодействие новшествам). Позиция Добролюбова была другой; он считал, что народ в целом уже созрел для реформ, а Петр лишь лучше других понял нужды страны, но не довел до конца необходимые преобразования: «Петр является в нашей истории, как олицетворение народных потребностей и стремлений, как личность, сосредоточившая в себе те желания и те силы, которые по частям рассеяны были в массе народной. Вот тайна постоянного успеха, сопровождавшего его предприятия, несмотря на все препятствия, поставляемые невежеством и своекорыстием старинной партии, — и вот вместе с тем разгадка того, почему Петр мало тогда обратил внимания на главнейшие условия народного благоденствия — на распространение просвещения между всеми классами народа и на средства свободного, беспрепятственного

отказался уже решительно от всяких рассуждений и взглядов, рассказывая одни только факты» (3, 130). Подобного принципа Добролюбов придерживался и по отношению к художественной литературе: если анализируется произведение крупного писателя, чуждого мировоззренчески, то критику предпочтительнее, чтобы писатель не вмешивался в объяснение представляемых лиц и событий; важно, чтобы он их изобразил максимально объективно, а критик сам разберется в материале и объяснит смысл и причины изображенного.

развития всех производительных сил страны» (3, 119—120). Отмечал Добролюбов при анализе деяний Петра и черты его деспотизма, жестокости. К Добролюбову был близок его старший соратник по «Современнику» Чернышевский. Из астраханской ссылки Чернышевский писал 7 декабря 1886 года А. Н. Пытину: «Я смотрю на дело исключительно с точки зрения существенных интересов русского населения тогдашнего государства. Оно было бедно и невежественно. Ему было нужно облегчение лежавших на нем тяжестей. Петр увеличил их. Русским нужно было просвещение. Но было ли нужно принуждать их учиться у западных народов? Я полагаю, нет, потому что они сами имели, я полагаю, влечение к этому»¹. Так что Чернышевский даже резче, чем Добролюбов, отмечал недостатки Петра I как самодержца, как представителя насильственной власти.

Далеко не все свои убеждения и пристрастия Добролюбов мог выражать откровенно. Еще на студенческой скамье он научился использовать эзопов язык, особенно иронию, для маскировки истинных взглядов. Выпускное сочинение (мы сейчас бы сказали: дипломную работу) «Очерк направления иезуитского ордена...» он построил на смешении добросовестного изложения основных фактов из истории монашеского ордена и основных черт идеологии его вождей и неумеренного восхваления иезуитских приемов воспитания и пропаганды как бы от имени консервативно-религиозно мыслящего студента: «Правда, иезуитизм подавляет личность, стесняет, умерщвляет; учение иезуитов останавливает свободное развитие, это есть смерть человечества. Но — не оживет, еще не умрет, скажем мы словами апостола и охотно подвергнемся этой смерти *душевной*, которая должна послужить для нас залогом *духовной*, небесной, вечной жизни. К достижению этой-то жизни направлены все стремления, все учреждения иезуитов, и их направление совершенно верно и последовательно» (1, 487). Добролюбов якобы бесстрастно описывает культ шпионства, доносительства, насаждавшийся иезуитами, и тут же «оправдывает» его прямым намеком на существование в России III отделения: «Разве мы не имеем в своем государстве благотворного учреждения, имеющего целью сохранять тишину и порядок в целой стране, неусыпным

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1950, т. 15, с. 613.

наблюдением за действиями частных лиц и непубличным доведением до сведения правительства всего, что происходит в умах народа?» (1, 477). Профессор Н. А. Вышнеградский, которому Добролюбов подал свою работу, прекрасно понял реальный смысл неумеренного восхваления. Прочитированный отрывок о III отделении отмечен на полях карандашом, а в других местах профессор прямо замечал на полях рукописи: «Хороша мораль», «Славный совет», «Что за предательские софизмы» (1, 586). Работа была возвращена автору, видимо, для переделки, ибо принятые, утвержденные студенческие выпускные сочинения не возвращались. Исправленный вариант работы неизвестен.

И в зрелые годы, во время сотрудничества в «Современнике», Добролюбов вынужден был пользоваться эзоповыми приемами. В переработанном для журнальной публикации тексте студенческой курсовой работы «Собеседник любителей русского слова»¹ он подробно комментирует труд Екатерины II «Записки о русской истории». Добролюбов не может прямо говорить о народных волнениях в древней Руси, но он постоянно, используя «Записки...» и свой, часто ядовитый комментарий, касается этой темы: «При этом весьма странно рассказываются в «Записках» отношения Новгорода к князьям. (...) Князьям приписывается слишком большое значение в Новгороде, а между тем рассказывается, как новгородцы прогоняли своих князей. Кажется, что автор как будто имел мысль, что князья сами были виноваты, не умели держать в руках беспокойных граждан» (1, 208); «По истории известно, что новгородцы приняли Святослава совсем не убежденные красноречием великого князя, а потому, что были тогда очень в стесненных обстоятельствах, угрожаемые Андреем Боголюбским. При первой возможности они Святослава и выгнали» (1, 209—210). И заключительное резюме о «Записках...»: «Одобрения заслуживают всего более ум, приветливость, твердость, попечение о расправе внутренней и делах воинских. Понятно, что качества, которые пред целым светом выказывала сама императрица, не могли не воз-

¹ Добролюбов писал эту работу о журнале Екатерины II и кн. Е. Р. Дашковой «Собеседник...», будучи на третьем курсе педагогического института (1855/56 учебный год). В переработанном виде он опубликовал ее в «Современнике» в 1856 году; благодаря этой статье как мы помним, Добролюбов лично познакомился с Чернышевским

буждать ее сочувствия и хвалы» (1, 210). «Расправа внутренняя» — это уже прямой намек на подавление Пугачевского восстания.

Добролюбов создал ценные специальные работы (или отдельные разделы в трудах на другие темы) социально-политической, философской, педагогической, исторической проблематики, но все-таки он по образованию и склонностям был филологом, главным образом литературоведом и критиком, и в этой области он и оставил нам значительное свое наследие.

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

Развитие Добролюбова в студенческие годы протекало необычайно быстро. Приехав в Петербург (1853) еще достаточно наивным семнадцатилетним юношей, через четыре года, по окончании Главного педагогического института, он стал уже зрелым мыслителем, революционным демократом, сформировавшимся литературным критиком, и Чернышевский, не задумываясь, поручил ему в «Современнике» с осени 1857 года руководство критическим и библиографическим отделами.

Литературоведческая методология Добролюбова перед окончанием института и перед началом постоянной деятельности в «Современнике» нашла наиболее полное отражение в рассмотренных выше статье о «Собеседнике любителей русского слова» (Современник, 1856, № 8, 9) и «конспектах» Н. А. Татариновой по русской литературе, сочинениях на темы лекций Добролюбова.

В духе методологии Чернышевского 1855—1857 годов молодой Добролюбов с позиций историзма анализирует предшествующие периоды русской литературы, выделяя тенденции, наиболее существенные для революционного демократа; прежде всего это тенденции реализма и сатиры. В то же время чувствуется особое внимание Добролюбова к теме народа, к фольклору, к народной идеологии, отраженной в устном творчестве.

Для Добролюбова характерно подчеркивание естественных достоинств народа. В одной из первых своих статей в «Современнике», в рецензии на «Губернские очерки» (1857, № 12), критик отметит, что Шедрин «любит этот народ, он видит много добрых, благородных, хотя и неразвитых или неверно направленных инстинктов в этих смиренных простодушных тружениках» (2, 144).

Добролюбов на исходе 1857 года почувствовал нарастание напряженности общественной борьбы и сразу же стал торопить время, устремленно обратившись к будущему, видя в нем успех своего дела, осуществление своих идеалов. Поэтому именно в это время он строит критические статьи так, что литературные идеи переворачивались немедленно в социально-политический план и статья заканчивалась лозунговой концовкой.

Статья о «Губернских очерках» завершилась призывом к уничтожению угнетателей народа («Они — гнилые части, сухие ветви дерева, которые отмечаются знатоком для того, чтобы садовник обрезал их», 2, 145) и противопоставлением им здоровой народной среды: «Не такова эта живая, свежая масса: она не любит много говорить, не щеголяет своими страданиями и печалью и часто даже сама их не понимает хорошенько. Но уж зато если поймет что-нибудь этот «мир», толковый и дельный, если скажет свое простое, из жизни вышедшее слово, то крепко будет его слово, и сделает он, что обещал. На него можно надеяться» (2, 146).

От таких мыслей был логичным и естественным переход к статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» (Современник, 1858, № 2), где еще сильнее звучала надежда критика скорее увидеть «ожидаемое будущее»: Добролюбов недаром начинает статью с цитации лермонтовских слов «Россия вся в будущем». С учетом таких интересов и перспективы рассматривалось прошлое и настоящее русской истории и литературы. Критик прежде всего желал «представить ход развития русской литературы с такой точки зрения: как она постепенно сближалась с народом и действительностью» (2, 271). Так проблема народности литературы была поставлена на первое, самое значительное место в эстетической системе.

Анализу понимания народности Чернышевским и Добролюбовым посвящено большое количество специальных трудов, не говоря уже об обязательном освещении этого вопроса во всех общих исследованиях о революционно-демократической критике, эстетике, фольклористике, народознании¹.

¹ Термин «народознание» («народоведение»), более широкий и емкий, чем фольклористика и даже этнография, справедливо восстановлен сейчас в правах.

Я выделю здесь лишь самые главные особенности проблемы. Основы революционно-демократического понимания народности заложены В. Г. Белинским¹. Совершив сложную эволюцию, в сороковых годах Белинский стал тесно связывать народность с реализмом, с отображением в литературе исторически сложившихся национальных черт, призывал к их изучению и познанию. Он близко подошел к классовой трактовке народности как выражения интересов трудового народа. В статье «И. А. Крылов» (1845) он высказывал суждение, что высшая степень народности писателя — отражение в его произведениях «высших сторон национального духа»². А в рецензии на «Парижские тайны» Э. Сю (1844) Белинский отметил, что носителем лучших национальных черт является народ: «...народ {...} один хранит в себе огонь национальной жизни и свежий энтузиазм убеждения, погасший в слоях «образованного» общества»³. Отсюда оставался один шаг до следующего вывода: народный писатель является национальным, как выразитель интересов лучшей части нации, и в то же время классовым, как идеолог трудового народа. А затем в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Белинский в полемике с Вал. Майковым подробно и диалектически связал национальное с общечеловеческим: «народности суть личности человечества», «нации, игравшие и играющие первые роли в истории человечества, отличались и отличаются наиболее резкою национальностью»⁴.

Поэтому можно говорить, что Белинский был очень близок к пониманию народности как триединой грандиозной системы, где соединялось бы народное, национальное и общечеловеческое: народный писатель — национален, так как отображает интересы лучшей части нации, и общечеловечен, если его народ внес существенный вклад в историю и культуру человечества. Однако Белинский не привел свои мысли в законченную систему.

Чернышевский не рассматривал, подобно Белинскому, диалектику национального, народного, общечеловеческого, он вначале, в 1856 году, даже как будто отождествлял «народное» с «национальным» и противопо-

¹ См.: Соболев П. В. Эстетика Белинского. М., 1978.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955, т. 8, с. 570.

³ Там же, с. 173.

⁴ Там же, 1956, т. 10, с. 29, 30.

ставлял «народному» социально-идейную позицию как более четкое понятие: «...главным основанием различия в ученом воззрении бывает степень общего образования, на которой стоит автор, а не народность его, партия (ученая или политическая), к которой он принадлежит, а не язык, которым он говорит»¹, но все-таки он пошел дальше Белинского, он фактически подошел к истолкованию художественной народности как отражения в литературе интересов крестьян: «Степень внимания, обращаемого литературой на те или другие предметы, соразмеряется со степенью важности, какую имеют эти предметы в народной жизни»².

А Добролюбов в своих статьях уже прямо скажет, что народность литературы — рассмотрение «события с точки зрения народных выгод» (2, 228), «выражение народной жизни, народных стремлений» (6, 316). При этом он наиболее четко определит классово-социальный характер народности, призывая создать «партию народа» в литературе, способную противостоять группировкам, отражающим интересы господствующих сословий (см.: 2, 228)³.

В свете такого понимания народности, которая для Добролюбова явилась главнейшим критерием при оценке значительности произведений искусства, критик и стал в последующих своих статьях рассматривать творчество современных писателей. Задача литературы, считал он, как можно шире и глубже изображать «различные стороны жизни» (5, 28) с точки зрения «народных стремлений» и, таким образом, способствовать «распространению между людьми правильных понятий о вещах» (5, 23). «Теперь дело литературы — преследовать остатки крепостного права в общественной жизни и добывать порожденные им понятия» (6, 223). Но далеко не все писатели могут стать на точку зрения народных интересов. Даже многие крупные художники из-за противоречивости их «миросозерцания» не способны объяснить в произведении истинные причины того или другого явления, не говоря уже о произнесении приговора, в котором революционные демократы усматривали как критику устаревших принципов, так и переход к позитивной программе.

Из-за неясности конкретных путей освобождения

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1947, т. 3, с. 656.

² Там же, с. 655.

³ Фразу о «партии народа» цензор вычеркнул в журнальном тексте.

народа и отсюда из-за сложности демократической идеологии сороковых годов Белинский не мог радикально решить вопрос «Что делать?». И тем не менее он четко понимал основное: необходимость уничтожения крепостничества. «Завещание» Белинского — его знаменитое письмо к Гоголю — очень показательно; здесь прямо дается социально-политическая программа-минимум: «Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отмена телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть»¹.

Так, к концу жизни Белинский вплотную подошел к решению вопроса «Что делать?». Смерть прервала его деятельность на этом этапе. В условиях нового периода вопрос «Что делать?» приобрел исключительное, первостепенное значение. Художественная литература все более становилась выразителем общественных стремлений, и это не могли не признать даже враги демократического искусства, которые пытались острить: «...писатели, заразившиеся от общества его ближайшими интересами <...>, переходят от служения искусству к служению обществу и из поэтов, художников делаются публицистами. Не только тот, кто пишет о политике, делается публицистом, но и стихотворец, сочинитель повести, водевиля, фельетона». Или: «Писатель в наше время важен не столько как художник, сколько как человек и гражданин <...>. В наше время красота должна являться не иначе, как с нравственно-политическим рекомендательным письмом в руках».

Демократические же критики повели борьбу за идейное искусство, за ту «красоту», которая неотделима от передовых «нравственно-политических» идеалов. Нет необходимости приводить широко известные высказывания Чернышевского по этому поводу.

Передовые критики шестидесятых годов понимали, что они следуют лучшим традициям Белинского. Добролюбов отмечал: «...многие из истин, на которых теперь опираются наши рассуждения, утверждены им» (4, 277). Но обнаженная острота борьбы приводила Чернышевского и Добролюбова к наиболее четкому выражению интересов крестьянства, к наиболее последовательному

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956, т. 10, с. 213.

революционно-демократическому мировоззрению. Поэтому шестидесятники пошли в новых социальных условиях дальше своего учителя. Рассмотрим это на примере диссертации Чернышевского, где он определил три основные черты искусства: воспроизведение жизни, объяснение жизни, приговор над жизнью. В этом разделении есть элемент метафизики, ведь уже в самом воспроизведении определенных явлений жизни содержится объяснение писателя. Белинский это хорошо понимал. В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» он отмечал две главные стороны художественного творчества: писатель показывает (т. е. воспроизводит), «что положение (...) улучшилось от таких-то и таких-то причин»¹ (т. е. объясняет).

Однако чрезвычайно важно, что Чернышевский ввел дополнительно третий фактор: приговор. На первый взгляд, нет особой разницы между объяснением и приговором. Но есть глубокий смысл в дополнении двух факторов Белинского третьим, «приговором». Чернышевский хотел подчеркнуть этим громадную важность для литературы не только объяснения жизни социально-историческими условиями, но и перехода к социально-политическим выводам, к ясной программе действия. «Приговор» — ответ на вопрос «Что делать?». Так Чернышевский уточнил в новых условиях понятие того важного фактора, который Белинский назвал «субъективностью» писателя. Чернышевский при этом добавлял: «...приговор о воспроизводимых явлениях» возможен, «если художник — человек мыслящий»². С этой точки зрения и подходил он вначале к оценке художественного произведения. Отсутствие приговора часто осуждалось критиком в качестве существенного недостатка: «Наблюдательность у иных талантов имеет в себе нечто холодное, бесстрастное. У нас замечательнейшим представителем этой особенности был Пушкин. (...) Эта наблюдательность — просто зоркость глаза и памятьливость»³. Приблизительно так же оценивал Чернышевский и творчество Гончарова.

Критик ценил заслуги Гончарова перед русской литературой, он неоднократно ставил имя писателя в один

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956, т. 10, с. 311.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1949, т. 2, с. 110.

³ Там же, т. 3, с. 422.

ряд с Тургеневым и Л. Толстым, но тем не менее общее отношение его к личности и творчеству Гончарова было скорее отрицательным. Немалую роль сыграла здесь идейная позиция писателя: принадлежность Гончарова к враждебному революционным демократам (объективно — к дворянскому) лагерю в литературе, служение в цензурном ведомстве и борьба с революционно-демократическими принципами — все это не могло импонировать Чернышевскому. Отсюда и резкие отзывы в его письмах: «...даже те, которые не любят его (Белинского. — Б. Е.) <...>, не имеют сказать о нем ничего, кроме похвал (исключение остается за Булгариным, Дружининым и Гончаровым)». Или еще резче: «Это все равно, что Дружинина упрекать в пылкости или Гончарова в избытке благородства»¹.

Но и художественный метод Гончарова, который в силу реалистической основы как будто бы не мог давать повода для подобных суждений, также вызывал отрицательные оценки Чернышевского. В частности, он так характеризовал роман «Обломов»: «...автор не понимал смысла картин, которые изображал»². Или в другом месте: «...я до сих пор прочел полторы из четырех частей «Обломова» и не полагаю, чтобы прочитал когда-нибудь остальные две с половиною, — разве опять примусь <за> рецензии, тогда поневоле прочту и буду хвалиться этим, как подвигом»³. Как видно, дело здесь не столько в реакционности, сколько в отсутствии объяснения и приговора. Поэтому вполне понятно, что «бесстрастность» Гончарова, отсутствие в его произведениях прямого авторского вмешательства в ход событий приводили Чернышевского к идее о «непонимании смысла картин» автором, который их изображал. Чернышевский однажды акцентировал в оценке Гончарова Белинским именно такую черту, как «стремление к так называемому чистому искусству»⁴.

Напротив, у Тургенева и Л. Толстого, считал Чернышевский, «такого равнодушия вы не найдете; их чувства более возбуждены, их ум более точен в своих суждениях»⁵.

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1949, т. 14, с. 320, 324.

² Там же, т. 13, с. 872.

³ Там же, т. 1, с. 634.

⁴ Там же, т. 3, с. 232—233.

⁵ Там же, с. 422.

А Добролюбов, как бы корректируя положения Чернышевского, считает, что если писатель создает правдивые, типические образы и ситуации, но не идет дальше этого, т. е. если произведение не отвечает второму и третьему признаку Чернышевского (объяснение и приговор), то особой беды в этом нет, «реальная критика» дополнит писателя: «...критика разбирает, возможно ли и действительно ли такое лицо: нашедши же, что оно верно действительности, она переходит к своим собственным соображениям о причинах, породивших его, и т. д. Если в произведении разбираемого автора эти причины указаны, критика пользуется и ими и благодарит автора; если нет, не пристаёт к нему с ножом к горлу — как, дескать, он смел вывести такое лицо, не объяснивши причин его существования?» (5, 20). В таком случае задача «реальной критики» — объяснить причины жизненных явлений, отображенных в литературе¹. По этому принципу построены известные статьи Добролюбова о Гончарове, Островском, Тургеневе.

В отличие от Чернышевского, Добролюбов на основе «реальной критики» положительно оценивает роман «Обломов», хотя Гончаров «не дает и, по-видимому, не хочет дать никаких выводов». Главное в том, что автор «представляет вам живое изображение и ручается только за его сходство с действительностью» (4, 309). Если произведение выходило из-под пера писателя, не принадлежащего к демократическому лагерю, то для Добролюбова, вероятно, было даже предпочтительнее такое отсутствие прямой авторской оценки, при условии, конечно, что в произведении имеет место «сходство с действительностью». В этом случае читателю и критику не придется «распутывать» сложные противоречия между объективными образами, фактами и некоторыми субъективными, искажающими факты выводами, которые наверняка оказались бы у «идейного», но не демократического автора.

Отмечая задачи «реальной критики» в деле истолкования смысла художественных произведений, Добролю-

¹ В противовес этой программе идеалистическая теория критики подчеркивала иррациональность, «необъяснимость» искусства, которое созвучно якобы лишь интуитивному чувству. Анализируя стихи Фета, Н. Шербина писал: «Объяснение критики здесь неуместно и затруднительно: это стихотворение непосредственно сказывается внутреннему чувству. (...) Всякое чувствующее (...) сердце — лучший на него эстетический и психологический комментарий».

бов в то же время подчеркивал, что ошибочные теории писателя не должны привлекать внимание критики: «...она вовсе не уполномочена привязываться к теоретическим его воззрениям» (5, 70). Внешне здесь очень легко можно обвинить Добролюбова в объективизме. Так и поступил, например, автор дореволюционной «Истории русской критики» И. И. Иванов (1900). Он считал данный принцип («фактическое содержание нужнее авторской тенденции») вообще характерной чертой демократической критики шестидесятых годов на определенном этапе; принцип, который позднее якобы был заменен противоположным. Иванов усматривал в этом отражение общей эволюции Добролюбова — от фатального объективизма, от признания «всемогушества» среды к призывам переделать среду. Объяснение вдвойне ошибочное, не говоря уже о том, что такой критик-шестидесятник, как Чернышевский, начал, наоборот, с утверждения активности, затем — в 1855—1857 годах — главное внимание обращал на «среду» (без всякого фатализма, впрочем), а с 1858 года снова на первый план выдвинул активность, борьбу со «средой». Но главное, у Добролюбова в зрелые годы не было перелома от «фатализма» к «активности», ибо он уже на студенческой скамье боролся против пассивности и объективизма; с другой стороны, он до конца своей жизни ратовал за «реальную критику», и здесь тоже не наблюдалось перелома.

Объяснение следует искать совсем в другой области. Дело в том, что в 1855—1859 годы в русской литературе господствовали в основном произведения, вышедшие из-под пера писателей, не связанных с революционно-демократическим лагерем. Естественно, что Добролюбова привлекала в первую очередь значительность содержания таких произведений, возможность объяснить на основе «реальной критики» социально-политическую сущность соответствующих явлений. Значительность содержания давала возможность в какой-то степени пренебрегать шаткостью авторского мировоззрения. Впрочем, если враждебно тенденциозные элементы проникали в произведение, то Добролюбов относился к ним отнюдь не с олимпийским спокойствием. Он решительно возражал против поэтизации образа Обломова, которая имела место в романе Гончарова (4, 338—339), против тургеневского призыва к классовому миру в романе «Накануне» (6, 126—127) и т. д. Следовательно, лозунг об

игнорировании «теоретических воззрений» писателя самим Добролюбовым применялся на практике лишь тогда, когда эти воззрения не нарушали реалистической ценности произведения. Меньше всего Добролюбов был «объективистом».

Усиленный интерес к авторской тенденции начался у Добролюбова ввиду резкого количественного и качественного роста демократической художественной литературы, которая к 1860—1861 годам играла значительную роль в общественном движении России. В этом случае Добролюбову не только не было необходимости пренебрегать взглядами писателя, но, наоборот, главное внимание нужно уделять именно им, ибо в условиях острой классовой борьбы важно было популяризировать произведения демократической литературы, а некоторые из них были далеко не безукоризненны с точки зрения «художественности». Добролюбов не считал такое качество достоинством и прямо говорил об этом как о существенном минусе.

Добролюбов понимал, что рассмотрение произведений искусства лишь с точки зрения общественного содержания есть односторонность. Он говорил о единстве эстетического, этического и идейного при анализе искусства («прекрасное, доброе и разумное»): «высшая поэзия состоит в полном слиянии этих трех начал» (1, 398). Характерно, что «триединая» формула прочно вошла в эстетический обиход еще на грани XVIII и XIX веков; русские писатели неоднократно ее использовали в качестве основного мерила при оценке искусства: можно вспомнить и известные строки Некрасова: «Сейте разумное, доброе, вечное», и критерии чеховского профессора из «Скудной истории», который по воле автора определяет качество произведения сходными тремя терминами: умно, благородно, талантливо. Добролюбов был одним из самых тонких критиков, открывшим массу важных факторов при анализе художественной формы. Еще в студенческий период он сделал интересные наблюдения над жанром романа (статья о русском историческом романе).

Уже в студенческом сочинении о романе Добролюбов связывал развитие жанра с историческими особенностями эпох. Еще более четко он объяснял особенности формы идейной сущностью в статьях «Современника». В «Темном царстве» Добролюбов подчеркивает случай-

ность, неразумность развязок в большинстве пьес Островского и объясняет этот факт дикостью, неразумностью жизни купечества (5, 27—28). Особенности жанра тургеневского романа Добролюбов связывает с мировоззрением автора (6, 119). В статье «Забитые люди» он сделал тонкие наблюдения над связью языка героев с речью повествователя (7, 236). Вообще, высказывания Добролюбова о стиле и языке художественных произведений весьма многочисленны и глубоки. См. наиболее полное исследование по этому вопросу: Бялый Г. А. Н. А. Добролюбов о языке русских писателей. — Уч. зап. ЛГУ, сер. филол. наук, 1954, вып. 20, с. 160—184.

Однако Добролюбов создавал свою концепцию о соотношении содержания и формы в условиях бесспорного первенства социальных проблем и в обстановке острой полемики с теоретиками «чистого» искусства.

Борясь с защитниками «чистой поэзии», революционные демократы полемически «приподымали» содержание над формой. Чернышевский в диссертации (1855) заявлял лишь о примате первого над вторым: «Содержание <...> одно только в состоянии избавить искусство от упрека, будто бы оно — пустая забава <...>; художественная форма не спасет от презрения или сострадательной улыбки произведение искусства, если оно важностью своей идеи не в состоянии дать ответа на вопрос: «да стоило ли трудиться над подобными пустяками?»¹. А в 1856 году в суждениях Чернышевского имеется уже элемент противопоставления (например, его отзыв о «Губернских очерках» Щедрина: «...написаны плохо, но замечательны содержанием»²).

Добролюбов в 1859 году в обстановке резкой полемики значительно сильнее «разрывает» содержание и форму: «...как только литература перестает быть праздною забавою, вопросы о красотах слога, о трудных рифмах, о звукоподражательных фразах и т. п. становятся на второй план; общее внимание привлекается содержанием того, что пишется, а не внешнею формою» (5, 313). Поэтому Добролюбов и склонен был «прощать» писателям художественную неполноценность произведения, если оно выражало передовые тенденции. В условиях шестидесятых годов, при резком обострении общественной

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1949, т. 2, с. 79.

² Там же, т. 14, с. 313.

борьбы, такая позиция была закономерным явлением.

Характерно, что, когда Добролюбов создавал свою теорию о соотношении формы и содержания, он был даже склонен, в отличие от Чернышевского, связывать талант писателя лишь с умением «оформлять» произведение¹. Успех романа «Обломов» критик видит «сколь угодно непосредственно в силе художественного таланта автора, столько же и в необыкновенном богатстве содержания» (4, 308). Содержание здесь рассматривается как бы вне связи с художественным талантом. Впрочем, уже в той же статье («Что такое обломовщина?»), несколько ниже, Добролюбов соотносит талант с объектом изображения: «...для критики, для литературы, для самого общества гораздо важнее вопрос о том, на что употребляется, в чем выражается талант художника, нежели то, какие размеры и свойства имеет он в самом себе» (4, 313). А два месяца спустя в статье «Темное царство» критик уточнил и эту формулировку. Теперь для него именно значительность содержания является критерием для определения талантливости автора: «Судя по тому, как глубоко проникает взгляд писателя в самую сущность явлений, как широко захватывает он в своих изображениях различные стороны жизни, — можно решить и то, как велик его талант» (5, 28).

Анализ содержания Добролюбов, однако, не сводил к моралистической проповеди. Наоборот, морализирование вне исторической оценки, очень типичное как раз для либеральной критики, всегда подвергалось в его статьях осмеянию.

Значительность содержания того или другого произведения давала возможность революционным демократам не только объяснить смысл жизненных явлений, там изображенных, но и произнести над ними приговор, т. е. прийти к социально-политическим выводам и тем самым ответить не только на вопрос «Кто виноват?», но и на вопрос «Что делать?». В постановке этого вопроса на первое место и в его решении заключается специфическая особенность революционно-демократической критики шестидесятых годов. Характерно, что вопрос «Что делать?» был прямо назван еще до появления романа Чернышевского

¹ Чернышевский же еще в 1854 г. талант писателя определял содержанием его произведений: «В правде сила таланта» (там же, т. 2, с. 240).

именно в критике — в статье Добролюбова «Когда же придет настоящий день?» (6, 121), хотя вся фраза в журнальном тексте была запрещена цензором.

Эти принципы обусловили выбор объектов для критического анализа: в первую очередь рецензировались произведения с наиболее злободневной общественной тематикой, на основании которой можно было сделать соответствующие социально-политические выводы. «Таким образом, красивенькие описания, звучные дифирамбы и всякого рода общие места исчезают пред произведениями, в которых развивается общественное содержание» (5, 313—314).

Добролюбов анализирует содержание данных произведений в свете трех факторов Чернышевского: отражение действительности в образах, объяснение их, социальные выводы. Таковы в общих чертах особенности «реальной критики».

Особенно наглядно прослеживается эволюция суждений Добролюбова о литературных произведениях прошедших эпох в его оценках Пушкина. Из произведений Добролюбова особый интерес представляет статья «А. С. Пушкин», написанная в 1856 году для «Русского иллюстрированного альманаха» (Спб., 1858). Добролюбов повторил здесь мысли Чернышевского о реализме и народности, о форме и содержании поэзии Пушкина, но, в отличие от своего учителя, главное внимание уделил трагическим противоречиям во взглядах Пушкина тридцатых годов, подчеркнул мятущуюся неудовлетворенность поэта современной жизнью. Важно также отметить стремление Добролюбова к историческим мотивировкам особенностей творчества поэта: «...это было необходимым явлением, принадлежащим самому времени» (1, 296—297); «В то время нужно было еще показать...» (1, 297) и т. д.

В дальнейшем Добролюбов отнесется к Пушкину значительно строже. Так, в рецензии на седьмой, дополнительный том сочинений Пушкина в издании П. В. Анненкова (Современник, 1858, № 1) Добролюбов с интересом анализирует неизвестные ранее произведения Пушкина, в основном те, которые не могли быть опубликованы при николаевском режиме, но еще больше акцентирует критические замечания (правда, опять отмечая противоречивость мировоззрения поэта 30-х годов).

Суровая критика продолжалась и в статье Добролю-

бова «О степени участия народности в развитии русской литературы» (Современник, 1858, № 2). Если в статье для «Русского иллюстрированного альманаха» Добролюбов говорил о реализме и народности поэта безоговорочно («Пушкин умел постигнуть истинные потребности и истинный характер народного быта», 1, 296), то здесь он станет доказывать, что Пушкин овладел лишь формой народности, содержание же для него было якобы недоступно: чтобы быть народным поэтом, нужно стать на народную точку зрения, а Пушкину этого не доставало (2, 262).

Очевидно, эволюцией взглядов, наряду с другими причинами, объясняется и резкий отзыв Добролюбова о своей собственной статье 1856 года («А. С. Пушкин») в рецензии на «Русский иллюстрированный альманах» (Современник, 1858, № 2; см. 2, 283—284).

Революционно-демократическая критика, как самая прогрессивная для эпохи перед 1861 годом, в оценке современных произведений не противостояла историзму, а углубляла и усиливала его. Поэтому Добролюбов, делая далеко идущие социально-политические выводы из произведений Щедрина, Гончарова, Островского, Тургенева, не искажал их объективный исторический смысл, а расширял его, показывая при анализе художественных коллизий и образов не только их объективный смысл в настоящем, но и их тенденции в свете перспективы будущего. И здесь между усилением революционно-демократической идейности и историзмом была не обратная, а прямая зависимость.

Поэтому же статьи Добролюбова выдержали испытание временем: и через сто с лишним лет они не потеряли идеологического и историко-литературного значения.

СТАТЬИ О ПИСАТЕЛЯХ-СОВРЕМЕННОКАХ

Общие принципы критического анализа Добролюбова мы извлекли из его статей и рецензий о конкретных писателях и произведениях. Эти принципы вырабатывались и под влиянием критического метода учителей, Белинского и Чернышевского, и под влиянием эпохи, и в результате собственного индивидуального подхода к жизни и литературе. Характерно, что если ведущим жанром статей Белинского был обзор, очерк литературного движения за год, то у Добролюбова (как и у Чернышев-

ского) господствовала «монография»¹, т. е. статья об одном произведении одного писателя. Видимо если во время Белинского еще было важно решать общие проблемы литературного движения (развитие реализма в борьбе с «риторическим» направлением, утверждение социальной и критичности в литературе и т. п.), то в шестидесятих годах эти вопросы уже считались хорошо истолкованными Белинским, а на первый план выплывали насущные проблемы общественно-политического характера: выбор жизненной цели в условиях острой социальной борьбы, психологические типы «лишнего человека» и «нового», деятельного работника и т. д., а для таких задач лучше всего служила «монографическая» статья: бралось значительное художественное произведение, где ярко изображались современные ситуации, конфликты, характеры, и на основании такого материала по известному уже нам принципу «по поводу» можно было сделать соответствующие выводы социально-политического плана (разумеется, в цензурно допустимых рамках). Самые известные статьи Добролюбова — монографические, об отдельных произведениях.

Статья «Что такое обломовщина?» (1859) посвящена роману И. А. Гончарова «Обломов». Как и другие статьи Добролюбова, она построена очень легко, логически последовательно, каждое следующее звено рассуждений вытекает из предыдущего, создавая стройную причинно-следственную цепь идей: можно сказать, что добролюбовская статья с композиционной точки зрения построена «цепевидно» (у Чернышевского другой принцип построения: критик любит установить вначале какую-то очень важную, стержневую, фундаментальную мысль, а затем в самых различных ракурсах и вариантах развивать ее, постоянно возвращаясь к этому началу; если главную мысль сравнить с корнем, а частные ее разработки с ветвями, то композиционное строение статьи Чернышевского можно уподобить «кусту»).

Вот как построена статья «Что такое обломовщина?» (составим своеобразные заголовки разделов и увидим между ними логическую причинно-следственную связь): история появления романа «Обломов» — как критика

¹ Монография — термин, составленный из двух греческих слов: «монос» (один, единственный) и «графо» (пишу) — и означающий «описание одного (объекта)».

должна анализировать подобные романы — доказательство этого на примере «Обломова» — главные черты обломовского характера: паразитическое воспитание помещицкого сына и неприспособленность к труду — общность черт у всех «лишних людей»: пресыщенность жизнью, скука, неумение работать, презрение к трудящимся людям, постыдное бегство от женщин, когда требуется ответственность и деятельность — эволюция образа «лишнего человека» от Онегина и Печорина до Обломова — современное состояние «обломовщины», абсолютный тупик — «противоядие» Обломову Штольц, тип деятеля, но в узкой сфере администрации, да еще «успокоившегося», т. е. самодовольного — превосходство над Штольцем Ольги Ильинской, ставшей его женой — Ольга как «высший идеал, какой только может теперь русский художник вызвать из теперешней русской жизни» — предвидение, что Ольга и в Штольце увидит проявление обломовщины и произнесет «над нею суд беспощадный».

Научно-логическая, четкая «цепевидность» статьи не отменяет некоторых отступлений в духе известного нам принципа «по поводу». Все они посвящены моральным проблемам.

Подчеркнув инертность и апатию как ведущие черты характера Обломова, Добролюбов тут же анализирует причины, способствовавшие развитию таких черт. Прежде всего это внешние причины, положение барина, барского сына, у которого находится в услужении слуга Захар и «еще триста Захаров», т. е. крепостных крестьян, крепостных слуг в родовой деревне Обломовке. С детских лет Ильюше Обломову прививается мысль, что «Васька, Ванька, Захарка» сделают все, что бы он ни пожелал. «Из чего ему биться? — рассуждает Добролюбов. — Некому, что ли, подать и сделать для него все, что ему нужно?.. Поэтому он себя над работой убивать не станет, что бы ему ни толковали о необходимости и святости труда: он с малых лет видит в своем доме, что все домашние работы исполняются лакеями и служанками, а папенька и маменька только распоряжаются да бранятся за дурное исполнение. И вот у него уже готово первое понятие — что сидеть сложа руки почетнее, нежели суетиться с работою...» (4, 316). А «удовлетворенные капризы развивают бесхарактерность, — продолжает Добролюбов. — Привыкая предъявлять бестолко-

вые требования, мальчик скоро теряет меру возможности и удобоисполнительности своих желаний, лишается всякого умения соображать средства с целями и потому становится в тупик при первом препятствии» (4, 316). И далее критик приходит к самому замечательному выводу из всего этого рассуждения: бесхарактерность, неумение трудиться и бороться, неумение преодолевать препятствия вынуждают таких, как Обломов, всегда пользоваться услугами других людей, а это невольно приводит человека к *зависимости*, даже к *рабству*. «Он раб каждой женщины, каждого встречного, раб каждого мошенника, который захочет взять над ним волю» (4, 319). Он становится в чем-то даже рабом своего слуги Захара, ибо «чего Захар не захочет, того Илья Ильич не может заставить его сделать, а чего захочет Захар, то делает и против воли барина, и барин покорится...» (4, 319).

Так Добролюбов показывает самую страшную оборотную сторону обломовского воспитания: прививка безделья, безответственности, постоянного паразитического пользования чужим трудом обязательно приводит к собственному рабству, зависимости от любого ловкого другого раба или даже мошенника (это вытекает и из сюжета романа: чиновники-аферисты Мухояров и Тарантьев чуть ли не пустили Обломова по миру, если бы не вмешательство всесильного Штольца). К этой теме Добролюбов вернется и в заключение статьи. Прочитав тираду Штольца: «...никогда Обломов не поклонится идолу лжи, в душе его всегда будет чисто, светло, честно... Его сердце не подкупишь ничем; на него всюду и везде можно положиться», — критик прямо заявляет, что это неправда: «...в чем же на него *можно положиться*? Разве в том, где ничего делать не нужно? Тут он действительно отличается так, как никто. <...> Он не поклонится идолу зла! Да ведь почему это? Потому, что ему лень встать с дивана. А стащите его, поставьте на колени перед этим идолом: он не в силах будет встать. Не подкупишь его ничем. Да на что его подкупать-то? На то, чтобы с места сдвинулся? Ну, это действительно трудно. Грязь к нему не пристанет! Да пока лежит один, так еще ничего; а как придет Тарантьев, Затертый, Иван Матвееч (Мухояров. — Б. Е.) — брр! какая отвратительная гадость начинается около Обломова. Его объедают, опивают, спаивают, берут с него фаль-

шивый вексель <...>, разоряют его именем мужиков...» (4, 338—339).

Следовательно, обломы становятся не только рабами, но и попустителями, почти соучастниками зла, жульничества, мошенничества. Добролюбов развеивает тот светлый ореол, которым все-таки окружен в романе Обломов и который всячески выделяли критики, поэтизировавшие гончаровский образ (А. В. Дружинин, Ап. Григорьев).

Другим важным отступлением в статье является притча о лесе. Рассмотрев галерею «лишних людей» от Онегина до Обломова, Добролюбов решил в виде наглядной картины нарисовать современное положение этих лиц в русской жизни и представить ближайшее будущее.

В дремучей и болотистой чаще, говорит критик, пробираются к выходу люди; некоторые залезли на дерево, чтобы указать другим путь, но фактически они стали отдыхать, есть плоды, превратились в обломовых, в то время как масса мучительно искала выхода; наконец, люди стали прорубать просеку, и если сидящие наверху не слезут вниз и не примут участия в общей работе, то их дерево будет срублено и они погибнут. Добролюбов здесь достаточно прозрачно угрожает обломовым: если вы не сольетесь с трудящимися, то вас ждет гибель...

Вся статья об «Обломове» направлена против паразитизма дворянского класса, она от первой до последней строчки говорит об этом. Заглавие статьи как бы предвещает будущее повествование и настраивает читателя на размышление: «Что такое обломовщина?» (Вспомним, что русские писатели часто называли свои произведения вопросительно: «Кто виноват?» «Что делать?» Русские критики, особенно Добролюбов, шли в этой же традиции.)

После заглавия Добролюбов приводит эпиграф, взятый из 2-го тома «Мертвых душ»: «Где же тот, кто бы на родном языке русской души умел бы сказать нам это всемогущее слово «вперед»? Веки проходят за веками, полмиллиона сидней, увальней и болванов дремлет непробудно, и редко рождается на Руси муж, умеющий произвести его, это всемогущее слово... *Гоголь*» (4, 307).

Что это за полмиллиона сидней? Добролюбов, как и Гоголь, конечно, знал, что общее число жителей России составляло тогда 60—65 миллионов (в статье критика

«О степени участия народности в развитии русской литературы» были приведены эти цифры). Следовательно, под 500 тысячами и писатель, и критик подразумевали только дворян-помещиков (их количество и в самом деле приближалось к полмиллиону). Но Добролюбов усилил свое отрицательное отношение к сословию эксплуататоров даже в цитате из «Мертвых душ». У Гоголя было: «сидней, увальней, байбаков», а критик, заменив «байбаков» на «болванов», привнес в характеристику «сидней» еще одну негативную черту. И далее, на протяжении всей статьи на материале гончаровского романа критик последовательно раскрывает этическую несостоятельность обломовых.

К концу статьи голос критика становится торжественным. Добролюбов как бы радуется, что благодаря замечательному роману ярко раскрыта отвратительная социальная сущность обломовщины. Критик начинает говорить ритмически, получается нечто вроде стихотворения в прозе:

«Если я вижу теперь помещика, толкующего о правах человечества и о необходимости развития личности, — я уже с первых слов его знаю, что это Обломов.

Если встречаю чиновника, жалующегося на запутанность и обременительность делопроизводства, он — Обломов.

Если слышу от офицера жалобы на утомительность парадов <...>, я не сомневаюсь, что он Обломов.

Когда я читаю в журналах либеральные выходки против злоупотреблений <...>, — я думаю, что это все пишут из Обломовки.

Когда я нахожусь в кружке образованных людей <...>, рассказывающих <...> о притеснениях, о незакониях всякого рода, — я невольно чувствую, что я перенесен в старую Обломовку...» (4, 337).

Всех этих лиц Добролюбов предлагал испытывать прямым вопросом: «Вы говорите, что нехорошо то и то, что же нужно делать?» — и заранее предвидел неумение ответить на него, а при попытке предложить им практические действия предвидел испуг и отказ от деяний... Так Добролюбов еще за несколько лет до появления романа Чернышевского уже ставил важнейший вопрос современности: что делать? И снова в конце статьи критик возвращается к главному вопросу, звучавшему в эпиграфе из «Мертвых душ»: «Кто же, наконец, сдви-

нет их с места этим всемогущим словом: «вперед!», о котором так мечтал Гоголь и которого так давно и томительно ожидает Русь?» (4, 338). Добролюбов не дает прямого ответа, но он убеждает читателя, что вскоре такие деятели появятся. В народе, говорит он, «беспредельно попадают» люди «с цельным, деятельным характером» (4, 340), скоро появятся они и в образованном обществе. Большие надежды возлагает критик на тип Ольги Ильинской, «высший идеал, какой только может теперь русский художник вызвать из теперешней русской жизни», характер, отличающийся «необыкновенной ясностью и простотой своей логики и изумительной гармонией своего сердца и воли» (4, 341).

Штольц, подчеркивает Добролюбов, не может повести Ольгу «вперед»; видя ее неудовлетворенность жизнью, желание борьбы, он предлагает ей смирение. «А она готова на эту борьбу, тоскует по ней... — заканчивает статью критик. — Она бросила Обломова, когда перестала в него верить; она оставит и Штольца, ежели перестанет верить в него. <...> Обломовщина хорошо ей знакома, она сумеет различить ее во всех видах, под всеми масками и всегда найдет в себе столько сил, чтобы произнести над нею суд беспощадный...» (4, 343).

Так вся статья, от заголовка и эпиграфа до концовки, была посвящена развитию основной идеи: беспощадный нравственный суд над обломовщиной, над крепостничеством уже начинается, он уже стоит на повестке дня... Отдельные сюжетно-композиционные отступления (их, впрочем, как уже говорилось, немного в статье) тоже связываются с основным, магистральным логическим сюжетом статьи этой идеей.

Но чем ближе подходила Россия к знаменательному 1861 году, чем более мощно нарастала в стране революционная ситуация, тем больше добролюбовские статьи насыщались обширными отступлениями «по поводу», которые основную идею развивали многоаспектно, углубляли ее. Очень показательна в этом отношении статья «Когда же придет настоящий день?» (1860). В целом и данная статья построена четко «цепевидно». Основной ее тон задается вопросительным заглавием, как бы продолжающим анализ в предыдущей статье (что такое обломовщина — выяснено; над обломовщиной начинается беспощадный исторический суд; а кто будет судить? кто поведет страну дальше? когда наступит

этот день?). А затем следовал еще более оптимистический эпиграф, полный ожидания скорого наступления «завтра»: «Бей в барабан и не бойся» (из Гейне; цензура вычеркнула этот эпиграф из журнального текста статьи). А далее мысль критика развивается следующим образом. В начале статьи излагаются основы критического метода, с помощью которого предполагается анализировать произведение; далее следует общая характеристика творчества Тургенева; анализ романа «Накануне» начинается с подробной характеристики Елены Стаховой: описываются семья, воспитание, те обстоятельства, которые определили мировоззренческие и психологические особенности героини и породили в ней жажду «деятельного добра» и поиски товарищей; отсюда естествен переход к другим персонажам, претендующим на «товарищество»: художнику Шубину, ученому Берсеневу; следует анализ их образов; выводы, что ненадежная «художественность» Шубина сразу же делает его несостоятельным претендентом и что Берсенев мог стать избранником Елены лишь «на безлюдье»; наконец, критик переходит к образу Инсарова, и анализ его продолжается до конца статьи, где делаются выводы о возможности появления русских Инсаровых. Композиция статьи явно тщательно продумана, отсюда ее ясность и логическая последовательность.

Между тем, если рассмотреть статью более подробно, мы увидим в ней обилие отступлений. Начинается она, как уже сказано, с изложения основных принципов критического анализа, но прежде пародируется «эстетическая» критика (типичное для шестидесятника полемическое вступление!), а потом уже дается положительная программа: литература — чуткий показатель нравственной жизни общества; талантливые произведения дают возможность познать существенные закономерности в движении общества. Далее следует общая и подробная характеристика творчества Тургенева: писатель всегда живо откликается на новые идеи и события, возникающие в жизни, в этом главная причина обаяния его произведений. Но тут вводится небольшой очерк состояния современного общества, дважды прерываемый сносками полемического и уточняющего характера: последние являются как бы «государством в государстве», «отступлениями» внутри «отступления». В характеристике творчества Тургенева чувствуется историко-хронологический

подход: вначале говорится о его предшествующих произведениях вообще, а потом довольно подробно анализируется роман «Дворянское гнездо» как своеобразная предтеча «Накануне».

Затем Добролюбов переходит непосредственно к роману «Накануне». Принципиально отказавшись от пересказа содержания романа, он приступает к характеристике основных образов начиная с Елены. Ее образ анализируется уже в явном хронологическом плане; Добролюбов последовательно рассказывает об этапах развития Елены, в каждом случае отмечая, как те или другие обстоятельства влияли на формирование ее характера: семейные распри между отцом и матерью рано «вызвали» Елену «на размышление» и поставили ее «в уровень с старшими»; так как события затрагивали самых близких людей, то у Елены рано развилось сострадание к несчастью, а вслед за этим страстное искание счастья для всех, отсюда ее благотворительность; знакомство с нищей девочкой Катей внушило Елене презрение к богатой излишествами жизни; интенсивное чтение расширило кругозор героини, способствовало развитию чувства неудовлетворенности настоящим и жажды больших дел, а между тем она вынуждена томиться в бездействии.

Здесь Добролюбов подчеркивает характерную особенность в содержании образа тургеневской героини. Затем образ Елены сравнивается с образом Ольги («Обломов»); литературная параллель дает критику возможность отметить новые черты Елены по сравнению с ее предшественницей («Елена как будто служит ответом на вопросы и сомнения Ольги»). Далее отмечается снова несколько черт в облике Елены, и Добролюбов приступает к анализу других образов романа. Дается тонкое описание специфичной композиционной черты тургеневского романа вообще: в центре стоит героиня как символ молодой России, а с ней автор сталкивает различных героев, представителей соответствующих социальных сил; выбор ею того или другого героя также становится символом.

Следуют характеристики каждого из героев «Накануне». Художник Шубин своей легкомысленной «художественностью» не может привлечь внимания Елены. Более глубокий и идеен ученый Берсеньев, но пассивность, безынициативность сближают его с дворянскими героя-

ми предшествовавшей литературы, Елена не способна увлечься им.

Добролюбов переходит к образу Инсарова. Вначале дается общая характеристика героя (единство личного и общественного, в связи с этим возникает параллель: противопоставление Берсеневу), затем неожиданно следует лирическое отступление: Добролюбов исключительно тепло и нежно говорит о любви Инсарова и Елены и вообще о ярком таланте Тургенева поэтически рисовать любовь.

Вслед за этим возникает опять теоретическая проблема: почему герой — болгарин и возможны ли подобные герои в России? Добролюбов далее вводит несколько совершенно не допустимых даже с точки зрения «либеральной» цензуры отступлений: о невозможности изобразить героя-поляка (ибо это означало показать борца с самодержавием за независимость своей отчизны) и о том, что домашнее окружение Елены напоминает расстановку сил русского общества.

Следует публицистическая тирада о громком слове и слабом «деле» «передовых» людей русского общества, где снова, как и в статье об «Обломове», говорится о насущной потребности ответа на вопрос: «Что делать?» Затем критик возвращается к характеристике Инсарова (в которую вклинивается новая характеристика Елены).

Трудности появления Инсаровых в России Добролюбов иллюстрирует не только известной аллегорией с ящиком, который легко толкнуть извне и чрезвычайно трудно сдвинуть сидя в нем, но и рассказом (где использована история злключения товарища Добролюбова студенческих лет) о невозможности в одиночку бороться с самодержавием, а после этого — рассказом о становлении в русском юноше передового сознания.

Характеристику романа критик заключает доказательством правильности избранного Еленой пути. На последних страницах следуют выводы из анализа русской жизни, порождающие надежду, горячую веру в возможность появления Инсаровых в России. Статья заканчивается взволнованным, вдохновенным призывом к скорейшему наступлению дня, когда страна даст своих Инсаровых.

Итак, основной стержень статьи — поступательно-логический анализ романа, общественного его значения —

остается в силе и при более детальном рассмотрении процесса этого анализа, но мы увидели, что в основном русле постоянно встречаются ответвления, отступления в сторону, среди которых и общая характеристика критических методов, и ценный, при параллели, анализ образа Ольги Ильинской, и тонкие открытия в области художественной формы тургеневских романов, но главное — обилие социальных очерков-отступлений, что придает статье публицистичность и подчеркивает общественную значимость рецензируемого произведения. Роман служит критику художественным объектом, на основании анализа которого можно сделать социально-политические выводы о современной жизни России в целом, поэтому отступления уходят далеко за пределы самого романа.

Особенно ценно в публицистическом смысле заключение статьи. Оно звучит как ответ на вопрос, поставленный в заглавии: когда же придет настоящий день? «Он необходим для нас, без него вся наша жизнь идет как-то не в зачет, и каждый день ничего не значит сам по себе, а служит только кануном другого дня. Придет же он, наконец, этот день! И, во всяком случае, канун недалек от следующего за ним дня: всего-то какая-нибудь ночь разделяет их!..» (6, 140). Все понимали, что речь идет о решительных сдвигах, прежде всего об отмене крепостного рабства, но не только об этом, а вообще о социально-политических переменах в стране. Недаром цензор вычеркнул этот абзац, и он был впервые восстановлен Чернышевским в посмертном Собрании сочинений Добролюбова.

Концовка звучала как призыв, как лозунг, как листовка... Недаром В. И. Ленин такое внимание обратил именно на эту статью. По воспоминаниям В. Воровского (в изложении Н. Валентинова), Ленин в 1904 году рассказывал, какое большое впечатление на него произвели труды Добролюбова: «Две его статьи — одна о романе Гончарова «Обломов», другая о романе Тургенева «Накануне» — ударили как молния. Я, конечно, и до этого читал «Накануне», но вещь была прочитана рано, и я отнесся к ней по-ребячески. Добролюбов выбил из меня такой подход. Это произведение, как и «Обломов», я вновь перечитал, можно сказать, с подстрочными замечаниями Добролюбова. Из разбора «Обломова» он сделал клич, призыв к воле, активности, революционной борьбе, а из анализа «Накануне» настоящую революци-

онную прокламацию, так написанную, что она и по сей день не забывается. Вот как нужно писать!»¹.

Дальнейшее развитие отмеченных идей и свойств мы находим в статье Добролюбова «Луч света в темном царстве» (1860), посвященной драме А. Н. Островского «Гроза». Ей предшествовала большая статья «Темное царство» (1859) — о пьесах Островского до «Грозы»: Добролюбов в ней выделял мир купцов-самодуров («самодурство» приобретало обобщенный смысл, становилось прозрачным синонимом самодержавия) и подчеркивал расшатывание этого мира, начало его конца, появление первых проблесков протеста против самодурства, страх «темного царства» перед «образованием»... Но в тех пьесах Добролюбов не мог найти «лучей света», и лишь образ Катерины в драме «Гроза» дал возможность критику создать новую трактовку и всего предшествующего творчества Островского, особенно последней его пьесы.

Добрую половину обширной статьи «Луч света...» занимает введение, посвященное теоретическим рассуждениям о сущности литературы: она должна быть правдивой, отображать жизнь во всей истинности. Но не только правдивость ценна. «Мерою достоинства писателя или отдельного произведения мы принимаем то, насколько служат они выражением естественных стремлений известного времени и народа» (6, 307). А каковы естественные стремления народа? Добролюбов выражает их краткой формулой: «Чтоб всем было хорошо» (6, 307). Что же такое «хорошо»? Добролюбов, не претендуя на всеобщность ответа, опять же формулирует очень кратко: «благо в труде» (6, 314). Если привлечь и другие статьи критика, вспомнить его социально-политические суждения, то ясно, что он выражает народные, демократические принципы и идеалы: свободный труд, свободное творчество трудящихся людей. А как эти стремления и черты отражены в творчестве Островского?

Русская жизнь тех лет, конечно, была далека от предоставления народу свободного труда. В пьесах Островского отражено «темное царство», которое Добролюбов, естественно, расширял далеко за пределы купеческого мирка: «темное царство», «самодурство» становились приметами русской жизни вообще. Но в самой силе, яркости отображения «темного царства» критик усматривал

¹ Вопросы литературы, 1957, № 8, с. 134.

стремление драматурга протестовать против такого мироустройства: «Произвол с одной стороны и недостаток сознания прав своей личности с другой — вот основания, на которых держится все безобразие взаимных отношений, развиваемых в большей части комедий Островского; требования права, законности, уважения к человеку — вот что слышится каждому внимательному читателю из глубины этого безобразия» (6, 317).

«Отсутствие всякого закона, всякой логики — вот закон и логика этой жизни» (6, 326). Добролюбов, однако, великолепно показывает, что «вечие жизни» (6, 303), новые исторические обстоятельства, вызвавшие надежду на коренные перемены в социально-политическом устройстве России (ведь близилась отмена крепостного права, нарастала революционная ситуация в стране!), стали расшатывать «темное царство»: «...в своем непререкаемом, безответственном темном владычестве <...> самодуры русской жизни начинают, однако же, ощущать какое-то недовольство и страх, сами не зная перед чем и почему» (6, 327). Здесь-то критик и переходит наконец, после громадного общего введения к статье, к непосредственному анализу «Грозы».

Внешне, показывает Добролюбов, и в этой пьесе господство самодуров как бы сохраняется в полной мере: «Дикой ругает кого хочет»; «Кабанова держит по-прежнему в страхе своих детей, заставляет невестку соблюдать все этикетки старины» (6, 327). Полностью сохраняется и материальная власть самодуров: Тихон и Катерина зависят от Кабановой, Борис — от своего дяди Дикого. И даже странница Феклуша, как будто бы не подчиненная «темному царству», оказывается материально заинтересованной в подачках. Экономическая несвобода обуславливает лицемерие Тихона, безволие и раболепие Бориса, хитрое поведение Феклуши, которая, умеренно расхваливая «благословенную» жизнь в городе Калинове, бранит все «чужое»: «Ясно, что простой инстинкт самосохранения должен заставить ее не сказать хорошего слова о том, что в других землях делается» (6, 323). Эти типы, отмечает критик, являются пособниками «темного царства»: «Тихон представляет один из множества тех темных типов, которые обыкновенно называются безвредными, хотя они в общем-то смысле столь же вредны, как и сами самодуры, потому что служат их верными помощниками» (6, 347). И тем не менее,

подчеркивает Добролюбов, самодуры стали инстинктивно чувствовать, что их время безвозвратно уходит в прошлое. «Отсюда возникает постоянная подозрительность, шепетильность и придирчивость самодуров: сознавая внутренне, что их не за что уважать, но не признаваясь в этом даже самим себе, они обнаруживают недостаток уверенности в себе мелочностью своих требований и постоянными, кстати и некстати, напоминаниями и внушениями о том, что их должно уважать» (6, 333).

Добролюбов прекрасно понимал, что, несмотря на предчувствия, на безотчетные страхи, самодуры добровольно не уступят своего господства: «...напрасно было бы надеяться на исправление Дикого посредством каких-нибудь вразумлений {...}, его никакие разумные убеждения не остановят до тех пор, пока с ними не соединяется осязательная для него внешняя сила» (6, 332). Силе нужно противопоставить силу. Еще к статье «Русская сатира екатерининского времени» (1859) Добролюбов взял эпиграф из басни Крылова «Кот и повар»:

А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить,
Чтоб там речей не тратить по-пустому,
Где нужно власть употребить.

А кто из действующих лиц «Грозы» может оказать Дикому и Кабанихе «властное» сопротивление? Ясно, не Борис и не Тихон, и даже не «внешний» Кулигин, материально не зависимый от самодуров, но по характеру мягкий, уступчивый, неспособный на отпор. Единственный, кто мог бы «сильно» противостоять Дикому, — это его конторщик Кудряш, но его хватает лишь на словесные перепалки; правда, Кудряш мечтает «пострашать» Дикого «в переулке», но для этого ему нужно быть в компании: «вчетвером этак, впятером» (хорош мужчина, который лишь при четырехкратном перевесе способен на акцию!).

Добролюбов и раньше неоднократно обращался к теме активности, жизненного деяния. Ему были органически неприятны «лишние люди», поэтому он так жадно всматривался в новые литературные произведения, ища в них отображения изменений в жизни и в характерах русских людей: история уже давала много примеров активного жизненного поведения, но в литературе процесс воплощения в тип «нового человека» был замедлен.

Потому-то Добролюбов подробно остановился в статье «Когда же придет настоящий день?» на образе Инсарова как на предвестнике «русских Инсаровых».

С другой стороны, Добролюбову были чужды деятельные, практические люди из мира «темного царства»: их активность была нацелена на собственное обогащение; таковы Подхалюзин (персонаж из драмы Островского «Свои люди — сочтемся») и гоголевский Чичиков. Фактически это тоже будущие самодуры, сумевшие обмануть менее расторопных представителей «темного царства».

Всем им, и самодурам отживающим, и вновь на смену приходящим, и покорным рабам этого мира, Добролюбов противопоставляет «русский сильный характер» Катерины (6, 337). В этом и заключается, по мнению критика, новаторство новой пьесы: «...характер Катерины, как он исполнен в «Грозе», составляет шаг вперед не только в драматической деятельности Островского, но и во всей нашей литературе» (6, 334).

Может показаться, что образ Катерины дорог Добролюбову *протестом*, отрицанием. Именно так издавна истолковывались идеи «Луча света в темном царстве», начиная со статей Ап. Григорьева. Конечно, основания для этого были. В самом деле, Добролюбов отмечал в Катерине «противоположность всяким самодурным началам» (6, 337), т. е. ее отталкивание от враждебной ей среды. Но не это в ней было главное для критика, главное — в позитивном, в творческом начале ее натуры. «Катерина вовсе не принадлежит к буйным характерам, никогда не довольным, любящим разрушать во что бы то ни стало. Напротив, это характер по преимуществу созидающий, любящий, идеальный» (6, 343). Добролюбов подчеркивает, что Катерина старалась все облагородить, гармонизировать, опозитизировать: и скучный провинциальный быт, и церковные службы, и даже суеверные легенды, рассказываемые странниками. «В сухой, однообразной жизни своей юности, в грубых и суеверных понятиях окружающей среды она постоянно умела брать то, что соглашалось с ее естественными стремлениями к красоте, гармонии, довольству, счастью». И на основании своих сердечных стремлений «она строила себе иной мир, без страстей, без нужды, без горя, мир, весь посвященный добру и наслажденью» (6, 344). И даже в доме Кабановых, в который она попала без сердечного влечения, но и без отвращения, — она вначале была

настолько далека от его мерзостей, что не понимала и не чувствовала их, — даже в этом доме она пыталась жить в своем идеальном мире, тем более что ее всегда отличала «слишком большая готовность делать все для других, мало заботясь о себе» (6, 346), а при такой самоотдаче ужасы окружающего быта менее заметны. Но зато нахлынувшая на Катерину любовь многое ей открыла, и она со всей силой восстала против «темного царства».

Добролюбов очень интересуется, каким образом возможно появление протеста со стороны такой тихой, гармоничной женщины? Этой теме он посвящает несколько страниц статьи. Прежде всего выдвигается диалектический принцип: «...крайности отражаются крайностями», «самый сильный протест бывает тот, который поднимается наконец из груди самых слабых и терпеливых» (6, 339). Поэтому естественно, что именно в женщине, самом угнетенном существе «темного царства», вырос такой сильный протест.

Кроме того, Добролюбов уверен в исконности, первоизданности благородных, честных, добрых начал в человеке, так что «естественных стремлений человеческой природы совсем уничтожить нельзя» (6, 341). А Катерина была переполнена ими.

Добролюбов всячески подчеркивает органичность, естественность свободного развития Катерины в детстве, естественность ее *натуры*, поэтому ее возмущение против норм «темного царства» основано не на образовании, не на логике, а именно на природных стремлениях ее натуры к счастью, к наиболее полному проявлению духовной и душевной страсти, любви, человечности в отношениях. Но «темное царство» не давало возможности осуществить эти стремления, и цельная натура Катерины предпочла смерть жалкому прозябанию.

Как в свое время Белинский любил, анализируя сюжеты, предлагать прогнозы вероятных дальнейших путей героев (что бы было с Ленским, если бы он не был убит, и т. п.), так и здесь Добролюбов останавливается на финале: возможны ли для Катерины другие исходы? Критик рассматривает первый вариант: остаться в семье Кабанихи, получить «великодушное прощение от самодуров», «переродиться» в рабыню — и, естественно, отвергает подобную перспективу как невозможную для натуры Катерины. Нереален и второй ва-

риант: «бежать с Борисом от произвола и насилия домашних» (6, 359), ибо Борис не может вырваться ни экономически, ни психологически из пут «темного царства». Поэтому Добролюбов усматривает закономерность, «решительную необходимость того фатального конца» (6, 361), к какому приходит Катерина, ибо «жить в «темном царстве» хуже смерти» (6, 362). Так личная драма Катерины возвышается до социального обобщения, до аналогии с общим положением страны. Трагический финал представляется поэтому критику «отрадным», так как он свидетельствует, что нельзя далее подчиняться самодурным началам и что зреет протест против них. Потому же концовка добролюбовской статьи, как и предшествующие, превращается в призыв, в прокламацию: «...ежели наши читатели, сообразив наши заметки, найдут, что, точно, русская жизнь и русская сила вызваны художником в «Грозе» на решительное дело, и если они почувствуют законность и важность этого дела, тогда мы довольны...» (6, 363).

Статья Добролюбова о «Грозе» имела такой же громадный успех в читающей публике, как и предшествовавшие, рассмотренные выше.

Последняя крупная литературная статья Добролюбова «Забитые люди» (1861) также создавалась в полемической борьбе. Ей предшествовала программная статья Ф. М. Достоевского «Г-н -бов и вопрос об искусстве», опубликованная в журнале «Время», совсем недавно, с января 1861 года, начавшем выпускаться в свет братьями Достоевскими (писателем и его старшим братом Михаилом). Господин «-бов» — это Добролюбов. Он многие свои крупные статьи подписывал такой сокращенной частью фамилии: «-бов» или «Н.-бов». Конечно, большинство читающей публики уже знало, что ведущий критик «Современника» — Николай Добролюбов, тем более это знали коллеги — журналисты и писатели. Но Достоевскому, естественно, было неудобно раскрывать чужой псевдоним, и он и в заглавии, и в тексте статьи пишет только «-бов».

Статья Достоевского в качестве эстетической и критической программы нового журнала «Время» поднимала важные теоретические и практические вопросы. Достоевский сражается на двух фронтах сразу: с одной стороны, он журит защитников «чистого искусства», что они часто не учитывают общественных потребностей и пото-

му общество бывает право в своем негодовании на них: если бы после страшного лиссабонского землетрясения вышла газета, где на видном месте было бы опубликовано стихотворение Фета «Шепот, робкое дыханье...», то лиссабонцы всенародно на площади казнили бы своего знаменитого поэта (впрочем, оговаривается Достоевский, виновато в этом не искусство, а поэт, не понявший всей несвоевременности и оскорбительности публикации; через 30—50 лет лиссабонцы, считает автор, поставили бы своему поэту памятник за замечательные стихи). Но значительно больше Достоевский нападает на «утилитаристов» «Современника» во главе с «г-ном -бовым». Их он считает кабинетными мечтателями, плохо знающими действительность, пренебрежительно относящимися к художественности, а главное — «требующими», «предписывающими» писать «об этом, а не об этом».

Обе стороны, отмечает Достоевский, и защитники «чистого искусства», и «утилитаристы», действуют против своих же интересов. Так, первые ограничивают возможности искусства, нападая на сатиру или на обличительную литературу. Тем самым они «уничтожают свободу в выборе вдохновения». «С другой стороны, — продолжает он, — утилитаристы, не посягая явно на художественность, в то же время совершенно не признают ее необходимости»¹. Между тем «художественность в писателе есть способность писать хорошо», поэтому художественный рассказ «был бы в тысячу раз полезнее» плохого. «Следовательно, художественность в высочайшей степени полезна именно с *вашей* точки зрения»², — обращается Достоевский к «-бову». И завершает полемику следующими формулами: «Искусство всегда современно и действительно, никогда не существовало иначе и, главное, не может иначе существовать»; «Красота есть нормальность, здоровье. Красота полезна, потому что она красота, потому что в человечестве — всегдашняя потребность красоты и высшего идеала ее. Если в народе сохраняется идеал красоты и потребность ее, значит, есть и потребность здоровья, нормы, а следственно,

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Л., 1978, т. 18, с. 79.

² Там же, с. 80, 93.

тем самым гарантировано и высшее развитие этого народа»¹.

Ответная статья Добролюбова очень своеобразна. Главный смысл «Забитых людей» — определение достоинств произведений Достоевского в свете уже твердо сформировавшегося критического метода революционно-го демократа.

Критик прежде всего напоминает читателям, что Достоевский и Салтыков-Щедрин принадлежали в начале своей деятельности, в сороковых годах, к замечательному движению в истории русской культуры: «То было направление живое и действенное, направление истинно гуманическое» (7, 244). Добролюбов имел в виду и общее движение русской литературы, русского искусства под воздействием Белинского и Гоголя к реализму, к созданию «натуральной школы», а в то же время и более конкретное явление в истории русской общественной мысли сороковых годов: принадлежность Достоевского и Салтыкова к петрашевцам²; в духе петрашевцев были созданы повести Салтыкова «Противоречия» и «Запутанное дело», в которых вельможные деятели из правительственных сфер справедливо усмотрели революционные идеи и сослали автора в 1848 году в Вятку; Достоевский же продолжал участвовать в кружке Петрашевского до конца, до апреля 1849 года; вместе с другими его ведущими членами пережил страшные минуты прощания с жизнью, когда выслушал себе смертный приговор, а затем пережил четыре года каторги, два года солдатчины и только в 1859 году получил разрешение вернуться из Сибири. Обо всем этом Добролюбов мог только намекнуть; прямо сказать о петрашевцах, о мытарствах Достоевского он не имел возможности.

А главной общей чертой художественного творчества

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Л., 1978, т. 18, с. 98, 102.

² Петрашевцы — участники радикального социально-политического кружка, созданного Михаилом Васильевичем Буташевичем-Петрашевским (1821—1866); все члены кружка мечтали об освобождении крестьян и о других коренных реформах в стране, некоторые из них были революционерами; в 1849 году большинство петрашевцев было арестовано, передано суду, 21 человек приговорен к расстрелу, замененному каторгой, солдатчиной, ссылкой; петрашевцы продолжали дело декабристов и предвещали революционные кружки «шестидесятников»; петрашевец А. В. Ханыков оказал серьезное идейное влияние на Чернышевского-студента.

Достоевского Добролюбов назвал «боль о человеке, который признает себя не в силах или наконец даже не в праве быть человеком» (7, 242). Критик считает эту боль актуальной, не устаревшей, ибо в современном русском обществе он усматривает великое множество крушений жизненных судеб: «...искания человека сохранить свою личность, остаться самим собою, никогда не удаются, и кто из ищущих не успеет рано умереть в чахотке или другой изнурительной болезни¹, тот в результате доходит только — или до ожесточения, нелюдимства, сумасшествия, или до простого, тихого отупения, заглушения в себе человеческой природы» (7, 242).

Принижение человека, низведение его до положения раба может привести, иронизирует Добролюбов, к созданию неподвижного, застывшего общества, о котором могут только мечтать властители: «...истинный идеал государства состоит в том, чтобы всякий был доволен на своем месте, всякий сознавал законность и глубокую справедливость своего положения и с такою же охотою повиновался, с какою другие повелевают, так же был спокоен и счастлив при своих десяти целковых жалованья, как другие при двадцати тысячах дохода» (7, 251). Достоевский и рисует разные типы униженных людей, которые как будто бы предназначались для такого «идеального» государства. Но даже в самых забытых типах, подчеркивает критик, художник отыскивает живые стремления, «вынимает в самой глубине души запряженный протест личности против внешнего, насильственного давления» (7, 248). Даже такой робкий, забытый персонаж, как Макар Девушкин (повесть «Бедные люди»), как показывает Добролюбов, начинает размышлять о социальной несправедливости... Художник изображает несостоятельность «будто бы идеальной организации», обезличивающей человека, и необходимость заменить ее «другой, признающей все права личности и принципы бесконечного развития, бесконечного шествия вперед, то есть прогресса, в противоположность застою» (7, 253).

Интересно, что Добролюбов постепенно все больше и больше начинает пользоваться терминами «художественное», «художник» и в конце концов делает существенное заявление: «Нужно сказать, что некоторая доля

¹ Не забудем, что Добролюбов писал эти строки в сентябре 1861 года, тяжело больной, ему оставалось жить менее двух месяцев.

художнической силы постоянно сказывается в г. Достоевском, а в первом его произведении («Бедные люди». — Б. Е.) сказалась даже в значительной степени» (7, 254). Здесь, несомненно, проявляется уступка «художническим» требованиям и идеалам Достоевского: Добролюбов, увлекаясь великолепным, глубоким изображением в произведениях писателя униженных и оскорбленных, невольно начинает восхищаться и художественным их воплощением. Следует учитывать при этом, что критик еще не знал ни одного из пяти самых знаменитых романов писателя: даже первый из них, «Преступление и наказание», будет создан несколько лет спустя.

Подробно прослеживая разнообразие типов униженных людей у Достоевского, Добролюбов больше всего интересуется проявлением у них чувств и понятий человеческого достоинства, справедливости и т. п. Естественно, они «так мало проявляются в практической деятельности» (7, 268), и критик опять же подробно занимается этой проблемой: почему так происходит? почему их так мало, казалось бы, естественных и необходимых всем свойств? Можно, говорит Добролюбов, объяснить это характером таких людей: «Ведь будь у них другой характер — не могли бы они и быть доведены до такой степени унижения, пошлости и ничтожества» (7, 268). Но тогда опять возникает вопрос: а отчего образовались такие характеры? «Может быть, вина в нашем национальном характере? Но ведь этим вопрос не решается, а только отдалается: отчего же национальный характер сложился такой, по преимуществу инертный и слабый? Придется только решение, вместо настоящего времени, перенести на историческую почву» (7, 268).

А далее Добролюбов иносказательно, оглядываясь на возможность цензурных изъятий, поясняет, что постоянное противодействие силой любому протесту снизу сдерживает последний, убивает его на корню. Так, князь Валковский от попыток Ихменева добиться наказания князя как мерзкого обидчика (роман «Униженные и оскорбленные») огражден «своим экипажем, швейцаром, связями, наконец даже полицейским порядком» (7, 274). В этом-то и заключена причина обилия «униженных» характеров.

Но заканчивает статью Добролюбов оптимистически. Никакой полицейской силе не остановить растущего протеста: «Мы заметили, между прочим, общее стремление к

восстановлению человеческого достоинства и полноправности во всех и каждом. Может быть, здесь уже и открывается выход из горького положения загнанных и забитых, конечно, не их собственными усилиями, но при помощи характеров, менее подвергшихся тяжести подобного положения, убивающего и гнетущего. И вот этим-то людям, имеющим в себе достаточную долю инициативы, полезно вникнуть в положение дела, полезно знать, что бóльшая часть этих забитых, которых они считали, может быть, пропавшими и умершими нравственно, — все-таки крепко и глубоко, хотя и затаенно даже для себя самих, хранит в себе живую душу и вечное, неисторжимое никакими муками сознание своего человеческого права на жизнь и счастье» (7, 274—275).

Статью «Забитые люди» и ее лозунговую программную концовку можно воспринимать как завещание Добролюбова, которому оставалось жить считанные дни. От внимания к самым ярким характерам, к «лучам света» типа Инсарова или Катерины, он перешел к анализу «маленьких людей», среди которых он также заметил ростки протеста, это вселяло в него большие надежды на будущее страны, и он прямо обращался к русским Инсаровым, к людям «инициативы», чтобы они знали: униженные и забитые люди могут им прийти на помощь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Добролюбов умер 17 ноября 1861 года, не дожив двух месяцев до 26-летия. Сгубила его чахотка, типичнейшая болезнь разночинцев, но не только она. Нравственные мучения человека, видевшего страдания родного народа, помогали физическому недугу. На похоронах, у свежей могилы Чернышевский зачитал предсмертное стихотворение Добролюбова, содержание которого не оставляет никакого сомнения в причинах ранней смерти:

Милый друг, я умираю,
Потому что был я честен...

Здесь же, у могилы, Некрасов и Чернышевский произнесли речи, смысл которых довольно точно изложил в своем донесении агент III отделения: «...чтобы все считали Добролюбова жертвою правительственных распоряжений и чтобы его выставляли как мученика, убитого нравственно, одним словом, что правительство уморило его» (Восп., с. 401).

В другом предсмертном стихотворении «Пускай умру, печали мало...» Добролюбов с искренней болью и аскетической скромностью излагает свои опасения:

Боюсь,
Чтоб под могильною землею
Не стал любви предметом я.
Чтоб все, чего желал так жадно
И так напрасно я живой,
Не улыбнулось мне отрадно
Над гробовой моей доской.

Да, жизнь не баловала Добролюбова. Его великое и по ценности, и по объему творческое наследие создавалось, несомненно, в ущерб здоровью и житейским радостям. Некрасов в стихотворении «Памяти Добролюбова» (1864) подчеркнул именно его волевою целенаправленность, установку на труд:

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять...

Как женщину, ты родину любил,
Свои труды, надежды, помышленья
Ты отдал ей...

Зато уже при жизни Добролюбову сопутствовала всероссийская слава, а вскоре пришла и всемирная. Широко известно суждение Ф. Энгельса: «Страна, выдвинувшая двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов, не погибнет...»¹. Энгельс сравнил русских мыслителей с выдающимся немецким писателем-просветителем, теоретиком и литературным критиком, общественным деятелем XVIII века.

Насколько наследие Добролюбова было популярно, свидетельствует такой факт. Чернышевский успел до своего ареста в июле 1862 года подготовить к печати 4-х томное Собрание сочинений Добролюбова, которое до начала XX века выдержало семь изданий, т. е. выпускалось раз или иногда даже два раза в каждое десятилетие. На статьях Добролюбова воспиталось несколько поколений творческой молодежи. Особенно велико воздействие его наследия на писателей, критиков, артистов, ученых.

Почти все писатели-шестидесятники: Н. Г. Помяловский, В. А. Слепцов, Ф. И. Решетников и др. — испытали заметное влияние Добролюбова.

Передовые русские критики последующих поколений — Д. И. Писарев, П. Н. Ткачев, Н. К. Михайловский и др. — развивали его идеи и метод. Писатели и критики Украины (П. Мирный, И. Франко), Болгарии (Х. Ботев, Л. Каравелов), Сербии (С. Маркович) многие свои произведения создавали под влиянием статей Добролюбова.

Трактовка образа Катерины в исполнении М. Н. Ермоловой непосредственно восходит к статье «Луч света в темном царстве».

Из историков особенно явное воздействие метода и идей Добролюбова (как и Чернышевского) испытал А. П. Шапов, исследователь русского раскола и народных движений, профессор Казанского университета, изгнанный оттуда в 1861 году за свою общественную деятельность и демократические воззрения и сосланный в Иркутск.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 522.

Ученик и биограф Щапова Н. Я. Аристов в книге «А. П. Щапов» (Спб., 1883) отмечает со слов учителя большое влияние на его мысль статей и рецензий Добролюбова на исторические темы. Испытали влияние шестидесятников и более поздние прогрессивные историки России (В. И. Семевский, Н. М. Ядринцев, С. С. Шашков, Н. Я. Аристов).

Участники революционного движения 1860-х годов И. А. Худяков и И. Г. Прыжов в своих исторических и этнографических трудах следовали за историческими и фольклористическими статьями Добролюбова, особенно в оценке массовых народных движений прошлого и в оценке русского фольклора. И. А. Худяков и другой демократический собиратель и издатель устного народного творчества П. Н. Рыбников вослед Добролюбову отмечали в своих записях фольклорных текстов «всю обстановку», при которой сказители исполняли свои произведения. «Заметка собирателя» Рыбникова, приложенная к известному фольклорному многотомному сборнику «Песни, собранные Рыбниковым» (первое изд., 1861—1867), создана под непосредственным воздействием статьи Добролюбова «Черты для характеристики русского народа» и рецензии на «Русские народные сказки» Афанасьева.

Один из центральных деятелей русской академической науки второй половины XIX века. А. Н. Пыпин не только потому, что он был двоюродным братом Чернышевского, но и по глубокому влиянию, какое на него оказали идеи шестидесятников, был в своих литературоведческих и этнографических исследованиях прямым учеником Добролюбова.

Значительное воздействие метод и мировоззрение шестидесятников оказали на развитие естественных и точных наук в России. Великий русский физиолог И. М. Сеченов был другом Чернышевского, и знаменитый труд ученого «Рефлексы головного мозга» первоначально писался как статья для «Современника», но был запрещен цензурой. А от Сеченова идут методологические научные пути к И. И. Мечникову, К. А. Тимирязеву, И. П. Павлову... И даже когда трудно, казалось бы найти прямое влияние идей, например в области математики, нельзя забывать, что первая русская женщина-математик С. В. Ковалевская самой своей биографи-

ей, смелым вызовом казенному русскому миру, вначале препятствующему получить женщине высшее образование, а потом преподавать и заниматься наукой (Ковалевская вынуждена была и учиться, и работать за границей), показала себя достойной воспитанницей шестидесятих годов.

В целом научное наследие Добролюбова является непреходящей культурной ценностью, воистину национальным достоянием, которое и сейчас многое дает нам.

Всенародное празднование 150-летия со дня рождения Добролюбова в феврале 1986 года еще раз продемонстрировало живую актуальность его наследия для наших дней. Критики и публицисты, историки и философы учатся у Добролюбова умению органично соединять конкретный анализ с глубокими обобщениями, освещать литературные и житейские факты под общественно-политическим углом зрения, делать, как говорил В. И. Ленин, из разбора художественного произведения «настоящую революционную прокламацию».

Творчество Добролюбова, все его жизненные деяния были устремлены в будущее. Они наглядно учат гражданской ответственности и активности, слиянию слова и дела. Поэтому непреходяща их культурно-историческая ценность.

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

Если, дорогой читатель, тебе захочется углубить свои представления о Добролюбове, то мы будем рады дать тебе соответствующие рекомендации. Прежде всего желательно проштудировать те статьи, которые упоминаются в книге. Лучше всего их изучать по новейшему Собранию сочинений Добролюбова в 9-ти т., выпущенному издательством «Художественная литература» (М.—Л., 1961—1964). За небольшими исключениями здесь содержится полный свод всех научных, публицистических, критических, художественных произведений Добролюбова, его дневников и писем. Изучение рекомендованных статей, возможно, повлечет за собой и прочтение других работ мыслителя.

Очень полезным для уяснения личности ученого является выпущенный тем же издательством сборник «Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников» (М., 1961) со вступительной статьей В. В. Жданова; сборник подготовлен и прокомментирован видным исследователем творчества Добролюбова С. А. Рейсером. Для справок рекомендуем также «Летопись жизни и деятельности Н. А. Добролюбова», составленную С. А. Рейсером (М., 1953). Другим справочным пособием является книга М. Г. Зельдовича и М. В. Чернякова «Н. А. Добролюбов. Семинарий» (Харьков, 1961), включающая обзор громадной литературы по самым различным проблемам добролюбовского наследия.

Издательство «Просвещение» недавно выпустило книгу А. А. Демченко «Н. А. Добролюбов» (М., 1984). Из ранее вышедших рекомендуем книгу В. В. Жданова «Н. А. Добролюбов. Критико-биографический очерк» (М., 1961) и его же книгу «Н. А. Добролюбов» (М., 1955) в серии «Жизнь замечательных людей».

Далее приводим список других основных работ по различным проблемам, затронутым в нашей книге.

Смирнов В. З. Н. А. Добролюбов о воспитании. М., 1951.

Егоров Б. Ф. Н. А. Добролюбов — собиратель и исследователь народного творчества Нижегородской губернии. Горький, 1956.

Рейсер С. А. Добролюбов в Нижнем Новгороде. Горький, 1961.

Н. А. Добролюбов — критик и историк русской литературы. Л., 1963.

Базанов В. Г. Русские революционные демократы и народознание. Л., 1974.

Соловьев Г. А. Эстетические воззрения Чернышевского и Добролюбова. М., 1974.

Кружков В. С. Н. А. Добролюбов. Жизнь — деятельность — мировоззрение. М., 1976.

Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л., 1982.

Никоненко В. С. Николай Александрович Добролюбов. М., 1985 (Серия «Мыслители прошлого»).

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
У истоков литературно-критической деятельности	8
В Нижнем Новгороде	17
Друзья и соратники	—
Собиранье фольклора. Первые записи пословиц и загадок	24
Народная песня. Собственные опыты стихосложения	30
Изучение народных примет	34
Краеведческие замыслы	36
Исследование пословиц о Нижегородской губернии	40
В педагогическом институте	42
Обстановка в институте. Учителя. Знакомство с Н. Г. Чернышевским	—
Изучение трудов Ф. И. Буслаева о фольклоре	51
Первый научный труд: критическая статья о сборнике пословиц Буслаева	56
Статьи Добролюбова о художественной форме фольклора. Статья о романе	60
Лекции Добролюбова о русской литературе	72
Социально-политическая проблематика в трудах Добролюбова	95
Труды Добролюбова по истории	109
Литературно-критические взгляды	118
Статьи о писателях-современниках	131
Заключение	153
Советуем прочитать	157

Борис Федорович Егоров

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДОБРОЛЮБОВ

Зав. редакцией Г. Н. Усков
Редакторы Т. П. Казымова, Е. П. Пронина
Младший редактор Д. А. Михайлова
Художественный редактор Н. М. Ременникова
Технический редактор Л. Г. Куркина
Корректоры О. С. Захарова, К. А. Иванова

ИБ № 9591

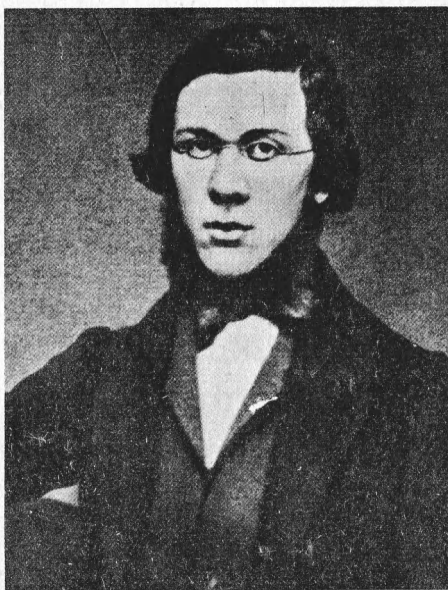
Сдано в набор 21.08.85. Подписано к печати 19.02.86. А08539. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Бум. кн. журн. отеч. Гарнитура лит. Печать выс. Усл. печ. л. 8,4 + 0,42 вкл. Усл.
кр.-отт. 9,45. Уч.-изд. л. 8,66 + 0,41 вкл. Тираж 181 000 экз. Заказ № 689. Цена 30 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного
комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва,
3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Сво-
боды, 97

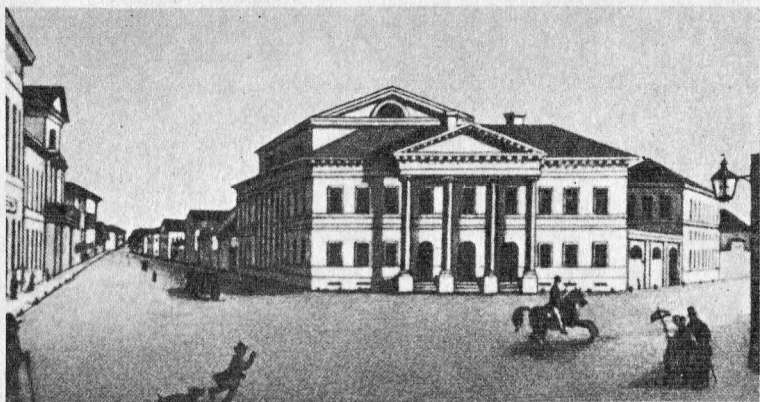
Н. А. Добролюбов.
Фотография Кулиша
В Петербурге.
1857 г.

Н. А. Добролюбов.
Фотография Ж. Хоха
в Петербурге.
1860 г.

Н. А. Добролюбов.
Фотография Ж. Грийе в Неаполе.
Май 1861 г.

Культурный центр Нижнего Новгорода первой половины XIX в. —
дворянское собрание на Б. Покровской ул.

(ныне клуб им. Я. Свердлова, ул. Свердлова, 18).

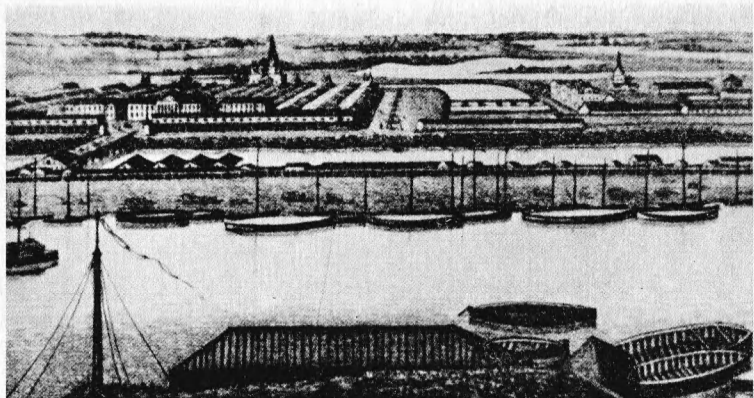
Литография с рисунка Д. Быстрицкого. Середина XIX в.

Дом Добролюбовых на Лыковой дамбе в Нижнем Новгороде
(ныне Октябрьская ул., 2); построен отцом в 1843 г.;

семья жила в двухэтажном флигеле (на переднем плане);
комната Добролюбова — на втором этаже, правое окно.

Фото 1890-х гг.

Общий вид зданий Нижегородской ярмарки на стрелке
между Волгой (вдали справа) и Окой (на переднем плане).
Литография середины XIX в.

А. Д. Улыбышев, организатор музыкальной жизни
в Нижнем Новгороде.

Литография с рисунка Г. Элерса. 1847 г.

Академик
И. И. Срезневский.
Литография А. Мюнстера
с рисунка
Н. Ванифатьева. 1854 г.

Профессор
Петербургского
университета
Н. М. Благовещенский.
Литография А. Мюнстера
с рисунка Гурке.
1854 г.

В. Г. Белинский. Литография с рисунка К. Горбунова. 1843 г.

Н. Г. Чернышевский. Фото В. Лауферта. Петербург, 1857 г.

СОВРЕМЕННОСТЬ

1856

№ VIII АВГУСТЪ

Санктпетербургъ

ВЪ ЗАДАЧАХЪ СВАБОДЫ ИСТИНЫ ИЪ ПРОГРЕССА ИСКУССТВА
ВЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ ЖИЗНИ

Титульный лист
номера журнала
«Современник»,
где впервые были
опубликованы две статьи
Н. А. Добролюбова.

Открытие памятника
Н. А. Добролюбову
в Ленинграде
26 ноября 1959 г.
на Большом пр.
Петроградской стороны.
Скульптор
проф. В. А. Синайский,
архитектор
С. Б. Сперанский.

30 коп.

Созданием файла в формате DjVu
занимался ewgeniy-new
(ноябрь 2014)